

ИСТОРИЯ,
КОТОРОЙ
НЕ БЫЛО

меченый маршал

АЛЕКСАНДР
ТРУБНИКОВ

Русич, бывший наемник латинского императора Балдуина, волею судьбы становится рыцарем и владетельным сеньором франкской Мореи. Он участвует в войне с ромеями, женится на дочери афинского герцога и готовится унаследовать его титул. Но жизнь его в одночасье рушится. После смерти жены и новорожденного сына он становится тамплиером и долгие годы проводит в Палестине, где за рану на лице получает прозвище Меченый Маршал.

В наше время его отдаленный потомок, киевский историк Дима Соларев, нанятый иерархами Киево-Печерской лавры для разгадки тайны похищения Туринской Плащаницы, вместе с новыми друзьями и компаньонами — бывшим бандитом Сергеем и грабителем музеев Франческо — решает самостоятельно завладеть сокровищем. «Квест», оставленный Дмитрием в XIII веке, приводит их сначала в Мосинопольское командорство тамплиеров, затем в Стамбул и в конце концов на Кипр. Из-за досадной ошибки Димы враги нападают на их след, и друзьям приходится спасаться бегством...

Роман является непосредственным продолжением криптоисторического боевика «Наследство тамплиеров».

- [Александр Трубников](#)
 - [Пролог](#)
 - [≈](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)

- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)

Александр Трубников
Меченый Маршал

«Гольфстрим-С550» — самолет миллиардеров — пересек итальянскую границу со стороны Альп, и вошел в зону ответственности миланского диспетчерского центра. По фюзеляжу элегантной тридцатиметровой машины, несущейся над заснеженными вершинами со скоростью тысяча километров в час, шла ярко-красная надпись «International Ecological Foundation» — «Международная экологическая организация», а на крылья и хвост была нанесена знакомая всему миру эмблема стилизованного гималайского медведя.

Воздух был чист и прозрачен, и через лобовое стекло с высоты одиннадцати тысяч метров просматривалась почти вся ломбардская равнина — от озера Маджоре, лежащего у подножия гор, до реки По, змеящейся на самой границе видимости. До цели полета, Миланского аэропорта, оставалось минут двадцать ходу, поэтому сразу же после прохождения горного массива командир запросил у диспетчера разрешение на посадку, и начал снижение. После того как на табло загорелась предупреждающая красная надпись, стюардесса вышла в салон, чтобы позаботиться о единственном пассажире, предложить ему напитки, и попросить пристегнуть ремень безопасности.

Пассажирский салон самолета представлял собой смесь из сверхкомфортабельного бизнес-купе и воздушного командного пункта, оснащенного по последнему слову техники. Мягкие диваны из светло-серой, приятной на ощупь кожи перемежались со стойками систем передачи данных и многочисленными компьютерными терминалами.

Приглушенный свет и мерцание цветных лампочек скрывали неосвещенные места, поэтому пассажира удалось разглядеть не сразу. Темноволосый кареглазый человек лет тридцати пяти, в скромном сером костюме сидел на диванчике перед ноутбуком и время от времени сверяясь с записями карманного компьютера, и данными, выведенными на терминалы что-то очень быстро печатал.

— Господин Дефо! — обратилась к нему стюардесса, — я прошу меня простить, но правила воздушной безопасности требуют, чтобы вы прекратили пользоваться нештатным электронным оборудованием во время посадки.

— Сьюзен, я могу работать на бортовой консоли? — человек, не прекращая печатать, поднял на нее глаза.

— Безусловно, господин президент, правила этого не запрещают. Выберите, пожалуйста, кормовую консоль, и обязательно пристегнитесь.

Шарль-Анри Дефо, командующий самой большой на планете частной армией, безропотно подчинился правилам. Он переслал файл в бортовую локальную сеть, выключил ноутбук, перебрался в катающееся на полозьях кресло перед терминалом, и не обращая внимания на легкую болтанку, продолжил работу. На экране монитора появился текст:

«Председателю организационного комитета Бильдельбергского клуба, господину Рене Синклеру. От президента МЭО, Шарля Анри-Дефо.

Результирующий отчет.

„___“ июля 20___ г. МЭО получила задачу обеспечить в Турине работу группы грабителей музеев, которые были наняты для похищения Туринской Плащаницы (далее — объект), дожидаться когда объект перейдет к заказчику, после чего уничтожить всю указанную группу. Операция была разделена на три этапа.

Первый этап — похищение. Время „Ч“ было назначено на день футбольного

матча между Туринским „Ювентусом“ и Мюнхенской „Баварией“. Серией оперативных мероприятий матч был сорван, и на усмирение болельщиков были отвлечены основные силы правоохранительных органов Турина. После завершения матча в городе начались спровоцированные проявления хулиганства и вандализма. Группа профессиональных грабителей под руководством гражданина Швейцарии, Яна Зингера, с помощью постановщиков помех заблокировала охранную сигнализацию Сидонской Капеллы, расположенной между кафедральным собором св. Иоанна Предтечи и дворцом герцогов Савойских, где хранится Туринская Пещаница.

Михаэла Шнайдер спустилась на крышу Капеллы, и через слуховое окно проникла в зал. Она вывела из строя систему контурных датчиков и открыла подвал, откуда в помещение Капеллы проникли, через неизвестный властям подземный ход, братья Стивен и Марк Холл. Ударная группа обезвредила охранников, полностью отключила сигнализацию, извлекла Пещаницу из рамы на стене, и покинула Капеллу, снова воспользовавшись подземным ходом. На месте похищенной Пещаницы, согласно предписанию заказчика был оставлен особый знак — закругленная свастика, вписанная в восьмиконечный, так называемый мальтийский крест, а также на цоколе одной из статуй была сделана надпись „Boniface de Montferrat“.

На данном этапе со стороны МЭО осуществлялось только общее наблюдение и прикрытие. Члены группы (в которую кроме вышеуказанных лиц входил также и технический специалист, Орвар Маннефельт), не были поставлены в известность о том, что они находятся под усиленным контролем.

Данный этап операции завершился успешно.

Второй этап — зачистка. Объект был доставлен в Бельгию и сдан на хранение в банк „Брюс“. После того как в Стрезе произошла передача кодового ключа, открывающего доступ к ячейке с объектом, оперативная группа получила команду на ликвидацию „группы Зингера“. Сам Зингер был уничтожен на участке скоростного шоссе „Стреза-Милан“, для чего была устроена широкомасштабная авария со взрывом бензовоза. Михаэла Шнайдер, подруга Зингера, была ликвидирована в Берлине. Так как она имела привычку по завершении операций снимать стресс легкими наркотиками, а кроме того, имела много беспорядочных сексуальных контактов, ее устранение было закамуфлировано под передозировку наркотиков. Орвар Маннефельт устранен в Стокгольме, в собственной квартире. Оперативная группа имитировала утечку газа, угар и пожар. Братья Стивен и Марк Холл, по завершении операции вышли на собственной яхте с Кипра в направлении греческого архипелага. Группа коммандос, выброшенная с вертолета, имитировала их гибель во время погружения с аквалангом.

Ни в одном из четырех случаев местные следственные органы не обнаружили следов насильственной смерти. Так как члены группы глубоко конспирировали свои связи, никто не сопоставил их одновременную гибель. Оперативная проверка существования других членов „группы Зингера“ не обнаружила.

Третий этап — засада. Согласно распоряжению организационного комитета, на месте похищения Пещаницы было установлено круглосуточное наблюдение. Его целью было обнаружение неких лиц, которые располагают информацией, необходимой заказчику. Эти лица, увидев оставленный знак, по утверждению заказчика, должны прибыть в Капеллу и попытаться разыскать там надпись. Через несколько недель удалось выяснить, что съемом информации для „противной

стороны“ занимается уборщик капеллы, у которого в метелку для смахивания пыли была вмонтирована портативная цифровая камера. Допрос уборщика вывел оперативную группу на посредника. Но старший группы допустил оплошность — тело уборщика было обнаружено в реке на следующее утро, и противная сторона эвакуировала посредника в Бразилию. За время, которое понадобилось на его локализацию, похищение и допрос, „противная сторона“ успела предпринять адекватные меры.

Главным исполнителем „противной стороны“ оказался некий Сержио Ликаренко — гражданин Украины, менеджер фирмы Лекан, которая специализируется на контрабандных поставках дорогой одежды. Как выяснилось, операцию в Капелле он осуществил в паре с Дмитрием Соларевым, также украинцем, который прибыл в Италию из Таиланда, где до этого работал инструктором в дайвинг-центре. Углубленная проверка показала, что Соларев имеет диплом магистра истории.

На виллу фирмы Лекан было произведено нападение, но Солареву и Ликаренко удалось скрыться. Их местонахождение, как и заказчик операции от „противной стороны“ в настоящее время устанавливаются.

Особое мнение:...»

Самолет заложил глубокий вираж, и Дефо откинулся в кресле. Дожидаясь, пока салон вернется в горизонтальное положение, он выглянул в иллюминатор, и увидел множество сверкающих на солнце крыш самого большого в Европе склада одежды — так называемого Миланского стока.

* * *

Под металлическими крышами огромных ангаров Миланского стока жизнь кипела круглые сутки. Сюда свозится со всей Европы одежда из дорогих магазинов, не распроданная за сезон, выбраковка, а также партии товара, от которого покупатель отказался в силу тех или иных причин. Здесь товар перепаковывается, и вывозится за пределы ЕС, в основном в страны бывшего СССР. Большая часть китайской продукции превращается в «Версаче», «Гуччи», и другие знаменитые модели именно здесь.

Вдоль широких проходов ангара мимо бесконечных деревянных поддонов с уложенными на них плотно упакованными тюками сновали, словно по проспекту электропогрузчики.

В глубине ангара, в малозаметном тупичке среди тюков расположилась странная компания. Со стороны могло показаться, что это спрятавшиеся от начальства рабочие, улучив свободные полчаса играют в карты, но присмотревшись внимательнее можно было понять, что они на самом деле разбирают пачку документов — паспортов, таможенных деклараций и транспортных накладных.

Несмотря на то, что все трое были одеты в одинаковые синие комбинезоны, трудно было найти более разных людей.

Первый — типичный русский пельмень, словно выдернутый из начала девяностых годов двадцатого столетия, когда бандит-рекетир, а чуть позже и легендарный «новый русский» из анекдотов ассоциировался именно с подобным типажом. Мощные плечи, крепкий торс и сломанные хрящи ушей выдавали в нем бывшего борца.

— Вот это мое хозяйство — гордо произносил «пельмень», держа в руках развернутый веер из паспортов и кредитных карт. — Говорил он на невообразимой смеси из языка Верки

Сердючки, который в России давно считают украинским, ломбардской фени, и «пиджн инглиш», подобии английского языка, на котором миланские сутенеры пытаются объясняться с иностранными клиентами, так что разобрать во всей речи можно было лишь отдельные слова. — Моя фирма «Лекан» вывезла отсюда за год крутых костюмов втрое больше, чем их производят в Италии. Каналы доставки — мама не горюй, и работают как часы. Через час-другой погрузимся в машину с товаром, завтра проскочим Венецию, и поминай, мля, как звали. А пока машина к рейсу готовится, давайте все перетрем. Пока бежали, времени не было. А ну, Франческо, давай, бухти еще раз что там за лажа с твоими форточниками?

Второй «картежник» — итальянец, а точнее пьемонтец лет сорока, с мясистым носом и грустными глазами под которыми висели большие мешки, внимательно прислушивался к цветистой речи «руссо мафиозо», пытаюсь уловить ее содержание. Это ему удавалось с огромным трудом.

— Меня зовут Франческо Каранзано — произнес он с заметным напряжением. Я был у Яна Зингера, как это правильно, technical security. Ян Зингер — добавил он, увидев удивленно вскинувшиеся как по команде брови собеседников — это главный в команде, которая похитила Плащаницу. Обо мне знал только Ян. Поэтому, когда группу стали зачищать, я уцелел. Заказчик операции — самая крупная в мире тайная организация, бильдельбергский клуб. Исполнитель — их военизированная организация, которая известна как МЭО. — Он говорил короткими, непривычными для итальянца фразами.

— Нифига, себе братан! — «пельмень» положил пятерню на стриженный затылок и смачно «почесал репу» (иначе это действие назвать невозможно). — Ну, а на нас ты как вышел, тихушник?

— Когда я узнал, что убили Яна, а за ним и всех остальных, я ринулся в банк, где лежал гонорар. Но счет оказался заблокирован. Тогда я вернулся в Милан и стал отслеживать активность вокруг Капеллы. Там вышел на группу наблюдения МЭО, а прослушивая их переговоры вчера обнаружил и вас. Теперь я хотел бы узнать, в свою очередь, каким образом вы причастны к этой операции? — Франческо вопросительно посмотрел на третьего.

Молодой человек лет двадцати семи, к которому он обратился, напоминал артиста Демьяненко — всенародного Шурика из фильма «Кавказская пленница», только в отличие от него, был жилистый и загорелый.

— Солярев, Дима — представился он по-английски. В отличие от земляка его язык был правильным и почти литературным. Я историк по специальности, но давно занимаюсь подводным плаванием. В сезон подрабатываю инструктором в дайвинг-центрах. Меня выдернули с Таиланда серьезные люди из Киева, и предложили пятнадцать тысяч евро, если я обнаружу в Сидонской Капелле некую надпись. Кто такие, я тогда не знал. Мне показали летопись, в которой изображен точно такой же знак, что и в Капелле, на месте похищения Плащаницы. Если верить летописи, то надпись, которая находится в двух шагах от «ложной реликвии», должна привести к месту, где находится реликвия истинная.

— Кажется, я начинаю понимать, — присвистнул Франческо, — бильдельбергеры обнаружили некие записи с «половиной плана». То, что Туринская плащаница-подделка тринадцатого века давно ни для кого не секрет. Вот они и устроили весь этот балаган, для того чтобы привлечь внимание тех, кто имеет вторую часть. Похоже, что им это удалось. Насколько я понимаю, Серж, именно вы можете пролить свет на то, кто является заказчиком с вашей стороны.

— Ну, я тут в натуре, мля на стоке смотрящий от киевской команды — забубнил «пельмень». — Мы по бизнесу плотно трем с попами из Лавры, а их главный особист здесь типа крышует по политике. Вот они меня и попросили принять этого ботаника, и оказать ему

помощь. Да не дуйся ты, Димон, мля, я в курсе давно, что ты нихрена не ботаник, — безобидно забухтел он в ответ на негодующий взгляд Соларева. — Мы сначала и так и эдак крутили, чтобы туда проникнуть, да не вышло нифига. Потом подрядили местного уборщика чтобы он видео в Капелле снимал. Сначала нормально, потом эти уроды нас скалькулировали. Ну, нашего пулиторе выпотрошили на информацию и замочили. Я посредника аж в Рио-де-Жанейро отправил, но и там нашли, гады. Он меня и сдал. Если бы ты Франческо вчера не нарисовался на вилле, то взяли бы нас тепленькими...

— И что вы планируете делать дальше, господа? — спросил Франческо.

— Не знаю как Димон, мля, а я планирую выскочить из Милана, так чтобы ни одна сволочь об этом не узнала — ответил Ликаренко, продолжая по ходу дела «сдавать» документы своим собеседникам. — Машина готова, ксивы тоже. Торжественное отбытие через полчаса. А все базары перетрем, когда этих псов с задницы сбросим.

— Я согласен с Сергеем — ответил Дима. — Для того чтобы решить что делать дальше, нам нужно для начала уцелеть. Только я связан с этим делом намного сильнее, чем вы думаете. Он достал из-за пазухи потемневший от времени бронзовый медальон, и продемонстрировал его Сергею и Франческо. На медальоне был изображен тот же самый знак, что и в Сидонской капелле, на месте похищенной Плащаницы — тамплиерский крест с вписанным в него паучком солнцеворота-славянской свастики.

Неожиданно из кармана у Сергея раздался залихватский сигнал мобильного телефона.

* * *

— Никто не берет рубку, Ваше преподобие — произнес представительный седоватый мужчина в серой тройке, сшитой еще покойным Аароном в неизвестном широкой публике ателье КГБ Украины — Ликаренко и Солярев не отвечают со вчерашнего дня.

— Звони каждый час, Николай Владимирович, а если к обеду не объявятся, то поднимай там, в Милане всех своих людей. Чую дела там плохи. Слава богу, что они хоть надпись эту нашли и информацию передать успели.

Сразу после того, как Николай Владимирович спрятал телефон в карман, зазвонил к обедне колокол Большой лаврской колокольни. Ему ответил перезвон собора Успения Пресвятой Богородицы. Но его собеседник, Наместник Киево-Печерской Лавры, не обратил на звон ни малейшего внимания — он, набуровив хитрые проницательные глазки смотрел, не отрываясь на изображение оставленного в Капелле знака, сравнивая его с картинкой в старинном фолианте.

В кабинете, на втором этаже здания митрополичьих покоев находились еще двое в монашеском облачении. Неприметный монах, постоянно прячущий глаза, заслышав звон, не расправляя плеч, перекрестился. Сделал он это по православному истово, но как-то суетливо. Скосившись на него, осенил себя крестным знаменiem и лаврский библиотечарь. Немного подумав, перекрестился на купола и Николай Владимирович Шамарин. Бывший полковник КГБ занимал пост начальника службы безопасности Лавры.

— Давай-ка свою книгу, еще раз поглядим — произнес Наместник, глядя в сторону библиотечаря.

Тот выложил на край стола книгу, и раскрыл ее на нужной странице. Четыре человека склонились над фолиантом, разбирая корявые строчки, нанесенные на пергамент небрежной рукой.

Пергамент был не италийской, а нормандской работы. Выделан он был скверно, поэтому перо царапало по поверхности, и буквы ложились неровно. Статный русич в дорогом доспехе миланской работы, сидел на вязанке хвороста в подземелье, и растянув на доске чистый лист, подсвечивая себе дорогими свечами из воска, наносил на бумагу строку за строкой.

«Меня зовут Дмитрий Соларев. Я родился в Киеве. Когда город взяли и сожгли монголы, мне было десять лет. Мой отец, Окунь Соларев, купец, торговавший с венецианцами, разорился, и отдал меня владимирскому дружиннику Чорту Ладыге, дабы тот меня на службу взял и военному ремеслу обучил.

Пятнадцать лет меня носило по Руси. Был я при великом князе киевском и владимирском Александре Ярославиче, что от монголов ярлык на княжение получил, сначала отроком в малой дружине, затем ближним дружинником и писцом. Ходил я с князем в Сарай, бился на берегу Чудского озера с братьями-рыцарями Ливонского ордена, бывал и в Новгороде, и в Суздале, и во Владимире. Да только не поладил я с князем, уж больно он был жесток да подозрителен.

Сбежал я в Киев, к князю Даниле, и нанялся к нему на службу. После того как римский апостолик князя в короли помазал, остался я в Закарпатье и ушел я служить в войско венгерского короля, а затем нанялся в Константинополь, к латинскому императору Балдуину.

В году от рождества Христова, как в Риме принято отсчет вести, одна тысяча двести шестьдесят первом, франки в РOME ослабли, а греки наоборот, усилились и император Никеи, Михаил Палеолог захватил Константинополь и изгнал из страны Балдуина. Латинский император сбежал на галере, бросив в городе почти всю свою охрану, в числе оставленных был и я.

Судьба привела меня в командорство рыцарей Храма. Тамплиеры дали мне убежище и обещали принять в собратья ордена. Но за это я должен был помочь приору Греции Ронселену де Фо и командору Константинополя Леонарду Бергену добраться из Константинополя в Морею — франкское государство в Греции. По дороге, неподалеку от крепости Мосинополь, что на границе Фракии и Фессалии, мы попали в засаду, устроенную генуэзскими налетчиками. Отряд наш весь погиб, а мне и приору де Фо удалось бежать. Раненный в плечо арбалетной стрелой, мессир указал мне на развалины тамплиерского командорства, что были неподалеку. Под развалинами сохранилось подземелье, в котором мы укрываемся и по сей день».

Дмитрий опасливо поглядел на спящего приора, и продолжил писать.

«За свое спасение мессир посвятил меня в рыцари, и наградил дорогим доспехом. Мало того, он открыл мне великую тайну. Здесь, в мосинопольском командорстве, покоятся останки маркграфа Монферратского, предводителя крестоносного войска, в 1204 году захватившего Константинополь, короля Фессалоник Бонифация Первого. Бонифаций был убит в стычке с болгарами, и из его черепа царь Калоян приказал по языческому половецкому обычаю сделать чашу для пиров. Приближенные Бонифация

не решились положить обезглавленное тело в освященной земле. Но командор Мосинополя, тамплиер де Ту, пользуясь дарованными ордену привилегиями, похоронил останки короля в подземелье орденской церкви, а затем отбил у болгар его череп. Склеп с доблестным Бонифацием находится здесь, рядом с нами.

Де Фо также рассказал мне, что после завоевания Константинополя Бонифаций стал обладателем великой реликвии — нерукотворного образа Господа нашего Иисуса Христа, который хранился в сокровищнице ромейских базиликов. Реликвию эту он завещал ордену Храма. Ее и вывозил мессир из Константинополя, и сейчас она здесь, рядом с нами.

Мессир уже оправился, и рана его зажила, так что через несколько дней мы продолжим свой путь. Не ведая, как сложится моя судьба, я решил доверить бумаге то, что видел и слышал, в назидание потомкам. Чтобы записи эти не стали достоянием врага, я пишу их на родном языке, который неведом живущим здесь грекам да латинам».

Дмитрий, стараясь не шуметь, свернул рукопись, и тщательно упаковав в просмоленный кусок парусины, спрятал ее в тайник. Он не видел, что за ним наблюдает притворявшийся спящим раненый тамплиер.

...по народным поверьям, клад легко поддается освобождению из-под опеки дьявола и дается в руки чаще всего людям некорыстным и готовым поделиться с ближним.

Шамарин В. С.

«Справочник кладоискателя»

Граница византийской провинции Фракия и королевства Фессалия. Река Марица. Развалины Мосинопольского командорства тамплиеров, 1261 г.

Почти не шевеля крыльями, лунь парил вдоль русла реки. Его охотничьи угодья простирались от излучины почти до устья, а вправо и влево — до границы заболоченной поймы. Высматривая раненую, больную или просто зазевавшуюся рыбу, лунь не забывал окидывать взглядом окрестности, отмечая, где в морском заливе ставят сети рыбаки, где крестьяне выгоняют на пастбище овец, а где всадники выехали на кабанью охоту.

Внезапно лунь заметил шевеление на вершине холма. Он набрал высоту и сделал круг над каменными развалинами на вершине. Зрение его не обмануло — среди камней молодая ласка охотилась на мышь. Ласка была весеннего помета, ей было от силы месяца четыре, и это была ее вторая в жизни самостоятельная охота. Она замерла над норой, ожидая, когда пугливая полевка хоть на полкорпуса высунется наружу, и по неопытности потеряла бдительность. Лунь во мгновение ока сложил крылья, и бесшумно спикировал вниз.

Почти над самой землей хищная птица выставила вперед когти и с шумом расправила крылья. Ласка опомнилась слишком поздно — она пискнула и метнулась в бок в поисках спасения, обреченно наблюдая за тем, как небо закрывает огромная тень. В этот самый момент одна из каменных плит рядом с ней зашевелилась, и с шумом поехала в сторону, открывая путь к спасению. Ласка не разбирая дороги, ринулась в темноту, а раздосадованный лунь заложил крутой вираж, и в несколько мощных взмахов вернулся к облету.

Хорошо замаскированный люк раскрылся до половины. Дмитрий осторожно выглянул наружу, осмотрелся по сторонам, убедился, что вокруг нет ни души и помог выбраться из убежища своему спутнику.

Дмитрий, бывший наемник латинского императора Балдуина, после того, как Константинополь отвоевали греки, был брошен своим хозяином на произвол судьбы. Опасаясь мести гвардейцев Михаила Палеолога, он попросил убежища у тамплиеров, и приор Романии и Мореи, Ронселен де Фо, принял его на службу. Но на Эгнatieвой дороге на отряд де Фо, движущийся в Фивы, напали генуэзцы. Из всего отряда уцелели только Дмитрий и де Фо. Приор был ранен в плечо арбалетной стрелой, но перед тем как потерять сознание, объяснил Дмитрию дорогу к развалинам бывшего командорства, где сохранилось тайное убежище. Там они и спрятались от погони.

На двенадцатый день вынужденного сидения в подземелье де Фо поправился настолько, что вполне мог ехать верхом без посторонней помощи. Разбойники, так и не напавшие на их след, как осторожно выяснил Дмитрий, поднимаясь иногда на поверхность, пометавшись дня три по окрестным деревням, давно убрались в сторону Константинополя. До ближайшей деревни, где можно было купить лошадей, был день пути.

Солнце было в зените, когда они выбрались, наконец, на древнюю римскую дорогу и размеренно зашагали, по остаткам брусчатки, ведя попутно разговор.

— Мессир Ронселен, — вновь задал давно мучившие его вопросы Дмитрий, — а почему орден все это время держал Плащаницу в обреченном Константинополе? Ведь ее пришлось так спешно и с таким риском оттуда забирать? А если бы мы с вами не ушли от засады? И что теперь с ней делать? И зачем вы забрали голову короля Фессалоник из могилы?

— А где по-вашему держать погребальный покров Господа, сир рыцарь? — с обычной

своей ехидцей задал встречный вопрос де Фо, — замки в Святой Земле, принадлежащие ордену, постоянно находятся под угрозой захвата. Надежен лишь Кипр, но путь к нему неблизок, и полон опасностей. Европа, конечно, имеет свои преимущества, но там почти нет наших боевых отрядов, и случись что, реликвию некому будет защищать. Вот капитул и принял решение десять лет назад — оставить все пока как есть, и не доверять Плащаницу превратностям морского и сухопутного пути. Тайники у нас везде устроены надежные.

Останки короля Бонифация де Монферрата я взял с собой для того, чтобы по его завещанию, оставленному братьям Суассонского монастыря, похоронить в одном из главных храмов ордена — скорее всего в лондонском Тампле.

Купив в ближайшем селении трех недорогих крестьянских коней, и оседлав их, де Фо и Дмитрий отправились в сторону Фессалоник, откуда их путь лежал на полуостров Пелопонесс, в последнее государство франков на греческих землях — Морею.

Историю этой страны Дмитрий, служивший при дворе латинского императора, знал очень хорошо. Еще при жизни Бонифация де Монферрат несколько франкских нобилей, под рукой нового короля захватили у греков Центральную Грецию и полуостров Пелопонесс, и создали два герцогства.

Новые франкские владения получили неизвестно откуда взявшееся название Морея, а возглавили их племянник шампанского маршала, Жоффруа де Виллардуэн и приближенный к Бонифацию бургундский барон Оттон де ла Рош. Они принесли Бонифацию вассальную присягу, и получили от нового сюзерена титулы — Виллардуэн — князя Ахайского, а де ла Рош — герцога Афинского.

Князь и герцог, а затем и их наследники оказались мудрыми правителями. Они не допустили разорения земель и примирили греческое население с новыми франкскими сеньорами. Земли хорошо управлялись и процветали.

Морейские князья имели огромные доходы в 100 000 византийских иперпиров в год, из которых 22 000 отправлялись на поддержание Константинопольского императора. Бароны Мореи были знамениты на всю Европу, а двор Виллардуэнов являл пример рыцарской доблести и куртуазности.

Но в 1259 году войско Мореи было разбито армией Михаила Палеолога, а князь Гийом Виллардуэн попал в плен, где и находился до сих пор. Де Фо рассказал, что сейчас, в отсутствие князя, государством правит на правах регентши его жена вместе с советом баронов. Переговоры с Палеологом о возвращении князя из плена ведутся давно, но греческий император требует за его свободу три главных морейских крепости, на что герцог Афинский и бароны Ахайи не соглашаются.

Влияние тамплиеров при обоих дворах было очень велико, и благодаря посредничеству ордена переговоры по освобождению князя Гийома почти завершились. Именно с этой миссией де Фо и пребывал в Константинополе во время неожиданного падения города и бегства императора Балдуина. С воцарившимся в столице Палеологом де Фо договорился по всем пунктам, и вез договор в Андравида, на утверждение баронского совета.

* * *

На четвертый день пути, в крепости Серра де Фо нанял отряд из трех бургундских рыцарей по обычной цене — одну серебряную марку в неделю за всадника, и марку в месяц за оруженосца, с хозяйским столованием и ночлегом. Теперь они двигались в столицу герцога Афинского, город Фивы, с эскортом, достойным приора тамплиеров и морейского посланника,

доставлявшего весть от нового константинопольского базилиевса.

Генуэзцы, которые напали на них по дороге, судя по всему, достигнув Константинополя, выяснили кто именно стал их жертвой и, как предположил де Фо, сидели там тише воды и ниже травы, а всего вероятнее, давно вернулись домой.

На десятый день пути они, объехав стороной беспокойные Фессалоники, достигли крепости Ламия, как и многие здешние владения принадлежавшие некогда ордену Храма. Земли здесь были густо заселенные и ухоженные. Кругом, куда не кинь, простирались пастбища, пшеничные поля, а также рощи оливковых и шелковичных деревьев.

Разбойничьи шайки, состоящие в основном из македонцев, владов и греческих крестьян из горных селений, изредка встречавшиеся на пути, в отличие от генуэзцев, исчезали из виду, лишь только разглядев рыцарские доспехи бургундцев, и белый орденский плащ де Фо. Остаток поездки так и прошел бы без особых происшествий, если бы не приключение, произошедшее менее чем в дне пути от Фив.

Миновав границу Афинского герцогства, с вершины очередного холма они разглядели в долине многочисленную шайку оборванцев, которая облепила дорого украшенную дорожную карету, на дверцах которой были изображены увенчанные коронами гербы. Разбойники, только что расправились с охраной, и ломились внутрь.

По команде бургундского командира, шевалье ле Бона, отряд изготовился к бою. В копейной атаке против разбойников не было ни малейшего смысла, поэтому всадники, вытаскивая на ходу мечи, и не ровняя строй, ринулись вниз по склону. Заметив надвигающихся на них латинян, оборванцы бросились врассыпную, словно тараканы.

Два дня назад Дмитрий получил от де Фо отличного боевого коня. Мистраль был великолепен. Он опередил остальных на пару корпусов, и Дмитрий успел нанести несколько ударов, уложив двух самых нерасторопных беглецов. Вокруг кареты остались лишь растерзанные тела нескольких солдат, кучера и фореиторов.

Дмитрий, не вкладывая меч в ножны, соскочил на землю. Внутри кареты на бархатном сиденье лежала без чувств молодая девушка в растерзанном платье. Разбойники не успели до их появления обесчестить благородную даму. Может быть, ее приберегал для себя предводитель шайки, а может, в расчете на то, что за «неиспорченную» аристократку удастся выручить большой выкуп, они ограничились тем, что обнажили ее до пояса, и ощупали с ног до головы. Судя по всему, самым большим ущербом, который она понесла, стал отпечаток грязной пятерни на одной из небольших, но очень ладных молочно-белых грудей.

Когда глаза Дмитрия привыкли к сумраку, он разглядел, что благородная дама в карете не одна. Забившейся в угол кареты и полностью лишенной одежд служанке повезло намного меньше, чем госпоже. Сжавшись в комок, и прикрываясь руками, на удивление светловолосая гречанка с широкими бедрами и пышной грудью затравленно глядела на рыцаря, принимая его за одного из разбойников, который вслед за более удачливыми товарищами, желает воспользоваться ее беспомощностью.

Дмитрий отстегнул фибулу, стянул плащ и закутал в него полуобнаженную госпожу, а затем, взяв ее на руки, осторожно вынес из кареты.

К этому времени отряд перебил тех разбойников, которые не успели укрыться в ближайшей оливковой роще. Уложив девушку на землю, Дмитрий поглядел в сторону подъехавшего к ним де Фо.

Тот, увидев гербы на дверцах кареты, удивленно поднял брови, а разглядев пришедшую в сознание девушку, бросил тревожный взгляд в сторону Дмитрия. Поняв, что де Фо хорошо знает эту благородную даму и крайне встревожен тем, не пострадала ли она от насильников, он отрицательно мотнул головой. Девушка вздрогнула и открыла глаза. Приор сразу же

успокоился, и слегка поклонившись в ее сторону, произнес:

— Мадемуазель Анна, я давно вас предупреждал, что дальние поездки в поисках античных мозаик и статуй без надлежащей охраны до добра не доведут. Что теперь скажет ваш дядя? Да и как он вообще вас выпустил из города?

— Дядя уехал в Андравиду на совет — отозвалась слабым, но очень мелодичным голосом девушка — а капитан надвратной башни не смел ослушаться моего приказа. Тем более, со мной была охрана.

— Сир рыцарь, — галантно произнес де Фо, после того как слез с коня — рана еще не зажила и давала о себе знать, — позвольте вам представить баронессу Анну де ла Рош, любимую племянницу герцога Афинского. Отчаянную поклонницу древней Эллады, у которой страсть к поиску древних произведений искусства порой затмевает чувство самосохранения.

Дмитрий в свою очередь попытался изобразить светский поклон, так как он это наблюдал, неся караул при дворе Балдуина — ваш слуга, мадемуазель — и судя по одобрительному взгляду де Фо, это ему вполне удалось.

Тут представленная Дмитрию Анна попыталась встать. Ее спаситель немедленно подал руку в скопированном у тех же придворных Балдуина галантном полупоклоне. При этом дама с ужасом обнаружила, в сколь плачевном состоянии находится ее наряд. По-девичьи вскрикнув, и испуганно оглянувшись по сторонам, она покрепче закуталась в плащ, да так и осталась сидеть на земле.

Де Фо, а с ним и остальные, кто находился рядом, благородно отвели взгляды в стороны и все как один занялись подтягиванием подпруг у своих коней. То же самое сделал и Дмитрий, предварительно протянув спасенной свою фибулу, которой можно было застегнуть плащ, за что заработал исполненный благодарности взгляд.

Из кареты тем временем донеслись всхлипывания пришедшей в себя служанки. Анна застегнула плащ, и решительно забралась внутрь. Почти сразу же после этого всхлипывания перешли в истерические рыдания, которые успокаивающие слова госпожи долго не могли заглушить. В конце концов, она все-таки нашла какой-то действенный способ утешить компаньонку, и та наконец затихла.

Через некоторое время карета, под охраной отряда де Фо, с оруженосцами на месте кучера и форейторов, с плотно закрытыми шторами, укрывавшими Анну де ла Рош от посторонних взглядов, двинулась по направлению к Фивам.

Де Фо, который решил по дороге посвятить Дмитрия во все тонкости взаимоотношений местных нобилей, поведал, что основатель герцогства Отто де Ла Рош, давно уехал в Европу, передав завоеванный в бою герцогский титул своему старшему сыну Ги, который правит здесь и поныне. Второй сын ныне покойного герцога, Амори де ла Рош, занимает пост магистра ордена Храма во Франции, и близок к королю Людовику Святому. Другая ветвь ла Рошей породнена с ломбардским домом Бароцци, многие представители которого также были братьями-рыцарями ордена, и на протяжении трех поколений удерживали за собой посты командоров Ломбардии.

Кроме того, соправитель ла Рошей в столице герцогства — Фивах барон де Сент-Омер, чей предок являлся одним из девяти легендарных Первых Братьев ордена.

— Так что, — завершил рассказ де Фо, — Афинское герцогство пока еще наша земля, где тамплиеры связаны с владетелями кровными узами, и чувствуют себя почти как дома, в Заморье.

Спасенная Анна — дочь младшей сестры ла Рошей, умершей от лихорадки много лет назад, и погибшего в стычке с египетскими мамелюками бургундского барона, была единственным ребенком в роду. Оба сановных и могущественных дяди души в ней не чаяли и старались выбрать ей в мужа достойного рыцаря, которому, судя по всему, предстояло унаследовать

герцогскую корону.

Дмитрий слушал приора вполуха, внимательно наблюдая за дорогой и оглядывая окрестности. Его поражала эта удивительная земля, о которой он так много читал и слышал.

Подъезжая к Фивам, они пересекли огромную долину, сплошь засаженную ухоженными тутовыми деревьями, которые находились под вооруженной охраной. Один из наемников-бургундцев, Хакенсборн, который успел здесь повоевать, объяснил Дмитрию, что долина по-гречески так и зовется — Морокампо — тутовое поле. Именно здесь выращивают знаменитые шелка, которые по баснословным ценам продаются на рынках в Константинополе и Милане.

— Нам нужна эта земля, Дмитрий — дополнил рассказ Хакенсборна де Фо — полсотни тутовых деревьев приносят Храму доход, который позволяет содержать в Заморье одного полностью экипированного рыцаря с двумя оруженосцами, четырьмя конями и несколькими сержантами. Поэтому мы здесь, а фамилии ла Рошей, Бароцци и Сент-Омеров — собратья ордена тамплиеров.

* * *

Отряд, по дороге усиленный стражниками, которых вернувшийся к себе в столицу герцог Ги де ла Рош отправил вслед за племянницей, к концу дня добрался до Фив. Город раскинулся на нескольких холмах и порастил Дмитрия некоторой своей запущенностью.

Здания в городе были большей частью каменные, из пиленого ракушечника, не оштукатуренные, с глухими, на восточный манер, фасадами и плоскими крышами. На ночь окна наглухо закрывались деревянными ставнями. В нижних этажах зданий располагались лавки и мастерские. Люди здесь были одеты получше чем в Константинополе, да и выглядели сытнее, но по пути Дмитрий не встретил ни одного улыбающегося горожанина.

Резиденция герцога располагалась на высоком холме и представляла собой скорее даже не дворец, а хорошо укрепленную цитадель. К карете, въехавшей во двор, немедленно были вызваны камеристки, которые, обнаружив, в сколь плачевном состоянии находится их госпожа и сопровождавшая ее служанка, немедленно кинулись за нарядами и покрывалами. Де Фо и Дмитрий, вверив заботы по размещению наемников местному кастеляну, высокому старику с орлиным взглядом и прямой осанкой, отправились в приемный зал, где их ждал только что вернувшийся из столицы Ахайи герцог Ги.

Это был пожилой сановный мужчина, огромного роста. Плечи молотобойца и внушительный меч говорили о том, что он не сторонится ратного дела и вполне может постоять за себя, даже в одиночку. Тронувшая виски седина и взгляд с хитринкой выдавали в нем прожженного политика и одновременно изрядного ловеласа. Громогласные львиные рыки, которыми он отдавал приказы многочисленным слугам, и постоянно отпускаемые направо и налево оплеухи выдавали в нем человека, который с юношеских лет привык чувствовать себя сюзереном — челядь, получая очередной разгон, сияла.

Герцог и де Фо обнялись и поцеловались по франкскому обычаю. Затем его высочеству был представлен Дмитрий.

— Это Димитрий Солари, рыцарь и спаситель твоей племянницы, Ги, — произнес на греческий манер, чуть толкая его в спину, приор, — он вытащил меня раненого из генуэзской засады, спрятал и вылечил, поэтому мы задержались в пути.

— Слава Господу ты здесь, мой дорогой Ронселен, — прогрехотал в ответ герцог, — я начал волноваться, и вынужден был сам отправиться в Ахайю, чтобы совет баронов не принял необдуманных решений, до того как выяснится твоя судьба. Ты видел князя Гийома? Чем

закончились переговоры с императором схизматиков?

— Князь содержится под сильной охраной в Никейской крепости, и туда, увы, даже братьям ордена не удалось проникнуть. Единственное, что я смог сделать, так это получить его письмо, с сообщением о том, что он принес вассальную присягу византийскому императору, и согласился передать Михаилу три города, которые принадлежат ему лично, что не требует утверждения совета. А вот моя встреча с Михаилом принесла определенные плоды. Я привез, кроме всего прочего, готовый к подписанию мирный договор, после утверждения которого все латинские территории, в том числе и Афинское герцогство, останутся под управлением своих нынешних лордов. Присягу греческому императору при этом приносить не нужно — достаточно и того, что это сделал принц Гийом. Правда в Морею, назначен греческий наместник, брат Михаила Палеолога, но войсками он не располагает, и будет лишь следить, чтобы сумма в двадцать две тысячи золотых иперпиров, которая ежегодно направлялась латинскому императору Балдуину, теперь поступала в казну басилевса. Сразу же после подписания всех необходимых документов и прибытия наместника, принц Гийом, по заверению императора Михаила, будет немедленно отпущен из плена.

— Ладно уж, бумаги посмотрим вместе с твоими высокоучеными братьями после обеда. Теперь же прошу всех к столу — герцог широким хлебосольным жестом пригласил своих гостей проследовать в столовую, большую комнату с огромным камином, в котором, по прикидкам Дмитрия, можно было зажарить взрослого быка, и двумя дубовыми столами.

Первый стол, расположенный на небольшом возвышении, был предназначен для герцога и ближайшего его окружения, второй, занимавший почти весь зал, был отведен для вассалов и придворных рангом пониже. Там трапезничали вместе с герцогскими рыцарями наемники — бургундцы. Вассалы и наемники, при появлении в зале герцога со свитой, дружно вскочили со своих мест.

Не успел де ла Рош поприветствовать своих воинов и дать команду продолжать обед, как вдруг словно мановением волшебной палочки, шум в зале стих. Из галереи, ведущей во внутренние покои дворца, в сопровождении фрейлин вышла сверкающая красотой юная дама в великолепном парчовом платье, щедро усыпанном крупными жемчугами. Дмитрий от удивления чуть не уронил из рук перчатки. Он узнал в приближающейся красавице спасенную им девушку из кареты.

Сделав несколько шагов навстречу герцогу, Анна де ла Рош — а это была именно она — протянула ему обе руки и, видимо хорошо зная характер дяди, решила, что лучшим видом обороны является нападение.

— Дядя Ги! — капризно надув губки произнесла юная баронесса, — только не гневайтесь, ради всего святого, и никого из-за меня не наказывайте! Все ведь закончилось хорошо. Все целы и невредимы. Со мной все в порядке, а Мелиса...

— Не гневаться! — пророкотал, правда не так грозно как до этого, герцог, — я возвращаюсь домой, а мадемуазель Анна, как докладывает кастелян, заморочив голову моему лучшему капитану, сбежала за каким-то там куском мрамора почти без охраны и вопреки моим распоряжениям.

— Не за куском мрамора, а за статуей Аполлона, которой тысяча лет — попробовала перебить его своенравная племянница.

— Да плевать я хотел на эти греческие штучки, — прорычал в ответ герцог, — Апполон, Аристофан... Мне от ваших ромеев и так покою нет с их книжечками и священниками. Что вот мне теперь прикажешь делать с капитаном? Казнить, что ли?

— Как казнить? — глаза Анны округлились в непритворном страхе, — только не казнить, дядюшка, ну накажите как-нибудь, не сильно...

— Ну что же, для начала он разжалован в простые стражники. А чтобы остальным неповадно было благородных дам выпускать из города в лапы к разбойникам — что там с твоей Мелисой? Как мне успела доложить старшая фрейлина, трое разбойников лишили ее невинности? Вот пусть и берет ее в жены. Пожалуем им в качестве свадебного подарка кольчужный фьеф лен за то, что она тебя своим телом, так сказать, защитила. Пусть бывший капитан получит обещанную невесту, которой он обязан благосостоянием. После такого, дорогая племянница, думаю, что ни один из моих офицеров тебя на арбалетный выстрел к воротам без моего личного разрешения не подпустит.

При этих словах со стороны стола, где все еще стояли, дожидаясь, когда усядется герцог, вассалы и наемники, донесся громкий смех, более напоминающий лошадиное ржание.

Услышав о столь неожиданных результатах герцогского суда, Анна сначала вся залилась краской, а затем, оценив его по достоинству, тоже весело рассмеялась.

Герцог наконец усадил развеселившихся воинов, и пригласил гостей занять места за своим столом. Слуги заматались между кухней и залом, заставляя стол явствами.

— Дядя Ги, но мне кажется, что награда требуется и моему спасителю — Анна и Дмитрий встретились взглядами, и юная баронесса, видимо, вспомнив, в каком виде и при каких обстоятельствах ее увидел этот молодой и очень интересный рыцарь, покраснела и быстро отвела глаза.

— Слушай, Ги, — вступил в разговор и де Фо — после позапрошлого разгрома, у тебя ведь множество свободных ленов. Ты ведь капитану с Мелисой кольчужный фьеф не от хорошей жизни предложил. Не желаешь ли ты получить нового вассала? Дай ему какую-нибудь пограничную землю рядом с фиванским командорством, и одной стрелой порaziшь двух оленей — отблаговаришь спасителя, и получишь рыцаря, служившего в личной охране Балдуина. Император он был, честно говоря, никудышный, а вот его гвардия, я думаю, тебе хорошо известна.

— Мессир Ронселен, — обрадовано захлопала в ладоши Анна, — вы, как всегда, дали просто великолепный совет. Дядя, награждайте же его скорее!

С ошеломляющей быстротой, с которой он делал, по-видимому, все, за что брался, герцог де Ла Рош распорядился принести в зал его регалии. После того, как приказание было выполнено, он дал команду Дмитрию опуститься на колени, и заставил его произнести слова вассальной присяги — омажа, которые из-за спины подсказывал де Фо.

Писцы получили распоряжение готовить пожалованную грамоту, а герцог и его гости вернулись к столу, за который Дмитрий сел как сир Димитрий Солари де Вази — так называлось переданное ему в ленное владение приморское селенье с прилегающими к нему землями.

Как выяснилось во время обеда, это имение раньше принадлежало бургундскому рыцарю, погибшему в последнем походе. Лен был пожизненным владением, не передаваемым по наследству, и мог быть отобран сюзереном в любое время за нарушение вассальной присяги. Присяга же эта требовала служить господину сорок дней в году, платить ему дань, и становиться под знамя в случае объявления войны.

Так закончилось это головокружительное путешествие. Несмотря на большое количество выпитого молодого вина, Дмитрий, трезво рассудил, что в эти смутные времена за столь быстрым взлетом может в любой момент последовать такое же внезапное и сокрушительное падение, и поэтому особо в душе не ликуя, отправился спать в приготовленные ему отдельные покои.

Сон, как ни странно, все не шел. Воспоминания о теле Анны, таком нежном и беззащитном, разгорячили его кровь. В столице империи он по несколько раз в неделю

захаживал к молодой вдове-гречанке, которая, за небольшую плату и защиту, всегда была готова искупаться с ним в бассейне, наполненном горячей водой, и пойти навстречу любым его желаниям.

Дмитрий встал и подошел к высокому стрельчатому окну. Внизу во дворе была обычная суета. Прачки несли парами большие корзины белья, конюх прогуливал по двору вороного дестриера, прекрасного боевого коня, который, видимо, принадлежал герцогу, или кому-то из его баронов. В дальнем углу двора солдаты в свете факелов играли в кости.

Неожиданно в дверь постучали. Даже не постучали, а скорее поцарапались.

— Входите! — сказал Дмитрий, не отходя от окна.

Дверь медленно отворилась, но лишь чуть, и через образовавшуюся щель непостижимым образом просочился маленький и толстый человечек с острыми оттопыренными ушами и мясистым носом. Человечек низко поклонился Дмитрию и неожиданно высоким фальцетом застрекотал, словно кузнечик:

— Добрый вечер, сир! Я прослышал, что Вази пожалован новому сеньору. Позвольте представиться, я Ставрос, тамошний управляющий поместьем. После того, как погиб наш господин де Мери, славный был рыцарь, местные жители изгнали меня — все по наущению их греческого священника — ведь моя мать, упокой господи ее душу, была еврейкой, и к тому же дочерью ростовщика Соломона, ну кто же любит ростовщика и его семью! Разве я виноват, что отец — глава рыбацкой артели, на третий год моей жизни утонул в море, и его родные выгнали меня с матушкой к деду Шломо! Сир рыцарь! Возьмите меня на службу. Не думаю, что у вас есть опыт управления поместьями, да еще, к тому же, у нас в Греции, а я там каждую козу по имени знаю, и буду служить только вам!

Слегка ошавев от причитаний толстяка, напоминавшего пивной бочонок на ножках, писклявый голос которого никак не соответствовал его облику, Дмитрий нетерпеливым жестом заставил посетителя замолчать.

— Как ты ко мне попал?

— С соизволения господина кастеляна, — снова запищал тот, — он у нас заведует сбором податей, и решил, что лучше бы я с вами поговорил. А то, чего доброго, воевать отправитесь, а там, упаси господи — толстячок истово перекрестился — и убить могут, а управителя назначить-то и не успеете. А крестьяне, эти, народ от роду вороватый, все и разорят.

— Так у тебя мать еврейка, — постепенно вживаясь в роль владетельного сеньора, поморщился Дмитрий. Воспитанный при венецианской фактории, он, вместе с гражданами республики святого Марка, питал инстинктивную нелюбовь к этим извечным конкурентам италийских торговых городов. Дмитрий был осведомлен, что по нравам этого народа, если мать была еврейкой, то ребенок признавался евреем, — стало быть, и ты еврей?

— Христианин, мой господин, христианин! — быстро ответил Ставрос, суетливо извлекая из-под рубахи нательный крест, размерам которого мог позавидовать епископ. Крещен по греческому обряду, и каждое воскресенье посещаю службу в храме...

— Ну и что это за Вази? — перебил его Дмитрий. Он решил не упираться в вопрос происхождения Ставроса, тем более, что судя по всему, переспорить его было невозможно.

— Это недалеко отсюда, мой господин. День пути по дороге в сторону Афин. Небольшой донжон, правда, в отсутствие господина де Мери и после моего изгнания изрядно разоренный, три оливковых рощи и одна тутовая. Четыре деревни — пастухи, хлебопашцы, крестьяне, ухаживающие за деревьями, рыбаки. Лен в прошлом году принес около семисот золотых иперпиров.

— Семьсот золотых? — Дмитрий был ошарашен названной цифрой. Еще месяц назад он получал у Балдуина пять серебряных марок в месяц, и считал, что для такого, как он, наемника

это предел мечтаний.

— Семьсот тридцать, нет семьсот сорок, точно семьсот сорок! — после небольшой заминки поправился Ставрос, — так мне господин Кастелян сказал, — похоже, что растерянность Дмитрия он истолковал по-своему, — лен небольшой и небогатый, целиком с вами согласен, сир, но зато один из самых спокойных — как бы оправдываясь за свое бывшее хозяйство, пропищал Ставрос, — но теперь, после героической, не побоюсь этого слова, гибели нашего дорогого сеньора, там всю командует местный священник, отец Дионисос (да упекут его снова в монастырь, подальше от вашего лена), который оклеветал меня перед самим герцогом, обвинив в растрате — вот доходы и упали в три раза. Наш кастелян как узнал, что новый рыцарь пожалован Вази, сразу же меня к вам и отправил — ведь часть доходов вы отдаете, согласно вассальной присяге, герцогу.

Ставрос доверительно приблизился к Дмитрию, оглянулся на дверь, и продолжил, предполагая, что его писк будет воспринят как шепот, — этот Дионисос, да покарает его род господь наш справедливый, всемогущий — первый издоимец на три дня пути окрест. Это он меня оболгал, и злословия всякие распространял, лишь бы верного управителя со свету изжить и доходы славного рыцаря де Мери, тьфу, то есть уже ваши, сир, присвоить, и его высочество герцога по миру пустить...

Дмитрий отчетливо понял, что если этот писклявый толстяк немедленно не замолчит, то он не удержится и отвесит ему оплеуху. Он собрал волю в кулак, и решительно пресек все непрекращающиеся излияния.

— Ладно, Ставрос, время позднее, отправляйся-ка ты пока спать. Утром все решим.

Дмитрий понимал, что коротышка прав, и он нужен свежее испеченному сеньору, как никто другой, но не хотел показывать, что его можно легко в чем-то убедить.

Толстяк, продолжая рассыпаться в заверениях и извинениях, и все пытаясь что-то объяснить и доказать, а также через каждые два слова извергая проклятия в адрес неведомого Дионисоса, был, наконец, выпровожен за дверь.

Похоже, этот живчик сметлив и расторопен, и главное — готов на все, лишь бы вернуть себе вожделенную должность. Но шальная мысль, приказать ему найти девушку на ночь, была после некоторых раздумий отменена. Неизвестно какие нравы царят при дворе, и как отнесется к этому герцог, который, судя по всему, знает даже о том, что творят по ночам мыши в его обширных подвалах. Хотя внизу веселье шло полным ходом. Он различал нетрезвые голоса наемников — бургундцев, в которые вплетался глупый женский смех.

Решив все же, что на сегодня с него вполне достаточно приключений, Дмитрий, наконец-то, впервые за много дней улегся спать раздетым, в мягкой, чистой постели.

Стоило ли удивляться тому, что следующее утро началось с появления в комнате Ставроса, который прибыл, чтобы засвидетельствовать свое почтение, и узнать, чего желает с утра пораньше господин. Господин припомнил сказку, которую еще в Киеве рассказывала ему бабушка, и чтобы поскорее отделаться от навязчивого посетителя, а заодно испытать его способности, отправил его, подобно Ивану — князьему сыну, «туда, не знаю куда», то есть попросил его устроить утреннее омовение. Поразмышляв с минуту, Ставрос посветлел лицом, и не говоря ни слова, что уже внушало некоторые подозрения, испарился.

Худшие опасения Дмитрия оправдались очень быстро. Почти сразу же после исчезновения толстячка во дворе началась непонятная суеда, сопровождаемая его пронзительными писками. В считанные минуты весь двор был оповещен о том, что: «Его сиятельство, сир рыцарь Деметриус Солари, шевалье де Вази, мой новый господин, при особе которого я управляющим состою, ванну милостиво принять соизволил» — а Дмитрий, подивившись по ходу дела, как точно и со знанием дела титулует его проныра, стократно пожалел о своей просьбе.

Через четверть часа слуги с криками разбегались от коротышки, который метался по двору со сновкой молодого поросенка, вознамериваясь их руками исполнить пожелание господина. Ставрос скрылся за стеной сарая, но его пронзительный голос доносился и оттуда. Судя по всему, у него началась битва не на жизнь, а на смерть с дворовыми прачками. Не прошло и получаса, как вся прислуга дворца была задействована на помывку некоего господина, который, по словам Ставроса, если вовремя не получит того что требует, способен изрубить в капусту целую деревню... Дмитрий, чуть не кипящий от стыда и возмущения, уж было собрался выскочить на улицу, и самолично пресечь все это безобразие, как торжествующий Ставрос возвратился в сопровождении чуть не всей герцогской челяди, а также конюхов, поваров и прачек, не убоившихся угроз толстяка. Любопытство явно взяло верх над страхом, и по всему было видно, что аристократические привычки заезжего сеньора при герцогском дворе были в диковинку.

Перед изумленным Дмитрием выросло большое бельевое корыто, и четыре ведра наполненных водой. Две пунцовые от собственной храбрости отроковицы из прислуги, изъявили горячее желание прислуживать господину во время столь куртуазной процедуры, а прочие, не решаясь войти, столпились в открытых дверях, стараясь не упустить ни одной детали предстоящего действия.

Дмитрий с ужасом себе представил, что бы произошло бы прошлой ночью, если бы он не сдержался, и обратился к Став-росу с деликатным поручением. Он рывкнул на дворню, которую при первых же его словах как ветром сдуло, заставил коротышку закрыть дверь на засов, и, оставшись с ним в комнате один на один, устроил новому слуге выволочку, подобную тем, какие его константинопольский товарищ Тамош мастерски проводил с нерадивыми копейщиками из подчиненного наряда.

Ставрос, судя по всему, не особенно расстроился по поводу явленных господином ораторских способностей. На протяжении всей тирады он ни разу не вставил ни словечка, изображая новопреставленного мученика. Втянув голову в плечи, он лишь периодически переминался с ноги на ногу, да закатывал глаза. Видимо, некоторые, особо удачные обороты Дмитрия смущали его еврейские корни, другие, расстраивали христианские.

Дмитрий быстро выдохся и несмотря ни на что, желая довести затею до конца, распорядился вернуть в комнату добровольных помощниц. И пока они, хихикая от смущения, по очереди поливали ему из кувшинов, Ставрос, с неподдельной искренностью прожженного плута, пытался изобразить раскаяние. Тяжкими вздохами он обозначил осознание всей тяжести своего проступка, и набрал в легкие побольше воздуха, чтобы коротенько, за часок-полтора повиниться перед господином, и объяснить, что вся поднятая им суматоха вызвана тем, что он хотел как можно лучше ему услужить.

Но самосожжению Ставроса, к огромному облегчению Дмитрия, который умылся и обтерся за неимением полотенца чистой простыней, помешал герцогский слуга, который робко заглянул в комнату, и пригласил его от имени господина к столу.

Надо ли говорить, что предметом всеобщего обсуждения за завтраком стало утреннее событие. Особую пикантность ситуации придавало услышанное слугами во дворе заявление Ставроса о некоем исключительном значении, которое придавал его новый господин водным процедурам.

Герцог отпускал по поводу сомнительных пристрастий своего нового вассала грубые солдатские шутки, де Фо дипломатично молчал, и только Анна горячо встала на защиту Дмитрия, рассказывая о том, что даже не еженедельные, а ежедневные омовения были обычным делом у эллинов, перед культурой которых она преклонялась.

Несколько дней, проведенных при дворе герцога, до отъезда в Вази, были наполнены

множеством событий. После обстоятельного разговора с кастеляном и долгих колебаний, Ставрос, который ни на шаг не отставал от своего нового хозяина, являя ему все новые чудеса расторопности и невероятной услужливости, был в конце концов утвержден Дмитрием в должности управляющего. Наблюдая за тем, как толстячок, облеченный властью, преобразается прямо на глазах, Дмитрий, с некоторым сочувствием думал о неведомом Дионисосе, на голову которого в скором времени должен был обрушиться этот изобретательный плут, видимо измысливший не менее дюжины казней египетских своему обидчику. Кроме казней, со всей определенностью можно было предугадать существенные материальные убытки бедняги Дионисоса. О прочих ожидающих его неприятностях можно было конечно поинтересоваться у самого Ставроса, но Дмитрию в эти подробности вдаваться не хотелось.

Через два дня убыл в Андравида де Фо, который перед отъездом имел с ним обстоятельную беседу.

— Понимаешь ли ты, что столь высоким взлетом ты обязан не столько моей благодарностью за спасение, сколь интересами ордена? — отбросив обычную свою вежливо-ироническую манеру, спросил он Дмитрия прямо в лоб, — герцог де ла Рош, конечно, может мне выделить десяток рыцарей для возвращения к Мосинополю за реликвией, но там сейчас стоят войска Михаила, и такой рейд будет расценен как вторжение, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Ты получил лен, который позволит быть недалеко от места. Орден приложит все усилия для того, чтобы как можно скорее забрать оттуда Плащаницу, но это может произойти нескоро.

— Мессир Ронселен! Я выполню все, что вы прикажете — после всего, что с ним произошло, Дмитрий отлично понимал, что за столь неожиданным его взлетом стоит железная воля и поразительная влияние приора, и был готов слушать того во всем, что бы не было ему приказано.

— Твоя задача — молчать и уцелеть до приезда посланника ордена. Если со мной что-нибудь случится, то расскажешь все, что знаешь человеку, который покажет тебе точно такой же медальон — приор передал Дмитрию шестиугольную медную пластину с проушиной для цепочки или шнурка, на которой был выгравирован тамплиерский крест, и надпись по-латыни.

После этого они распрощались, и тамплиер во главе сильного отряда ускакал в сторону Андравиды улаживать государственные дела.

Наряд дорожной полиции собирался покинуть трассу и сдавать дежурство, как вдруг на голову пожилого капитана и двух сержантов свалилось нежданное счастье. Из-за поворота появился длинномер — новенький тягач «Манн», с сорокафутовым прицепом — редкость в этих местах. Через несколько секунд, одному из сержантов, самому молодому и глазастому, удалось рассмотреть итальянские номера, о чем он радостно доложил своему непосредственному начальнику.

Капитан вышел на обочину и придав себе грозный вид, повелительно поднял жезл. Длинномер законопослушно заморгал сигналом поворота, сбросил скорость, и грузно съехав на обочину, остановился, не доезжая до запыленной полицейской «Дачии». Из кабины, не глуша двигатель, выпрыгнул, сжимая в руке прозрачный пакет с документами, водитель — крепко сбитый мужчина, самой что ни на есть злодейской наружности — с угрюмым взглядом, подбородком, который покрывала густая щетина и короткой гангстерской стрижкой.

Капитан приготовился разыграть привычный спектакль по углубленной проверке документов, досмотру груза, и приглашению машины на штрафную площадку, но при виде приближающегося к нему вразвалочку человека, напоминавшего медленно движущийся танк, понял, что сценарий придется менять.

Водитель, не дожидаясь приглашения, протянул документы. Капитан поглядел на массивную золотую печатку на безымянном пальце, и понял, что легко поживится ему не удастся. На всякий случай он сурово нахмурил брови, и принялся листать бумаги. Судя по накладным, внутри опломбированного таможенной прицепа находилась «одежда секонд хенд, в ассортименте», являющаяся собственностью кипрской оффшорной компании.

К огромному облегчению, капитан обнаружил между накладными и декларациями три купюры — одна в пятьдесят, и две по двадцать евро. «Контрабанда» лениво подумал капитан и незаметным со стороны профессиональным движением отправил деньги в карман форменных брюк. Не выпуская документы из рук, он, в сопровождении водителя, неспешно прошелся взад-вперед вдоль затентованного борта.

Капитан отдавал себе отчет, что даже если этот, судя по амортизаторам, под завязку груженный длинномер и везет что-то недозволенное со стороны Трансильвании, то его хозяева позаботились о том, чтобы застраховаться от дорожных неожиданностей в лице слишком ретивых полицейских. Неписанный дорожный кодекс, принятый повсеместно между дорожной полицией и водителями, гласил: «Бери, что дают, и не мешай нам делать свое дело, иначе и того не получишь, а мы все равно выкрутимся, а если и заплатим, то не тебе, а твоему начальству».

Больше, собственно, говорить было не о чем. Капитан с тяжким вздохом вернул водителю документы и отдал честь освободившейся рукой. Тот устало кивнул в ответ и полез в кабину. Капитан вернулся к своим подчиненным, разделил добычу и дал команду возвращаться домой.

После того, как полицейская машина скрылась за поворотом, «водитель» — украинский бизнесмен — полубандит Сергей Ликаренко, снова выпрыгнул на землю, неспешно обошел грузовик, лениво пиная колеса, справил нужду под одно из них, вернулся в кабину, и хлопнув дверцей, ухмыльнулся выбирающемуся из спального отсека «напарнику»:

— Все, Франческо, последний пост прошли. Сейчас будем уходить с трассы.

В ответ донеслось недовольное ворчание, и в кабине появился хмурый небритый тип. За

время, проведенное в пути, из Милана, частный детектив и аналитик, Франческо Каранзано потерял весь свой пьемонтский лоск. Его нарочито мешковатый костюм теперь был по-настоящему помят, и к тому же прибит пылью, подбородок покрылся классической двухнедельной щетиной, а всколоченные волосы никак не хотели укладываться на голове, и торчали во все стороны. С трудом разлепляя глаза, Франческо откупорил бутылку минеральной воды, пошарил в бардачке, пытаясь найти там стаканчики, не нашел, поморщился, и начал пить прямо из горлышка.

Пока они стояли на месте, тарелка бортовой системы поймала спутник, и рябь на экране подвешенного к потолку дорожного телевизора сменила новостная программа CNN.

«... дней прошло с той ночи, когда из Сидонской Капеллы в Турине была дерзко украдена знаменитая Плащаница — рассказывала сексапильная и сверх меры деловая журналистка — информированный источник из правительственных кругов сообщил, что до сих пор ни спецслужбы Италии, ни криминальная полиция не смогли выйти на след не только заказчиков, но и исполнителей похищения. По странному знаку, оставленному на месте похищения — тамплиерский крест с вписанной в него закругленной, так называемой славянской свастики — мнения экспертов расходятся...»

Водитель дождался, пока мимо них проползет груженная сеном телега, громко матерясь, включил передачу, мягко тронулся и вырулил на шоссе. Изображение на экране пропало.

Деревенька, напротив которой их остановил патруль, одна из многих, что они проезжали, пересекая горные области Сербии и Румынии, состояла из десятка больших деревянных домов. Сразу же за ней вновь начинался густой лес.

— Ничего, брателла, — ободрительно проворчал Ликаренко, обращаясь к своему спутнику, — полсотни верст, и мы на месте.

Тот не отвечал, молча глотая воду, и глядел в лобовое стекло. Пьемонтский частный детектив и украинский браток, несколько дней назад не подозревали о существовании друг друга, их свело похищение Плащаницы. Франческо был членом группы грабителей музеев, которая, собственно и похитила реликвию. Но в течение нескольких суток все участники ограбления были безжалостно и очень профессионально уничтожены. Чудом уцелев, Франческо пользуясь своей феноменальной способностью извлекать информацию из воздуха выяснил, что его группа уничтожена по распоряжению заказчика.

Ликаренко влип в эту историю совершенно случайно. Партнеры по бизнесу из Киево-Печерской лавры «попросили» его оказать помощь ботанику, которого они наняли чтобы разобраться с загадкой, связанной с похищением. Знак, оставленный в Сидонской Капелле обнаружился в какой-то старинной летописи, и церковное начальство имело на эти дела свои виды. «Ботаник», Дима Солярев, оказался аквалангистом, историком и вообще своим парнем. Вместе с Ликаренко они за несколько недель раскрутили загадку надписи, и выяснили что она указывает на могилу Бонифация Монферрат.

Заказчик ограбления — председатель организационного комитета Бильдельбергского клуба для захвата конкурентов мобилизовал свою частную армию, скрывающуюся под вывеской «Международной экологической организации».

Только благодаря предупреждению Франческо, который последовал римской пословице «враг моего врага — мой друг», и контрабандному опыту бывшего бандита им троим удалось уйти из-под самого носа преследователей.

Запасной контрабандный канал экспортной кампании «Лекан», о котором не имели понятия ни квестура Ломбардии, ни Интерпол, сработал безупречно. Через несколько часов после того, как они покинули тайник, где скрывались от нападения, Сергей и Франческо, говорившие по-итальянски, имели поддельные водительские права, паспорта и транспортные

накладные. Весь необходимый комплект, включая заполненные бланки и печати, у Сергей-Вована был при себе, так что ему оставалось лишь впечатать в них нужные фотографии. Как выяснилось, все оборудование, включая принтер для пластиковых карт, ламинатор, и программатор магнитной полосы имелось во втором коттедже, куда они проникли через подземный ход.

Украинский бандит и пьемонтский грабитель, превратившись в водителей-экспедиторов, забрали со склада одну из готовых к отправке машин Сергей-Вована, зарегистрированную на несуществующую фирму, и прямо перед носом оперативников Международной Экологической Организации, которые в это время под видом полиции активно потрошили их офис, выехали из Милана с партией груза на Бухарест.

Третьи сутки они, не останавливаясь нигде более чем на четверть часа, гнали машину подальше от Италии, по очереди садясь за руль.

Ликаренко включил автомагнитоу, и вставил в разъем флэш-память со своими «итальянцами». Франческо брезгливо поморщился — любимый Сергеем Пупо был для болонского студента тем же, чем для советского рокера восьмидесятых некогда популярный «Ласковый Май». Сергей-Вован, не обращая внимания на гримасы Франческо, добавил децибел, после чего разбуженный жизнерадостной мелодией, из двухместного спальника выбрался не менее взъерошенный и помятый «ботаник» — Дима.

Дима пихнул под бок итальянца, забрал у него бутылку с водой и надолго к ней припал. Ликаренко, которого Дима за классическую бандитскую внешность звал про себя Сергей-Вованом, фальшиво гундосил, пытаясь подпевать такому же как и он сам безголосому Челентано. Дима сплюнул и полез обратно в спальный отсек.

Как человек, который не говорит по-итальянски и плохо, по собственному признанию, водит машину, он, по решению старших товарищей, был определен «в обоз», так что большую часть пути ему пришлось провести, как китайскому иммигранту, в небольшой нише, устроенной среди тюков с одеждой, которые наполняли затентованный прицеп.

Встретив по пути несколько «сеновозов», через пару десятков километров, Сергей-Вован сбросил газ, руководствуясь только ему известными приметам, вычислил не обозначенную знаками боковую дорогу, и уверенно съехал на нее с шоссе. Дорога представляла собой узкую грунтовку, неровная поверхность которой была густо засыпана щебнем. На качество дорожного покрытия норовистый германский тягач отреагировал соответственно, немедленно начав взбрыкивать и храпеть.

Пропетляв несколько километров по лесу, длинномер неожиданно выскочил к большому кукурузному полю, проехал вдоль опушки и уперся в ворота огороженной забором большой асфальтированной площадки, всю дальнюю сторону которой занимал высокий дюралевый ангар.

Сергей-Вован выскочил из машины, по-хозяйски отодвинул створку ворот, зашел внутрь, и начал объясняться с невесть откуда взявшимся охранником — с виду обычным сельским сторожем. Выслушав активно жестикулирующего посетителя, сторож откуда-то из недр своего невозможного лапсердака извлек мобильный телефон, и произнес несколько слов, поглядывая в сторону машины — видимо, диктовал кому-то номера.

Через некоторое время из-за ангара появился пожарно-красный «Фольксваген-Пассат». Вышедший из него человек — по виду типичный «руманешти», из тех сельских мужиков, у которых они покупали продукты по дороге, увидев Сергея, расплылся в улыбке, и немедленно полез обниматься. Некоторое время они топтались на месте, похлопывая друг друга по спине, а затем «руманешти», разомкнув объятия, махнул сторожу рукой, давая команду раскрыть ворота.

Сергей снова запрыгнул за руль, и погнал длинномер в сторону ангара, в котором,

наверное, легко бы разместился средних размеров пассажирский самолет. Огромные, под стать всему сооружению, раздвижные ворота, после их приближения раскрылись сами собой.

Как выяснилось, внутреннее пространство ангара представляло собой наполовину склад, наполовину авторемонтную мастерскую. Как вкратце объяснил Сергей-Вован, очумевшим товарищам, это была одна из нескольких баз «европейского транзита», где, и происходила перегрузка товаров, замена транспортных документов и автомобильных номеров, а при необходимости и разборка или перекраска угнанных автомобилей.

Хозяином этого «логистического центра» оказался тот самый, встретивший их у ворот «руманешти», которого, как выяснилось, звали Михайлеску. Имя это, фамилия или прозвище, Дима так и не понял, а спросить постеснялся. После взаимного представления тот критически оглядел всю компанию, поцокал языком, и по дороге что-то объясняя по-румынски, отправил их в сауну с великолепной душевой и бассейном, которая обнаружилась в отгороженном железными листами отсеке между складом и мастерской. Сергей-Вован ограничился тем, что наскоро умылся, и произнес фразу: «Куй железо, не отходя от кассы, как говорить наш любимый шеф», вернулся к гостеприимному хозяину. Дима и Франческо немедленно скинули с себя пропахшую потом одежду и рванули под душ. Немного приведя себя в порядок, они вернулись обратно в отлично оборудованный, вполне европейский офис с машиной для приготовления кофе-экспresso и улыбчивой цыганистой секретаршей.

Пока Дима и Франческо пили кофе, Сергей-Вован на дикой смеси из всех известных языков экспрессивно торговался с Михайлеску, договариваясь о продаже автомобиля и всего груза. К тому времени, когда Дима и Франческо прикончили по второй чашке ароматного напитка, и начали понемногу бросать заинтересованные взгляды на деловито снующую по комнате девушку, торг завершился.

Они с Михайлеску сходили в «большой зал», расшнуровали тент машины и полюбовались на плотно утрамбованные тюки. Михайлеску, который плохо скрывал свою радость (видимо, цена за машину и груз, на которой они сошлись, была для него более чем приемлемой), минут на десять улетучился, и вернулся обратно с потертым полиэтиленовым пакетом, который перекочевал в руки Сергей-Вована. Двужильный «менеджер по экспорту» немедленно засунул внутрь пятерню, и занялся пересчетом увесистых пачек.

Немного подискутировав с Михайлеску, он отсчитал обратно приличную сумму, затем, шлепнув по дороге подвернувшуюся под руку девушку, которая при этом без особого испуга, но очень громко взвизгнула, сделал на ксероксе пару копий своего паспорта, вручил их секретарше, и с довольной улыбкой повернулся к своим товарищам.

— Ну все, братва, с машиной и грузом разделались. Теперь, даже если нас в Милане и вычислили, то след потеряют. Машину тут к утру перекрасят, номера перебьют, а тряпки так вообще пойдут через базар в Руссе. Я тут насчет транспорта подсуетился. Сейчас его ребята смотаются, оформят у ближайшего нотариуса доверенность на «Пассат», и двинем на Бухарест.

После этого Сергей-Вован швырнул пакет с деньгами Франческо, плюхнулся на свободный диван, откинул голову, разбросал свои ручищи по спинке и через минуту-другую офис сотрясся от богатырского храпа.

Пока оформлялись документы они успели передремать и уничтожить обед. «Ребятами» Михайлеску оказались два мрачных небритых амбала, которые приехали в черном «Мерседесе» — «кубике». Рядом с ними и Сергей-Вован смотрелся, как первоклашка.

Прощание с румынскими контрабандистами прошло буднично, и не было таким бурным, как встреча. Получив в свое распоряжение машину, яркий цвет которой Сергей-Вована совершенно не смущал, они быстро выбрались на трассу, и направились в сторону Бухареста.

Если деревни Румынии вышли из семнадцатого-восемнадцатого века, то небольшие города

и поселки явно остались в семидесятих годах прошлого столетия. Пятиэтажные и девятиэтажные панельные коробки с облупившейся покраской, повсеместно были окружены невероятным числом разнокалиберных киосков. Чуть ли не на каждой свободной площадке размещался небольшой самодельный базар. Больше всего поражало после цивилизованной Италии невероятное количество цыган. Здешние ромалэ, в отличие от их давно потерявших таборный лоск соотечественников, которые живут в России и Украине были самыми настоящими фольклорными цыганами. Разве что их стойбища не были романтическим сборищем шатров, а представляли собой лачуги с окнами, забитым фанерой и перекошенными стенами, а вот черные тяжелые косы, цветастые рубахи, и невероятно яркие, желто-красно-синие платья, словно выплеснулись на здешние улицы из картины Эльдара Рязанова «Жестокий романс», которую Дима очень любил.

Сергей-Вован, который одинаково хорошо себя чувствовал за рулем «Феррари», мастодонта-тягача и бургерского «Пассата» и здесь, в предместьях Бухареста был как рыба в воде. Он, даже не сверяясь с картой, въехал в один из более или менее цивилизованных городков, не заморачиваясь на то, чтобы снизить скорость, влетел на центральную площадь, посреди которой стоял памятник какому-то народному герою, свернул в переулок рядом со стеклянной стеной нового банка, и остановился напротив двухэтажного отеля, первый этаж которого занимал довольно уютный на вид ресторан.

Отель оказался почти пуст, и они сняли два больших смежных номера. Загнав машину на задний двор и побросав посреди комнаты вещи, все трое, не сговариваясь, сразу же повалились спать.

Киево-Печерская Лавра, наши дни

В кабинете Наместника — так по традиции, ведущей начало еще с времен киевского князя Изяслава, сына Ярослава Мудрого, именовался настоятель старейшего православного монастыря — началось совещание. На нем присутствовали начальник службы безопасности Лавры, бывший полковник КГБ Николай Владимирович Шамарин, советник Наместника, монах Петр, и библиотекарь монастырского скриптория. Все трое были посвящены в тайну, связанную с похищением Плащаницы.

— Ну что у нас там? — кивнул Наместник в сторону Шамарина, после того, как они заняли места за столом.

— Три дня назад на виллу под Миланом неизвестными был совершен налет, — доложил Николай Владимирович, — в результате Сергей Ликаренко и Дмитрий Соларев бесследно исчезли. Все документы и компьютерные диски из дома пропали. Видимо, ловушка сработала, и если им не удалось чудом уйти — а Ликаренко парень изворотливый, и я не исключаю такую возможность, то они уже дают информацию.

— В общем, просрали мы это дело — Наместник в упор посмотрел на Шамарина, и всем присутствующим стало немного не по себе.

— Я бы так не сказал, Ваше преподобие, — твердо ответил Шамарин, — не сегодня-завтра мы узнаем, попались они или нет. Если те, кто совершил налет на виллу, будут и дальше копать по фирме «Лекан», значит Ликаренко и Соларев скрылись. Я считаю что в любом случае необходимо продолжить поиски. Ведь за день до налета мы получили информацию, ради которой наняли Соларева. «Истинная реликвия» спрятана в могиле Бонифация де Монферрат.

— Ты что скажешь? — нахмурившись, спросил Наместник библиотекаря.

— Я переговорил с профессором, которого вы ко мне направили, Ваше преподобие, — библиотекарь был рад, что на сей раз гнев владыки пал не на него, — он рассказал, что Бонифаций Монферратский после завоевания крестоносцами Константинополя стал королем Фессалоник, и прожил в этом городе несколько лет. Он был убит болгарами в 1207 году и похоронен где-то в тех местах. Место погребения, судя по всему, находится в нынешних Салониках или их предместьях. Что интересно этот Бонифаций в Салониках построил часовню, посвященную Нерукотворному образу, и резиденцию имел с ней по соседству. Думаю, это все неспроста, и мы на правильном пути. Так что в Салоники нужно срочно направлять группу, в этой часовне, скорее всего, и спрятана реликвия.

— Посторонних к этому делу подпускать нельзя. Ты, — обратился Наместник к Шамарину, — выделишь пятерых ребят из своего охранного агентства. Ты, — продолжил он, повернувшись к библиотекарю, — ставь задачу историкам, которые полетят в Грецию, но лишку не сболтни. Я завтра же получу по своим каналам приглашение от тамошнего патриарха. Поедут делегацией по культурно-историческому обмену. За безопасность Николай Владимирович, отвечаешь лично. Могилу разыщите, вскроете. Все, что там найдется — в свинцовый контейнер и в Афины, передадите с рук на руки нашему атташе по культуре. Остальное — не ваша забота. Все. Все свободны. Будут новости — немедленно докладывать Петру в любое время дня и ночи.

Участники совещания с озабоченными лицами начали подниматься со своих мест. Колокол

лаврской звонницы отбил два часа пополудни.

Оперативный центр Международной экологической организации, Франция, Южные Пиренеи, наши дни

Президент МЭО, Шарль-Анри Дефо закрылся в своем кабинете, дал распоряжение, чтобы его не соединяли ни с кем, кроме членов организационного комитета Бильдельбергского клуба, и вызвал на экран данные по украинцам, которых так блестяще упустила в Милане группа захвата.

Обычно спокойный и уравновешенный, на этот раз Дефо был выведен из себя. Оперативному дежурному, который сунулся с докладом под горячую руку, досталось на орехи, и он не хотел демонстрировать свой гнев окружающим, не без оснований полагая, что такие вспышки вызываются лишь неудачами и бессилием.

Операция, которая казалось, завершена, вступила в новую, совершенно неожиданную фазу. Объекты наблюдения бесследно исчезли из Милана, так что у аналитиков, которые в течение трех дней проводили подробнейший разбор ситуации, создалось впечатление, будто кто-то их предупредил. Все, что могло представлять интерес — содержимое компьютеров, компакт-диски, чипы памяти и документы исчезло из дому бесследно.

Прислуга и охрана, опрошенные оперативниками под видом полиции, также ничего внятного рассказать не смогли. По их словам, недели две назад их хозяин, сеньор Сержио, привез на виллу гостя, которому оборудовали кабинет, где он безвылазно просидел за компьютером до самого дня исчезновения.

Дефо отдавал себе отчет, что после похищения Плащаницы в Сидонскую Капеллу могут прийти хорошо подготовленные люди. Но он не предполагал, что столкнется с профессионалами экстра-класса, да еще из Украины — государства с которым он до сих пор был знаком лишь по геополитическим аналитическим отчетам, в которых ему уделялось не больше двух абзацев.

Дефо щелчком мыши раскрыл фотографию первого объекта. Им оказался молодой человек, который вряд ли выделялся бы хоть чем-то на улице любого европейского города. Кредитная карта... банковский счет... мобильный телефон... паспорт. Все самое тривиальное, как и положено суперагенту. Прибыл он в Милан через Рим из Бангкока. Дефо собрался потребовать, чтобы группа информационного обеспечения провела оперативную проверку по Таиланду, но убедился, что это уже сделано. Юноша, оказывается, находился на острове Пхукет с рабочей визой и был там инструктором в Дайвинг-центре.

Непонятно, почему именно аквалангист был вызван для такого дела? Да еще работал на компьютере. Активность запросов явно показала, что надпись они все-таки нашли — его интересовал именно Монферрат. Дефо на всякий случай распорядился, чтобы из ближайшего центра МЭО, который располагался в Камбодже, на Пхукет направили оперативника, который бы выяснил на месте все детали.

Покончив с первым, он вызвал на экран данные по второму агенту, который имел труднопроизносимое славянское имя, и остолбенел. С цветного снимка иммиграционной анкеты на него смотрел тот самый русский мафиози, с которым он за несколько дней до операции столкнулся в лифте миланского отеля. Дефо напряг память, чтобы вызвать подробности, тем временем пересматривая данные, которые собрали его агенты. Благо этот сеньор Серж долгое время жил в Италии. Если и был он агентом, то, скорее всего,

законсервированным или завербованным для обеспечения. Его фирма и в самом деле занималась экспортом одежды, а все подтасовки документов производились на территории Румынии или Болгарии, так что итальянские власти к ней никаких претензий не имели.

Дефо бегло проглядел заключение аналитического отдела по результатам активности запросов информации в интернете. Аналитики в один голос твердили, что заказчиком поисков была Киево-Печерская Лавра. Это в свою очередь позволяло ответить, откуда взялась информация по оставленному знаку — Лавра существовала с 11 века, и понять, почему в поисках участвуют именно украинцы. Детали головоломки одна за другой вставляли на свои места и перед мысленным взором Дефо вставала полная картина.

Вздыхнув про себя, и подумав, что теперь никуда не денешься — придется восполнять пробелы в образовании, Дефо распорядился подготовить ему пояснительную записку по Украине, и просмотрел свежую информацию.

Среди сотни незначущих фактов оказался один, достойный внимания. Несколько часов назад в Министерство культуры Греции поступил официальный запрос от правительства Украины. В это же утро патриарх Греко-православной церкви побывал на аудиенции у министра, и тот дал разрешение группе украинских археологов осуществить исследования средневековых храмов и крепостей в Салониках и прилегающих регионах.

— Салоники — удовлетворенно улыбнулся Дефо — похоже, началось. Ну, что же пусть ищут, а мы за ними внимательно проследим. Теперь мы знаем, с кем имеем дело, и не допустим ошибок.

Его рука потянулась к пульту, чтобы вызвать на связь старшего группы «Карл».

Герцогство афинское, замок Вази, 1263 г.

Отряд медленно втягивался в небольшое ущелье между холмами, за которым открывался вид на селение Вази. Рыцари, оруженосцы, сержанты и пехотинцы, которые воевали под рукой шевалье Дмитрия де Вази, возвращались с войны домой. При виде своей собственной «столицы», Дмитрий усмехнулся, вспоминая, как он впервые приехал сюда три года тому назад.

Тогда открывшийся вид на живописные окрестности еще не был украшен гордым силуэтом небольшого замка с высокой башней, окруженного ухоженными домами греческих крестьян, маслобойками и хозяйственными постройками.

На вершине холма стоял полуразрушенный донжон, который одним своим видом наводил на мысли о бренности бытия. Даже издалека было видно, что сама башня и ее окрестности давно пребывают в запустении.

С холма хорошо просматривалось морское побережье с перевернутыми для просушки и смоления рыбацкими лодками, разбросанными по песчаному пляжу, словно выброшенные на берег рыбы. Далее, почти у самой кромки горизонта виднелись очертания холмов. Там, как ему объяснил Ставрос, лежал самый большой остров греческого архипелага, который назывался Негропонте, и принадлежал венецианской династии Раванно, что недавно породнилась с ломбардцами Бароцци.

Тогда, три года назад их маленький отряд в Вази никто не ждал. После того, как они добрались до вершины пустынного холма, по распоряжению Дмитрия, один из бургундских рыцарей в сопровождении приосанившегося Ставроса, отправился в ближайшую деревню на поиски старшин. Дмитрий и оставшиеся с ним рыцари приступили к осмотру старой башни, в то время как оруженосцы, сержанты и слуги занялись установкой шатров и приготовлением обеда.

Солнце не успело скрыться за горизонтом, когда разведчики вернулись обратно, ведя за собой трех хмурых стариков-греков. Это были глава рыбацкой артели, деревенский старшина, и смотритель оливковых и тутовых рощ. Дмитрий, достаточно прослуживший в Константинополе, чтобы более или менее сносно разговаривать на языке ромеев, в разговоре с ними обошелся без переводчика, сразу же заслужив уважение у всех троих.

Старшины по привычке принялись причитать и жаловаться на свою злосчастную жизнь — все у них было плохо: и оливки в этом году не уродились, и рыба не ловится, девушки в деревнях некрасивые, а шелкопряд дает плохую и неровную нить. Стенания старшин на Дмитрия особого впечатления не произвели, и «новый сеньор», с подобающим его новому статусу безразличием распорядился, чтобы те доставили к утру провизии на два-три дня, прислали пятерых крестьян для исполнения обязанностей дворовых слуг, и отпустил их восвояси. Сам же отужинал у костра вместе с бургундцами, назначил ночные караулы, и отправился спать в специально приготовленный для него, как для сеньора, отдельный шатер.

Утро началось с громкой перебранки. За полотняным пологом множились вопли, которые, похоже, исторгало не меньше дюжины обитательниц гарема, обнаруживших в своих покоях пару дюжин мышей. Дмитрий вышел из шатра, и увидел, что недалеко от входа, не обращая внимания на пытающихся отвести их подальше от лагеря караульных, вопят всего двое — невозможный Ставрос, и высокий греческий священник с большим крючковатым носом, густыми бровями и бородой, местами черной, как смоль, а местами седой. По-видимому, это и

был тот самый отец Дионисос.

— Жид, нехристь, вражье племя! Нечестивый сын нечестивых родителей! И как тебя геенна огненная не поглотила! — орал, брызгая слюной Дионисос. Судя по всему, с утра пораньше святой отец, словно оправдывая полученное при крещении имя, употребил изрядное количество вина.

Ставрос, нисколько не робея перед высоченным оппонентом, с энтузиазмом размахивал перед ним своим нательным крестом:

— Да ты ослеп? А это что? Нет, ты скажи это что? — внушительных размеров крест оказался в опасной близости от носа священника.

Не обращая внимания на явленный символ веры, Дионисос в ярости указал пальцем вниз, туда, где по его разумению находился гораздо более весомый аргумент:

— А ты не крест показывай, а лучше портки сними, чтобы все видели, что ты обрезан, словно сарацин! Сунешься в храм за причастием, прикажу службе кипятком штаны ошпарить, чтобы твое иудейское непотребство отвалилось!

Надо отдать должное Ставросу, удар ниже пояса он вынес стоически. Мало того, он сделал то, чего противник никак не ожидал, и вместо очередной порции воплей, вдруг спокойно и рассудительно произнес:

— А ты весь урожай оливок заложил в прошлом году венецианцам за полцены!

Заметив у шатра Дмитрия, пройдоха снова перешел на душераздирающий фальцет:

— Продал, иуда! За тридцать сребреников!

В свою очередь, заметив нового сеньора, Дионисос попытался ответить чинно и с достоинством:

— На полученные доходы храм был обновлен!

— Храм! — возопил Ставрос с такой силой, что у Дмитрия в ушах заложило, — этот мытарь с крестом свое подворье храмом называет! — Ставрос картинно подпрыгнул и, убедившись в том, что Дмитрий по-прежнему за ними наблюдает, саркастическим тоном судей израилевых продолжил, — дань за прошлый год не уплачена, господин, его высочество герцог в гневе, — после секундного размышления управляющий выложил свой последний и убийственный аргумент — слава Богу, новый сеньор приехал.

Присланные старшинами крестьяне, которые оказались невольными свидетелями перебранки, стояли, разинув рты от изумления. Было ясно, что сегодня же вечером услышанное разнесется по всем деревням, и авторитет Дионисоса сильно упадет. Последний, очевидно, осознав глубину вероломной натуры Ставроса, явил запоздалое благоразумие, и сделал попытку подойти поближе к новому господину, вытянув руку, чтобы его благословить.

Но если язык отлично слушался находящегося в изрядном подпитии святого отца, то ноги и руки, как это бывает скорее при употреблении медовых, чем виноградных вин, его, увы, подвели. Сделав в сторону Дмитрия несколько неуверенных шагов, духовный пастырь, споткнувшись на ровном месте, рухнул ниц, и растянулся на земле во весь свой немалый рост, повергнув Ставроса в состояние экстатического восторга.

— Проводите святого отца домой, — обратился Дмитрий с просьбой-приказом к одному из сержантов, который, вместе с остальными свидетелями перебранки, чуть не катался по земле от смеха, — он, наверное, устал после заутрени, или вообще всю ночь молился, — вызвав последней фразой чуть ли не рыдания у окружающих, — а ты, — обратился он к Ставросу, — если и вправду христианин, то будешь причащаться не в Вази, а в Фивах.

Осенние месяцы прошли в хозяйственных хлопотах. Через пару дней собранная из всех деревень артель привела в порядок, насколько это было вообще возможно, разоренный донжон, а дворовые слуги взяли на себя всю работу по дому.

Ставрос при этом проявил себя с самой лучшей стороны, ухитряясь на своем муле одновременно бывать в десяти местах. Казалось, будто хвост этого терпеливого и выносливого животного еще находился в одном поселении, в то время как его голова появлялась в другом. Способность управляющего торговаться до потери сознания по любому поводу, о которой местные жители подзабыли за время его отсутствия, вновь стала притчей во языцех. Крестьяне всей округи, у которых он собирал оброк и покупал продукты, были уверены, что Ставрос будет торговаться и на собственном смертном одре, а когда его душа попадет в ад (а куда еще ей попадать?), эта душа будет по любому поводу с чертями торговаться.

В первые недели Дмитрий, вживаясь в роль владетельного сеньора, пытался вступать в хозяйственные дела, но вскоре, убедился, что его вмешательство приносит лишь вред, и предоставил Ставросу полную свободу действий.

К тому времени как раз пришло время сбора оливок — урожай в том году выдался отменный. Две маслобойни работали, не переставая, днями и ночами. Прибывшие морем генуэзские купцы выкупили все масло, расплатившись наличными. При этом они были вынуждены дать в два раза больше той цены, которую предлагал в Фивах генуэзский консул — пройдоха Ставрос умудрился перессорить между собой всех покупателей, и всеми правдами и неправдами добился самой высокой цены.

Вырученная сумма и вправду значительно превысила ту, о которой говорил Ставрос Дмитрию в день их знакомства. Денег хватило и на уплату налога герцогу, и для возврата долга в Фивах, и для жалования немногочисленному войску.

Церковную десятину Дмитрий выплатил фиванскому командорству ордена Храма. Отец Дионисос, трудами и заботами Ставроса, теперь жил на одни лишь подаяния прихожан и не роскошествовал. Тем не менее, он получил из казны сеньора ощутимую сумму на новые иконы, и под пристальным вниманием все того же Ставроса был вынужден потратить все деньги и именно на новые иконы. Его прихожане были чрезвычайно рады и благодарили щедрого сеньора, о мыслях и чувствах самого Дионисоса остается только догадываться...

После того, как вся задолженная подать была в сопровождении ле Бона доставлена в герцогский замок, Дмитрий смог сосредоточиться на главном — подготовке воинов и укреплении своей резиденции.

Они с Хакенсборном объехали лен и его окрестности, после чего Дмитрий пришел к выводу, что выбор такого пожалования со стороны герцога и приора был далеко не случаен. Дорога, которая соединяла Фивы и Афины, а стало быть, Македонию, Северную Грецию и Пелопонесс, проходила по его землям как раз на том участке, где горы подходили к морю ближе всего, оставляя лишь узкую равнинную полосу. Кроме того, именно здесь, в нескольких милях от его донжона, остров Негропonte отделял от материка узкий пролив — так что владелец лена Вази держал под контролем не только сухопутный, но и морской путь северо-запада Греции.

Выяснив истинное положение дел, и утвердившись в своих владениях, Дмитрий уделил особое внимание отношениям со своими соседями.

Ближайшим владельцем оказался тот самый разжалованный капитан Бове с женой Мелисой, которого в день прибытия в Афины герцог так необычно наказал, навязав ему обещанную невесту с приданым в виде кольчужного фьефа. Познакомившись поближе с супружеской парой, Дмитрий убедился, что Мелиса, сама уроженка здешних мест и внебрачная дочь греческого архонта, отлично справляется с хозяйством.

Немного подумав, и посоветовавшись с герцогом, Дмитрий нанял бывшего капитана, поручив ему отбирать по деревням подростков, которые имеют способности к стрельбе из лука, и заниматься с ними. Бове с огромным удовольствием переехал в Вази, испросив средства (которые Ставрос выделил ему только через несколько дней препирательств и взаимных угроз),

накупил у генуэзцев луков и стрел, и приступил к занятиям. При этом все свободное время счастливый супруг тратил на интрижки с симпатичными крестьянками.

Судя по всему, это вполне устраивало и его хозяйственную жену, которая, наняв себе в управляющие сорокалетнего красавца-грека, не тяготилась отсутствием разжалованного капитана в своей постели.

С северо-запада Вази граничил с фьефом братьев-госпитальеров. Сами братья в своем имении ни разу не появлялись, держали лишь нанятого на службу управляющего — пизанца, который притеснялся со Ставросом.

Отец Дионисос, втайне мечтая вернуть себе благорасположение сеньора, и проведав, что Дмитрий выходец из Киева, все рвался к нему в духовники, и постоянно приглашал в свой храм на богослужение. Но Дмитрий, с одной стороны не желая иметь дел с вороватым пастырем, а с другой стараясь не разочаровать своих греческих подданных, прознавших, что их новый сеньор одной с ними веры, ссылаясь на сильную занятость, объезжал храм десятой дорогой.

Через полгода, уладив собственные дела, и оставив для охраны лена одного из рыцарей и нескольких сержантов, Дмитрий собрал всю свою «армию» и отправился в Фивы на сорокадневную вассальную службу.

Как и при императорском дворе в Константинополе, Дмитрий со своими людьми охранял замок, сопровождал Ги де ла Роша в поездках по стране, и участвовал в стычках с разбойниками, которых благодаря мудрой политике герцога, старавшегося не притеснять своих греческих подданных, становилось в окрестностях все меньше и меньше.

Частенько, даже слишком часто, если быть до конца откровенным, он возглавлял отряд, который сопровождал баронессу Анну в поисках древностей. Девушка получила отличное образование в бенедиктинском монастыре, знала латынь и греческий, была начитана, и разбиралась в античном искусстве. Идеалом ее, как выяснилось из продолжительных дорожных бесед, была византийская принцесса Анна Комнин, дочь императора Алексея, правившего в эпоху покорения Иерусалима крестоносным войском Годфруа Булонского.

Принцесса написала трактат, посвященный правлению ее отца. Он назывался «Алексиада» и был хорошо известен в кругах образованной морейской аристократии. Баронесса Анна представляла себя такой же просвещенной принцессой, и мечтала написать нечто подобное «Алексиаде», но не об императоре, а о заменившем ей отца «дядюшке Ги».

Отвечая на ее бесконечные вопросы, Дмитрий мало-помалу рассказал ей всю свою историю, упустив лишь подробности последней поездки. Анну завораживали рассказы о далеких северных городах, битвах и приключениях. Через некоторое время она заявила, что сразу же после того, как она завершит «Афинские хроники», сразу же усядется за «Диметриаду».

Прошло не так много времени, и Дмитрий начал ловить себя на том, что он все больше и больше рвется в охрану баронессы, и причина тому — желание видеть Анну.

Игра в недомолвки между молодыми людьми не могла продолжаться бесконечно. И вот однажды, когда Дмитрий сопровождал юную баронессу в очередной поездке, на этот раз в полуразрушенный храм Аполлона, куда они, оставив охрану у входа вошли вдвоем, это наконец произошло. При виде античной скульптуры, не скрывающей ни одной из подробностей прекрасного мужского тела, Дмитрий почувствовал, как тонкие пальчики, сжимавшие его локоть, непроизвольно дрогнули и крепко впились в рукав камизы.

Глаза их встретились и притянув к себе девушку Дмитрий впился в ее губы в долгом и страстном поцелуе, на который та ответила хоть и неумело, но с не меньшей страстью. Благо, их скрыла от свиты и охраны разрушенная стена.

В ту же ночь, рискуя навлечь на себя герцогский гнев, Дмитрий через окно пробрался в

покои с нетерпением ожидавшей его Анны, и, как это было принято говорить у трубадуров: «Насладился божественным ароматом, сорвав чуть распутившийся бутон ее девичьей свежести». После этого, он пробирался к Анне всякий раз, когда это позволяли обстоятельства, с тревогой ожидая неизбежной развязки. Но герцог Ги, если и знал о происходящем между ним и Анной, внешне никак этого не показывал.

Когда же его вассальная служба подошла к концу, и шевалье де Вази вернулся в свои владения, то на следующий день он, выглянув из окна своей спартанской спальни, увидел, что к донжону приближается знакомая дорожная карета... Баронессе, оказывается, срочно понадобились какие-то мозаики, которые недавно отыскились в заброшенном античном городке неподалеку.

* * *

Дмитрий начал объезд лена Вази с оливковых рощ, которые росли между замком и деревней. Он приказал оседлать неброского дорожного коня, и, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания, взял для охраны двух конных сержантов. Ставрос на своем неизменном муле из кожи вон лез, чтобы ехать рядом с господином. Он чуть ли не ежесекундно колотил бедное животное пятками в бока, при этом не переставая давать Дмитрию необходимые на его взгляд пояснения.

— Вот эти деревья — пицал толстячок — заложены двести лет назад, а эти — он махнул рукой на противоположную сторону дороги — все пятьсот, или даже шестьсот. Одна рощица, та, что поближе к деревне, господин, насчитывает всю тысячу. Но с нее толку мало, сир. Со старых деревьев мы собираем тридцать-сорок фунтов оливок. А самые плодовые растут вон там, на солнечном холме. С них мы собираем и до ста пятидесяти фунтов. Сейчас как раз время сбора плодов, господин.

Дмитрий съехал с дороги чтобы получше все рассмотреть. Оливковая роща была на удивление хорошо ухожена. Земля между деревьями была тщательно прополота и выровнена, да и сами деревья, с аккуратно подрезанными ветками, радовали глаз. В глубине рощи Дмитрий заметил сборщиков-крестьян. Он дал команду сержантам оставаться в седле, а сам спешил, и, под непрекращающийся писк семенившего следом Ставроса, пошел в сторону мелькающих среди зелени крестьян.

После того, как Дмитрий и Ставрос появились в роще, крестьяне низким поклоном приветствовали своего господина, и с любопытством поглядывая на Дмитрия, с удвоенным усердием продолжили работу.

— Все крестьяне Вази лентяи и бездельники, — со знанием дела продолжал пояснения Ставрос, — ведь знают же прекрасно, что каждую оливку нужно снимать с ветки аккуратно, руками, чтобы не повредить кожицу, а нет, все норовят, чтобы поскорее закончить работу, или палками их побивать, или гребенками счесать. А ведь если кожицу повредить, то ягода наберет воды, и масло из нее выходит не такое чистое. Но я придумал, как с ними справиться. Ежели кого ловим с граблями или палками, так, стало быть, он или она, и получает своим инструментом по собственной спине. Дюжину ударов.

Ставрос, вдохновленный вниманием Дмитрия, разошелся не на шутку.

— И еще я вот что придумал, мой господин. Опытный сборщик за день вручную может собрать фунтов двести оливок, не больше. Так что я велю сторожам приглядывать, чтобы сборщики на месте не стояли, а сам каждый вечер принимаю все, что каждый работник собрал, на вес. Ежели больше, чем двести фунтов у кого выходит — стало быть, это и есть лентяй, и

преступник. — Ставрос изобразил на лице приличествующее столь тяжким обвинениям негодование, и решительно закончил — его ловим, и наказываем. Еще не разу не ошибся. Жители селения думают, что я колдун.

Поняв, что несколько увлекся, Ставрос истово перекрестился и смачно сплюнул, обозначив свое отношение к столь отвратительному для доброго христианина подозрению.

В следующий момент Ставрос неся к ближайшему дереву, где на приставленной к стволу лестнице трудилась с корзиной за плечами молодая гречанка. Игнорируя довольно соблазнительные загорелые икры, толстячок несколько раз дернул ее за юбку, и, добившись внимания, начал что-то втолковывать. Его объяснения сопровождались бурной жестикуляцией и воплями. По всей вероятности неугомонный управляющий решил явить своему хозяину еще один наглядный урок по борьбе с нерадивыми крестьянами — класть, бездельница, а не швырять в корзину!

Дмитрий, которого изрядно забавляли картинки мирной жизни, позвал Ставроса. Он справедливо рассудил, что девушка, которая, как и все жители окрестных деревень, занималась сбором оливок с раннего детства, не нуждается в бесценных указаниях управляющего, который, похоже, в пылу рачительного отношения к оливкам хозяина, был готов орать на нее до самого заката.

Они продолжили путь и, по распоряжению Дмитрия, заехали в давяльную, которая располагалась на окраине деревни. Маслобойка внутри напоминала водяную мельницу. Тяжелый жернов, который приводили в движение три дюжих работника, измельчал черные ягоды в коричневую кашу. Далее ее пересыпали с помощью больших деревянных лопат в квадратный каменный чан с отверстиями на дне, и придавливали тяжелым гнетом. Выдавленная масса собиралась в большие глиняные горшки, где ее отстаивали тридцать-сорок дней, чтобы осадить воду и кусочки мякоти. Полученное масло аккуратно сливали в большие широкогорлые амфоры.

Масло первого отжима шло для приготовления пищи, умещения тела и заживления ран. Мало того, в богатых домах его заправляли в светильники, а святые отцы использовали как основу для изготовления мира, которым помазывали на царство королей и императоров, а также применяли при крещении, рукоположении, конфирмации и соборовании.

Следующее помещение было сплошь уставлено заполненными до краев и запечатанными амфорами, которые готовились к отправке. Отсюда их на телегах перевозили на пристань и грузили на суда. Широкий проход посредине вел куда-то в глубину.

— А что там у нас, Ставрос? — скорее для порядка спросил Дмитрий.

Реакция управляющего оказалось совершенно неожиданной. Толстячок замялся, сбился со своего уверенного тона и, бегая взглядом по стенам, как-то неуверенно произнес:

— Да ничего особенного, господин, так, еще кое-какой инвентарь.

Сразу же почуяв неладное, Дмитрий движением руки отстранил Ставроса, который пытался перекрыть ему дорогу, и прошел вперед.

За складом, как выяснилось, располагалась стена к стене еще один большой амбар. В одном конце его бурлили два медных котла с коконами, а в другом находилась какая-то невероятная машина, вся состоящая из кожаных ремней и деревянных колес. Машину приводил в движение флегматичный ослик, который под надзором мальчишки трусил по утрамбованному кругу, увлекая за собой деревянную балку. Это громоздкое устройство приводило в действие три станка, на которых девушки-мотальщицы накручивали шелковую нить.

Тяжелая рука в кожаной перчатке обрушилась на ухо управляющего, и тот с громким воплем отлетел к стене. Дмитрий, пребывая в ярости, отправил ему вслед ведро, полное оливковых отжимок.

— А знаешь ли ты, вражье племя, — прорычал он разъяренно, — что шелковое пряжение без соизволения его высочества герцога, нашего сюзерена, является нарушением вассальной присяги!

— Сир господин рыцарь, ваша светлость, — захныкал в ответ Ставрос. Встать он пока побоялся, и ограничился лишь тем, что сел, привалившись спиной к стене и прижимая рукой увеличивающееся на глазах ярко-красное ухо, — я, конечно, знаю, что мы должны все собранные коконы их высочеству на мануфактуры отвозить, да ведь мой благодетель, господин кастелян, дай ему бог здоровья и ласковую жену вместо той мегеры, которую даже герцогский палач боится, забирает за намотку десятину, за покраску четверть, и мало того, норовит не нить обратно вернуть, а сам генуэзцам все продать, и деньгами рассчитаться. А какие при этом они там с консулом цены устанавливают, сие одному только Господу нашему Иисусу Христу ведомо, да и то вряд ли, уж слишком они, консул и кастелян, хорошо умеют расчеты сводить. Вот и получаем мы, ваше сиятельство, дай бог половину того, что нам за наши труды праведные, богоугодные, причитается. А замок, ваше величество, — толстячок со страху не мелочился в титулах, — между прочим, в копеечку обходится. Да и доспехи ваши, и ваших доблестных воинов стоят столько, что говорить страшно. Да и свадьба ведь, ваше императорское величество, не за горами!

— Даже если я прикажу повесить тебя на воротах замка, или использовать как мишень для лучников, это не уменьшит моей вины, — снова прорычал Дмитрий, и попытался пнуть ловко увертывающегося Ставроса ногой, — ведь перед господином герцогом за все, что происходит в моем лене, отвечаю я, и только я! Если бы даже герцог Ги и посмотрел на это сквозь пальцы по отношению ко мне, в чем я, зная его нрав, сомневаюсь, то какой пример мы подадим остальным вассалам? Долго ли продержится герцогство Афинское, если каждый будет наживаться на казне и нарушать законы по своему усмотрению?

— Никто об этом не знает, ваше святейшество! Святой, истинный крест, — Ставрос поднялся на ноги, но предпочитал держаться на безопасном расстоянии от сеньора, которого он готов был и Господу богу уподобить, только бы избежать неминуемой кары, — все мотальщицы живут здесь же, на сеновале, — при этих словах физиономия Ставроса зарделась, под стать пострадавшему уху, — мальчишка тоже. Рабочие — мои троюродные братья, бывшие рыбаки.

При слове «сеновал» мотальщицы, которые на протяжении всей сцены сидели тише воды, ниже травы, заметно оживились. Самая молодая, глядя на Ставроса, покраснела до корней волос, а две постарше захихикали, и стали о чем-то перешептываться, время от времени бросая оценивающие взгляды на Дмитрия.

— Да как ты не понимаешь, дурья башка — продолжал кипятиться Дмитрий — они же все ходят к Дионисосу на исповедь, ну а тот ведь продаст тебя — глазом моргнуть не успеешь, уже и продал, как пить дать.

— Да тут вот такое дело — смущению Ставроса, казалось, не было предела. Он выставил из-под рубахи волосатую ногу в сандалии, и начал чертить на полу какие-то фигуры — отец Дионисос от мотальни на святой храм две десятины дохода получает. Рисунки сей машины не кто иной, как он, привез из монастыря, где раньше послушествовал, до рукоположения в сан, и мне передал.

У Дмитрия отнялся язык. Он еще раз замахнулся на съездившегося в ожидании удара толстячка, но не ударил, а хорошенько встряхнул его за шиворот и тоном, не допускающим ни малейших возражений, произнес:

— Машину разобрать. Мальчишку и мотальщиц — в дворовую прислугу, и не выпускать из замка. Тебе всыпем горячих, но так, чтобы вилланы не видели, и я обо всем господину герцогу

доложу. Лгать ему не могу. Так что твоя и моя судьба будет в его руках. Кстати, о какой еще свадьбе ты тут заикался, вражий сын?

Оставив перепуганного плута наедине со своими мыслями, Дмитрий покинул давилъню, и вернулся в замок.

* * *

А еще через пару недель, когда Дмитрий вновь приехал в Фивы по какому-то очередному «чрезвычайно неотложному делу», улучив минуту, к нему подошел старик-кастелян, и произнес длинную и путаную речь, полную намеков и красноречивых недомолвок. В конце концов, он отбросил придворное словоблудие, и доверительно сообщил, что если сир Дмитрий Солари, шевалье де Вази обратится к герцогу с просьбой руки и сердца его любимой племянницы, то, скорее всего, получит согласие, и будет благословлен своим государем. Только вот, перед этим, конечно, ему стоило бы перейти в лоно римской церкви.

Капеллан фиванского командорства ордена Храма, отец Фрицци, к которому Дмитрий прискакал через несколько дней, внимательно выслушал его просьбу, и согласился провести обряд причастия, а вслед за ним и обручения. Несмотря на непрекращающиеся споры о символе веры между римскими папами и константинопольскими патриархами, католическая церковь не считала православие грехом, признавала крещение греческим чином, и не требовала от обращенных покаяния.

Исповедь, причастие, и месса произвели на Дмитрия неоднозначное впечатление. С одной стороны, песнопения братьев-тамплиеров, крестный ход, да и вся обстановка в недавно отстроенной часовне со стрельчатыми окнами и яркими цветными витражами, ничем не напоминала с детства привычные тяжелые греческие молебны. Но с другой, стороны, после проникнутой духом смирения и покаяния православной службы это действо, не воспринималось до конца всерьез. Впрочем, жизнь Дмитрия была столь насыщена любовью к Анне и мирскими заботами владетельного сеньора, что он об этом не особо задумывался.

В следующее воскресенье после причастия, с согласия герцога, там, же, в часовне фиванского командорства, Анна и Дмитрий были обручены.

Узнав об обручении Дмитрия с Анной де ла Рош, де Фо, несмотря на то, что был чрезвычайно занят устройством дел в Морее, прислал для восстановления замка каменотесов ордена, которые только что окончили ремонт одного из фортов на Пелопонессе.

Те прибыли большой коммуной, с женами и детьми. В первые дни после приезда, испросив разрешения у сеньора, они разместились неподалеку от донжона, наскоро срубив себе несколько деревянных домов с соломенными крышами, и приступили к главной работе.

Каменотесы разделялись на несколько бригад по специальностям. Одни сразу же отправились на ближайший мраморный карьер, затем, найдя поблизости скалистые холмы, определили место для каменоломни, и, с боем получив у Ставра в помощь несколько десятков крестьян, приступили к заготовке камней, глины, песка и извести, которые они свозили к донжону, и укладывали у подножия холма.

Одновременно с этим два мастера-каменщика внимательно исследовали холм, на котором стоял донжон, затем долго и основательно, от подвала до крыши, изучали само строение. Обследовав все и вся, они начали колышками размечать фундаменты будущих построек.

Перед тем, как положить первый камень, старшина, испросив у Дмитрия личной аудиенции, осведомился вполголоса, какой знак сеньор прикажет начертать на краеугольном камне будущей постройки, добавив, что этот же знак, согласно традиции, будет высечен на

внутренней стороне замковых камней главных ворот, входа в дом, и арки подземелья.

Увидев, что Дмитрий находится в затруднительном положении, он посоветовал ему поступить как многие сеньоры — собратья ордена, и выбрать в качестве эмблемы тамплиерский крест, разместив в его центре собственную эмблему. Дмитрий так и поступил, выбрав эмблемой родовой оберег — солнечное колесо. Еще немного подумав, он приказал деревенскому кузнецу нанести ее и на медальон, который передал ему де Фо.

Не прошло и года, как небольшой замок — с высокой сторожевой башней, пятиаршинными стенами, на которых мог свободно пройти человек, ровом, глубоким, хоть и не заполненным водой, был готов. Внутреннее его устройство тоже было хорошо продумано и добротно исполнено. В глубине подвала, несмотря на то, что строение разместилось на господствующем над местностью холме, был выкопан и обложен камнем глубокий колодец, так что даже при осаде не было недостатка в воде.

Часто навещавшая своего жениха Анна, по особой просьбе получила светлую и просторную галерею, в которую она собиралась после свадьбы перевезти из Фив свою большую коллекцию скульптур и мозаик, чтобы организовать музей.

Во время постройки один из лионцев, тот, что возглавлял каменщиков, кладущих стены, неожиданно поскользнувшись, упал, вроде бы и не с большой высоты, но так неудачно, что сломал себе шею, и тут же испустил дух.

Похороны организовали по местному обычаю — не на третий, а на следующий день. Как требовали правила тамплиеров, из Фив на отпевание на посланной в ночь повозке прибыл капеллан.

После похорон Дмитрий, присутствовавший на кладбище по обязанности сеньора, и из уважения к ордену, обратил внимание на то, что каменотесы под наблюдением отца Фрицци устанавливают на могиле изготовленную за ночь мраморную надгробную плиту. Заинтересованный, он подошел поближе, чтобы лучше разглядеть изображенные на ней знаки.

На узком и длинном куске мрамора, было высечено изображение восьмиконечного креста, без упоминания каких бы то ни было дат и имен. Правда, у самого ее основания ему удалось разглядеть странный знак — насколько он, наблюдая за мастерами, начал разбираться в строительном деле, там были высечены циркуль и мастерок. Еще раз подивившись, Дмитрий не стал ни о чем расспрашивать заметно напрягшихся при его появлении каменотесов-тамплиеров, и отправился на фехтовальные занятия, которые проводил каждый день, готовясь к надвигающейся войне.

Закончив работу, каменотесы быстро собрались в путь, и, не оставив за собой ни соринки, отправились в порт Лариссу, где их ожидал присланный самим Великим Магистром неф. Они должны были принять участие в работах по укреплению нынешней столицы Иерусалимского королевства, Акры, которая после падения Святого города стала главной твердыней ордена в Святой Земле.

А война с греками была не за горами. Отпущенный из плена князь Ахайский, Гийом де Виллардуэн отправился в Рим, где папа освободил его от данной базилике Михаилу Палеологу вассальной присяги. После возвращения в Андравида, князь немедленно изгнал за пределы Пелопонесса греческого наместника, и возвратил себе отданные по договору крепости, которые строили его старший брат и отец — Мистру и Герак, заодно изгнав ромеев из Лакедемона, Монемиасии и Великой Майны.

К концу 1262 года на западе полуострова Пелопонесс греки и горные славяне — мелинги, восстали против Виллардуэна, а Михаил Палеолог, чтобы покончить с франками в Морее, морем отправил на покорение франкского княжества армию, из пяти тысяч наемников — турок иконийского султаната.

Получив известие о высадке греческой армии, герцог де ла Рош, взяв с собой небольшое число рыцарей, выдвинулся для защиты тылов в сторону Фессалоник, а основное войско под командованием фиванского соправителя — барона де Сент-Омер, отправил в Коринф, где держал знамя князь Гийом.

Вместе с Сент-Омером убыл и Дмитрий, который на второй день после известия о начале войны, привел в Фивы весь свой отряд, оставив на охрану Вази лишь ле Бона с его оруженосцами. Бургундцу было поручено приглядывать за греческими крестьянами и не допустить восстания.

Теперь, по прошествии двух лет, возвращаясь в свой замок с победой, богатыми трофеями и пленниками, Дмитрий размышлял с тревогой, что его ожидает дома.

Из ворот замка появился мул, на котором восседал бравый управляющий. Даже издали было слышно как он, всеми силами и немыслимыми воплями пытается пустить флегматичное животное в галоп — навстречу любимому сеньору. Уморительная сцена убедила Дмитрия, что все его волнения напрасны и Вази находится в полном порядке.

Румыния, предместье Бухареста

После того как за ними закрылась входная дверь, ощущение опасности, не отпускавшее Диму с Милана, начало понемногу его покидать.

Пока Сергей-Вован плескался и фыркал под душем, Дима и Франческо успели по очереди умыться и побриться. Всеобщий смотр после водных процедур показал, что теперь концессионеров можно выпускать на улицу без опасений, что первый же полицейский, который их встретит, немедленно арестует за бродяжничество.

Не желая лишний раз появляться на людях, завтрак они заказали в номер. После восхитительных горячих купат, внушительной яичницы и горячего чая, Диму потянуло на философские разговоры.

За несколько суток пути они толком не успели ни о чем поговорить. Дима почти все время сидел в прицепе между тюками, а Сергей-Вован и Франческо, сменяя друг друга, гнали машину, а тот, кто был свободен от руля, каждую минуту использовал для отдыха.

— Слушай, Серега — спросил Дима — а зачем тебе вся эта головная боль? Контрабанда, криминал. Все равно ведь прибыль такая, что в накладе не останешься. Заплатил, как говорится налоги...

— Да не в налогах дело, Димон — ответил давно зреющей досадой Сергей-Вован — конечно, профит и так и так получишь, да только какая бы зараза у власти не стояла, обязательно имеет своих собственных экспортеров, которые сквозь таможеню проходят как лом сквозь дерьмо. В этом-то все и дело. Если, к примеру, я буду платить все, как положено, а они нет, то у них затраты будут раза в полтора меньше. А это значит, что они меня или ценами уничтожат, или просто будут иметь больше денег, а стало быть, рано или поздно, со свету сживут, и все наши магазины перекупят на корню...

— Да уж — в экономике Дима был не особо силен, но сразу же припомнил исторический случай — прямо Византийская империя. Там тоже было что-то подобное. Император Юстиниан заставлял соль, которую возили из Таврии в Константинополь, сдавать государству по низким ценам. А потом, чтобы не возиться, внутри страны эту соль продавал тем же самым negociантам, которые ее привезли...

— Ладно, хватит тут травить про историю с географией, — перебил его Сергей-Вован — давайте прикидывать, как жить дальше будем. Мы и так засвечены, мля, по самое небалуйся. Сегодня, будьте уверены, на каждой итальянской таможне и в каждом аэропорту наши рожи в фас и профиль прописаны. Так что нам с тобой, Димон, по-любому нужно, как не прикидывай, пилить в Киев под крылышко к Шамарину и сидеть там тише воды ниже травы...

Ликаренко в глубине души привязался к «Шурику», и хотя отдавал себе отчет, что намного выгоднее было бы с ним расстаться, и в мыслях не имел бросить своего нового приятеля на произвол судьбы.

— Я думаю — уяснив, о чем идет речь, сказал Каранзано — что могу вам предложить более приемлемую альтернативу. Как насчет того, чтобы вернуть гонорар, который причитается мне и моим покойным коллегам за операцию в Турине?

— И что, овчинка стоит выделки? — с сомнением в голосе спросил Сергей-Вован.

— Я думаю, что да — ответил Каранзано — пятьдесят миллионов долларов на дороге не валяются. Ян почему-то на дух не переносил евро...

Над столом повисло молчание.

— Ох, и ни... себе! — у бывшего бандита захватило дух, и он от возбуждения даже привстал на стуле — а где эти деньги сейчас? Они ведь я так понял, расплачиваться с вами не особо планировали.

— Деньги Ян перевел на номерной счет в бельгийском банке «Брюс» перед самой гибелью. Оперативники из МЭО заблокировали платеж. Так что теперь сумму можно получить, только если мы договоримся с бывшими заказчиками, или взломаем код.

— Ты собираешься договариваться с теми, кто убил твоих друзей? — пожал плечами Сергей-Вован, — я думаю, что они только и ждут, когда ты выйдешь на связь. И вовсе не для того, чтобы поставить подпись на платежке...

— Вот кстати, Франческо — вклинившись в паузу, вмешался в разговор Дима — вы нам, пожалуйста, объясните, кто и почему за нами охотится, и вообще, что происходит?

— Заказчиком Туринской операции — Франческо старательно избегал формулировки «похищение Плащаницы» был Бильдельбергский клуб.

— Какой клуб? — почти в один голос переспросили Дима и Сергей-Вован.

— Эта малоизвестная широкой общественности организация, — с готовностью перешел на лекционный тон Каранзано, — была основана в 1954 году королевой Нидерландов Беатрикс и названа по имени отеля в Амстердаме, где прошло ее первое заседание. Клуб быстро стал синтезом политизированных тайных обществ масонского толка, сохраняющих влияние монархических династий, представителей древних олигархических кланов, и имеющих политический вес нуворишей.

Бильдельбергский клуб представляет собой тайное общество, работающее лишь на себя и стремящееся к полному мировому господству.

Для столь влиятельной организации, где не могло быть жесткой иерархии и единого лидера, вскоре была выработана оптимальная форма — дискуссионный клуб. Его ежегодные конференции приводят к ощутимой коррекции мировой политики, которая вырабатывается в процессе нешумных и неформальных заседаний «групп по интересам» состоящих из политических деятелей, академиков и деловых магнатов.

Членом этой верховной палаты первосвященников постиндустриального капитализма невозможно стать по собственному желанию. Ежегодно некий организационный комитет формирует список из ста избранных. Как ни странно, место очередной ежегодной конференции не представляет большого секрета, о нем можно справиться в штаб-квартире клуба, расположенного в Лейдене, что в Нидерландах. Зато сами конференции окутаны полной тайной. Члены клуба и гости никоим образом не афишируют своего участия. Зачастую недалеко от места проведения очередной конференции одновременно проводятся саммиты НАТО, ЕС, проходят визиты президентов, королей и премьер-министров, что позволяет известным политикам и бизнесменам, не привлекая особого внимания, по нескольку часов в сутки уделять работе клуба.

Безопасность участников обеспечивается военной разведкой принимающего государства, и карманной армией клуба, которая скрывается под вывеской «Международной экологической организации». Вдали от навязчивых журналистов члены клуба дискутируют, совещаются и вырабатывают программы совместных действий, которые медленно, но верно увеличивают их политический вес по обе стороны Атлантики. При этом обсуждаемые на конференциях вопросы сохраняются в полной тайне, благо практически все американские и европейские медиа-концерны принадлежат членам клуба.

Ян, глава нашей группы, имел дело с самим председателем организационного комитета. Это некий Рене Синклер, миллиардер, владелец дорогой недвижимости в самых фешенебельных

уголках Европы.

— Интересно, зачем такой серьезной организации потребовалась какая-то Плащаница? — спросил Дима, который мало-помалу начал вспоминать о том, что читал что-то о «бильдельбергергах», — о ее подлинности спорят давно, а после того как были наконец-то проведены исследования, Ватикан и вообще перестал настаивать на ее аутентичности.

— Судя по тому, какие средства были затрачены на операцию, — ответил Каранзано, — речь идет о серьезной игре клуба против Ватикана...

— А причем здесь попы? — удивленно произнес Сергей-Вован.

— Римская католическая церковь, — язвительно усмехнулся в ответ Франческо, — это не «попы», как вы изволили выразиться, а влиятельная и развитая организация, которая сохранила свою структуру без изменений чуть не с одиннадцатого столетия, а сегодня имеет мощнейшую сеть и влияние по всему земному шару. Я думаю, имеется много областей, где интересы клуба и курии пересекаются. При этом речь идет о вещах, важность и денежная ценность которых на порядки превосходит то, что затрачено в Турине. Тем более, как вы совершенно точно подметили, гонорар нам выплачивать господин Синклер, судя по всему, не собирался...

А что насчет этих мафиозных экологов? — продолжал вникать в проблему Сергей-Вован.

— Тут все непонятно, — пожал плечами Франческо, — они пользуются отличным прикрытием и имеют финансирование побольше, чем вооруженные силы некоторых стран. Но больше ничего. Их базы, центры связи и пункты управления, командный состав не известны. Официальная штаб-квартира находится в Брюсселе. Там съемочная группа, пресс-секретарь и некий исполнительный директор, который, похоже, имеет самое общее представление о том, чем занимается МЭО на самом деле.

— Ты считаешь, Франческо, что у нас есть шанс с ними договориться? — уточнил Дима.

— Думаю, да, — ответил тот, — ведь у вас имеется та информация, которую они ищут?

— Ну, во-первых, — снова выразил сомнение Сергей-Вован, — информация-то не столько у нас, сколько у Шамарина в Киеве, и его боссов из Лавры. А во-вторых, фигли толку им с нами стрелки бить и рассчитывать, если можно нас хлопнуть и все вытрясти бесплатно?

— Ну, — сказал Франческо, — до Киева им добраться посложнее, чем до нас, да и, по большому счету все равно с кем дело иметь. Если они свяжутся с Лаврой, то ваши заказчики, я думаю, потребуют взамен немало. А с нами проще. Нужно лишь только разблокировать счет, которым они без нас и так не могут распорядиться.

— Маловато будет, Франческо — продолжал исполнять роль «адвоката дьявола» практичный бандит. Сведений у нас немного, да и кто поверит, что ты не попробуешь расквитаться за свою бригаду? Я бы на их месте всех валил по-любому.

— Тут ты, Сергей пожалуй, неправ, — вмешался в разговор Дима. Все это время он размышлял и взвешивал все за и против, — мы пока потеряны. Преследователи, скорее всего, убеждены, что мы вернулись в Киев под защиту своих. В Лавре — наоборот. Они там, наверное, думают, что нас захватили ребята из «МЭО». Могилу Монферрата наши будут искать в Салониках, потому что в моем отчете была такая версия. А пока они за воздухом гоняются, мы с этой задачей справимся самостоятельно.

— Ты Димон, со своей наукой не парься — ласково, как разговаривают с безнадежными больными, ответил Сергей-Вован — а мы тут с брателлой будем конкретно мерковать...

— Дело в том, — бесцеремонно перебил его Дима, — что информации у нас больше, чем у всех остальных. Я точно знаю, где именно похоронен Бонифаций де Монферрат, и уверен, что до этого места наши боссы доберутся очень скоро, если и доберутся вообще.

Сергей-Вован ошарашено смотрел на Диму, набирая в легкие побольше воздуха, чтобы выдать какую-то сверхзамысловатую тираду. Ничего не понимающий Франческо глупо

улыбался.

Вечером, не разгрузив телеги с трофеями, а только лишь обустроив свой отряд, Дмитрий смог, наконец, расслабиться. Расположившись в каминном зале, где его ждали сгоравшие от любопытства ле Бон и Ставрос, он начал рассказ о только что закончившейся войне.

— В начале мая — начал Дмитрий — в Фивы съехалось несколько десятков рыцарей, так что собрался отряд общим числом около шестисот человек. Барон де Сент-Омер распределил обязанности, и мы отправились в Коринф, где в тот момент находилась ставка князя.

Армия, которая там собралась, составила около тысячи конных рыцарей и сержантов, пару сотен лучников и арбалетчиков, а также небольшое ополчение.

— И это все, сир? — удивленно уточнил обстоятельный ле Бон — а как же отряды венецианцев и рыцари монашеских орденов? Вместе с ними должно набраться еще не менее шестисот всадников.

— Венецианцы, не желающие портить отношений со своим нынешним союзником, базилевсом Михаилом, участвовать в войне отказались, так что на поддержку их копейщиков нам рассчитывать не приходилось, — ответил Дмитрий, — тамплиеры и госпитальеры, как и четыре года назад, сославшись на то, что не имеют в Морее военных отрядов, а напротив, все свои силы и принятых в орден рыцарей немедленно отправляют в Палестину, к войску князя тоже не присоединились. А тем временем, лазутчики донесли, что армия, которую послал на покорение Морей Михаил Палеолог, высадилась в Монеувасии.

— Это в той самой Монеувасии, — влез в разговор Ставрос, всеми силами стараясь подчеркнуть свою значимость, — которая является самым крупным портом Греции в Эгейском море, господин? Там еще живет мой дядя, Моисей, которому, в ваше отсутствие мы так выгодно продали всю шелковую нить прошлогоднего сбора...

— Молчи, нехристь, — рявкнул ле Бон, — продолжайте, пожалуйста, сир!

— Для войны с франками, — продолжал Дмитрий, — Палеолог нанял турецкие отряды двух иконийских эмиров — Салиха и Малика. Вместе с ними он отправил и отряд греческой конницы. Перевозку отрядов взяли на себя друзья и союзники базилевса — генуэзцы, а возглавил армию генерал Кантакузин, тот самый, который командовал греческой армией четыре года назад, когда наш князь был разбит и попал в плен. Сразу же после высадки, на сторону врага перешли горные славяне Пеллопонеса — язычники-цаконы, издавна имевшие славу лучшей в Средиземноморье тяжелой пехоты.

Не встречая на своем пути сопротивления, восьмитысячная армия вторглась в серединную часть полуострова, Элиду, и быстро захватила ряд морейских крепостей. Укрепившись в центре полуострова, они преодолели горный перевал, и взяли город Скорту, столицу баннерета Каритены, которая является ключом к западной части Пеллопонесса.

— Как же, знаю — обрадовано вскричал ле Бон, мой бывший командир, мужественный шевалье де Каррас получил там рыцарский лен, где и живет со своей молодой женой...

— В это самое время, — ответил Дмитрий — Скорта переживала не лучшие времена. Барон Жоффруа де Каритен, узнав о том, что Кантакузин движется со всей своей армией на его столицу, бежал из Морей в Неаполь, прихватив с собой жену де Карраса. Возмущенный рыцарь отправился в Коринф с требованием баронского суда.

Но он выбрал неудачное время. Наши нобили, прознав о захвате Скорты, готовились

оставить Коринф и закрепиться в Андравиде, потеря которой означала бы падение франкской Мореи.

Князь, возмущенный бесчестными поступками барона, который приходится ему племянником, мудро решил использовать ситуацию с пользой для дела. Чтобы задержать противника и подготовиться к осаде Андравиды, в сторону крепости Вели-гости защищающей перевал, где разбил лагерь Кантакузин, было решено направить отряд добровольцев. Таких отыскалось ровным счетом двенадцать рыцарей, которые вместе со своими оруженосцами и сержантами составили около трехсот человек. Возглавил их шевалье де Каррас, которому князь обещал в случае победы пожаловать баннерет Каритена и баронский титул. Остальным согласившимся пойти на верную смерть, князь также обещал щедрую награду.

— Вы сир, надеюсь, не присоединились к этим безумцам? — пропищал Ставрос, не обращая внимания на испепеляющие взгляды ле Бона, — иначе, как бы мы сейчас разговаривали с вами?

— Не угадал, Ставрос — улыбнулся в ответ весь ушедший в воспоминания Дмитрий, — испросив разрешения Сент-Омера, под знаменем которого я шел в войске, и получив его, я обратился к вашим товарищам, ле Бон. Оба рыцаря — де Лоншан и Хакенсборн, а также три оруженосца и семь сержантов, с радостью к нам присоединились.

Решительность проявил и мой оруженосец Бове, который таким образом, решил вновь обрести расположение герцога, и вернуть себе чин капитана вдобавок к доставшемуся ему лену и прекрасной Мелиссе.

Предводитель нашего небольшого отряда, шевалье де Кар-рас, несмотря на мучившую его подагру, собрал всех нас в свой шатер, провел совет, и определив порядок следования на марше, дал команду к немедленному выступлению. Не прошло и полдня, как наш отряд под приветственные крики остальной армии, покинул Коринф и выступил в сторону Элиды. Сам Каррас, от боли в пояснице не имея сил сидеть в седле, передвигался в паланкине, укрепленном между двумя вьючными лошадьми.

Быстрым маршем, сделав лишь один ночной привал, мы достигли предгорья, за которым, по донесению разведки, располагался лагерь противника.

По приказу мужественного старика, мы не стали оборудовать укрепленный лагерь, который по его словам «нам в любом случае не понадобится», а отдохнули полночи, завернувшись в плащи. Под утро мы облачились в доспехи, составили строй, выехали на вершину ближайшего холма, и дали противнику знать о своем появлении боевыми кличами.

Дмитрий представил, будто это было вчера, как они, построившись в колонну по четыре, с поднятыми вверх копьями, на которых развевались по ветру разноцветные значки, двинулись редким шагом в направлении к вражескому лагерю, который при их появлении ожил, словно растревоженная муравьиная куча.

Сцепив зубы от боли, де Каррас приказал привязать себя к седлу и возглавил войско. Будучи воителем опытным, он заранее дал знак к остановке — до того как весь его отряд оказался на вершине холма, таким образом не давая Кантакузину определить, что перед ним находится — авангард большого войска, или немногочисленный отряд.

Не дожидаясь, пока греки выстроят свой обычный боевой порядок, в качестве фланговой кавалерии используя турецких всадников, он дал команду перестроиться для атаки.

Первый ряд — четырнадцать человек — составили тяжеловооруженные рыцари, в том числе Дмитрий, и сам де Каррас. Они стали стремя в стремя, и, по команде предводителя, опустив копья, все ускоряющимся шагом начали спускаться с холма. Вслед за ними, строем пошире, обнажив мечи и приготовившись к рубке, двинулись оруженосцы и конные сержанты.

Кони, прищипориваемые седоками, перешли на рысь. Де Каррас при этом дико закричал:

— Держать строй! Каждый выбрал цель для копья! Строй не ломать! Забрала всем закрыть! За Морею!

Брошенный клич был подхвачен всеми тремя сотнями франков. Он повторялся снова и снова, и в конце концов, перерос в жуткий и всесокрушающий рев. Лошади перешли на галоп и разогнались настолько, что не смогли бы остановиться, даже если бы этого захотели.

Завидев начало движения, греки выдвинули на переднюю линию лучников. Вид атакующих рыцарей, закованных в броню, очевидно, произвел на лучников, толком не успевших понять, что к чему, устрашающее впечатление — единственный навесной залп оказался неточен, и вреда приближающемуся отряду франков не нанес.

Удар разогнавшейся лавины был страшен. Все, что запомнил Дмитрий, у которого от привычного предчувствия боя, кровь ударила в голову, были жуткий грохот и храп лошадей, разлетающиеся в стороны щиты и доспехи, падающие с коней тела. Его копье с тяжелым железным наконечником вошло в щит какого-то пехотинца, пронзило его насквозь, достало стоящего за ним второго солдата и с треском сломалось. Еще двое из задних рядов отлетели назад как набитые мешки на учениях, а троих пехотинцев сокрушил своими копытами разъяренный от вида крови дестриер Мистраль.

Отбросив бесполезный обломок, Дмитрий проскакал по инерции еще несколько локтей, и оглянулся назад. Эскадрон пробил и разрушил греческий боевой порядок, в считанные мгновения превратив его в перепуганную и неуправляемую толпу. Ядро армии противника — тяжелые греческие конники и пехотинцы были смяты и почти полностью уничтожены.

Несколько рыцарей, которые ухитрились каким-то непостижимым образом сохранить свои копья, выстроились в ряд, и такой же нарастающей рысью с переходом на галоп, снова ринулись на врага. Прочие, а с ними и Дмитрий, по команде де Карраса обнажили мечи и широким фронтом стали добивать рассеянного противника.

После того, как морейцы с копьями дважды обрушились на беспорядочно сопротивлявшихся греков, а также попытавшихся пойти в контратаку почти не защищенных от тяжелых копий и мечей турок, в стане противника началась паника. И конные, и пешие, роняя на ходу оружие и доспехи, ударились в бегство.

— Ну и что же произошло дальше, сир? — чуть не закричал разгоряченный рассказом ле Бон.

— Дальше, — продолжал Дмитрий, — мы по команде де Карраса атаковали центральный шатер, рядом с которым находились предводители войска, посланного константинопольским императором. Турки, по своей привычке, немедленно покинули поле боя, а Михаил Кантакузин, окруженный нами со всех сторон, сражался до последнего, и, не пожелав сдаться в плен, погиб. От его меча пал наш несчастный Бове, так и не вернув себе звание капитана.

— А что же с трофеями, вы участвовали в разделе добычи, сир? — снова подал голос Ставрос. Его мало интересовали перипетии битвы, но вопрос с трофеями настолько волновал бравого управляющего, что он еле дождался той секунды, когда не нарушая приличий можно было задать сеньору самый главный, по его мнению, вопрос.

— Этим же вечером, — отвечал Дмитрий, — похоронив убитых, мы занялись разделом честной воинской добычи. Но я в этом не участвовал, так как был отправлен де Каррасом в Андравиду с вестью о победе. Не беспокойся, Ставрос, — Дмитрий с улыбкой посмотрел на своего управляющего, готового испустить последний вздох, — как выяснилось через несколько дней, твой приятель Хакенсборн представлял своего сеньора, и получил по жребию три комплекта отличных доспехов, а также нашу долю из захваченной казны. Если прибавить к этому двух знатных пленников, которых я захватил во время битвы — получается, что мы вернулись с замечательными трофеями.

Один из них сразу же выплатил выкуп и отправился восвояси, а второго я отпустил и даже сделал своим новым оруженосцем. Это венгр Тамощ, с которым мы служили у Балдуина в Константинополе. Оставшись без дела, он нанялся к Кантакузину, и был бы убит в схватке, если бы я не узнал его и не оглушил, ударив плашмя мечом.

По мере перечисления трофеев, Ставрос возвращался к жизни, и к моменту, когда Дмитрий упомянул выкуп за пленного, его лицо сияло абсолютным и неподдельным счастьем.

— И как вас встретил князь Гийом? — ле Бон меньше всего интересовался добычей. Он хотел услышать продолжение истории.

— А как ты сам думаешь? Вместо вражеской армии в Андравиду пришло известие о том, что враг разгромлен, а Кантакузин убит. Немедленно навстречу де Каррасу выдвинулся большой отряд под командованием барона де Сент-Омер, а меня князь осыпал милостями и оставил при дворе.

Там, в Андравиде, мы провели осень. Папа Урбан убеждал басилевса Михаила заключить перемирие, но безуспешно. Пришла зима, горные перевалы занесло снегом. Наместник Мореи, который возглавил остатки войска, брат басилевса, Константин Палеолог, не решился наступать, и отсиживался в Мистре, а затем и вовсе бросил свою армию и возвратился в столицу. Князь Гийом вместе с армией передислоцировался в крепость Велигости, которую захватил де Каррас.

Весной, турки, которым не заплатил греческий император, перешли на нашу сторону, и мы дали еще одно сражение. Греки были разбиты наголову и бежали. Турки гнали их чуть ли не до самого побережья Адриатики. Князь Гийом вернул себе крепости Мистру, Лакедемон и Монемиасию. Война закончилась, а в Андравиду пригнали полтораста плененных греков — знатных и богатых.

В это самое время вернулся из Неаполя беглый племянник Виилардуэна Жоффруа. Князь, нарушив слово, данное де Каррасу вернул ему баннерет Каритены, нанеся тем самым герою битвы при Велигости жестокое оскорбление. Тот, проклиная всех и вся, удалился в свое небольшое поместье, а в Скорте, сразу же вспыхнуло восстание против нового сеньора, и князь направил на его подавление турецкие отряды.

Все это едва ли не привело к новой большой войне. Гийому пришлось заплатить турецким военачальникам значительную сумму отступного, и нанять у Венеции корабли, чтобы как можно быстрее избавиться от опасных и непредсказуемых союзников.

Хотя многие из них, увидев, что богатейшие земли в центре острова пустуют, а множество греческих женщин последние войны оставили без мужчин, бросили своих командиров и осели в местных деревнях, чтобы заняться крестьянским трудом.

Князь Гийом предлагал мне должность старшего офицера его личной гвардии, но я отказался, чем заслужил его немилость. После этого я, с дозволения барона де Сент-Омер, оставил Андравиду, и вернулся домой. Скоро впрочем, за мной последует и остальная часть рыцарей нашего герцогства, потому что князь Гийом де Виллардуэн Ахайский принес вассальную присягу королю Сицилии и Неаполя, брату короля Франции, Карлу де Анжу, а тот в свою очередь подписал соглашение с Михаилом Палеологом. Теперь в Морею пришел мир.

В то время, как присутствовавшие, затаив дыхание, слушали обстоятельный рассказ, в памяти Дмитрия всплыли события, о которых его сержантам и слугам знать не полагалось.

Вскоре после того, как армия князя расквартировалась в Велигости, в крепости объявился Ронселен де Фо. Разыскав Дмитрия в личной охране Виллардуэна, он, испросив разрешения у князя, немедленно переподчинил его себе. На следующий день они поздно вечером, чтобы не привлекать внимания, отправились в горы.

Там, в ущелье их ожидал небольшой отряд. Подъехав поближе, Дмитрий разглядел, что

навстречу им движутся трое — франкский рыцарь и двое турецких всадников — судя по одежде, скорее всего из верхушки командования иконийцев.

Оставив своих сопровождающих на месте, и прихватив с собой одного Дмитрия, де Фо пустив коня шагом, двинулся им навстречу.

— А ты возмужал, Теобальд! — обратился он к франку, лишь только они сблизились на дистанцию, позволявшую расслышать его слова.

— Зато вы, мессир Ронселен, совершенно не меняетесь — ответил ему рыцарь в таком же ироническом тоне.

— Познакомься, Дмитрий, это сир Теобальд, шевалье де Ту, родной внук того самого командора Мосинополя, о котором ты от меня наслышан. Через три года после гибели короля Бонифация, после того как император Генрих отобрал у ордена все его владения в королевстве, горячий дед Теобальда оставил свой тамплиерский плащ, и отправился на службу к никейскому императору Ласкарису, при дворе которого вырос затем его сын, и, как видишь, внук. Унаследовавший титул Теобальд, после того, как на византийском престоле воцарился узурпатор Михаил Палеолог, и династия Куртене, правившая в Константинополе была сокрушена, решил, что их семейный обет мщения, ради которого дед покинул орден, и перешел в стан противника, исполнен. Он отправил в тирское командорство гонца с предложением помочь спасти Морею от греческого нашествия. Правильно я объясняю, сир Теобальд?

— Вы как всегда точны и лаконичны, мессир — отозвался де Ту — не представите ли вы мне в свою очередь вашего спутника?

— С удовольствием, мой дорогой Тибо. Это сир Дмитрий Солари, шевалье де Вази, собрат ордена и вассал герцога Афинского. Он оказал Храму много услуг и облечен полным моим доверием.

Не слезая с коней, де Ту и Дмитрий поприветствовали друг друга вежливым наклоном головы, а вслед за тем все трое обратились к ожидавшим в стороне туркам. Это были сами предводители обоих отрядов, эмиры Салих и Мелик. Де Фо, перейдя на тюркское наречие, вступил в длительные переговоры.

Беседа, содержание которой Дмитрий не улавливал, проходила на повышенных тонах, и казалось, что в любую минуту все присутствовавшие схватятся за оружие. Но, глядя как спокойно реагирует на происходящее де Ту, он понял, что это просто манера общения, и также успокоился.

Вскоре переговоры завершились. Увесистый мешок с золотыми монетами перекочевал из седельной сумки приора в руки одного из эмиров, и договаривающиеся стороны, обменявшись еще несколькими гортанными фразами, наконец-то разъехались.

Распрощались они и с де Ту, который ускакав вслед за своими союзниками, успел весело крикнуть — до скорой встречи, мессир!

Отряд отправился в обратный путь.

— Что происходит, мессир Ронселен? — спросил Дмитрий.

— Происходит то, что мы, дорогой мой шевалье, выиграли эту войну чужими руками. С морейских тутовников, здешних виноградников и оливковых рощ, а также в виде церковной десятины, Орден имеет ежегодный доход в восемьдесят тысяч золотых иперпиров. Этой суммы вполне достаточно для того, чтобы содержать в Заморье несколько крепостей с большими гарнизонами. Полвека назад мы сделали большую ошибку, позволив императору Генриху лишиться нас владений в Фессалии. Поэтому мы сообщили венецианцам, когда и на чем будет доставлена казна для расчета с турецкими наемниками, и дважды эти деньги становились добычей корсаров. Затем я отправил верного человека в Константинополь. Де Ту не спал ночами, думая, как остановить греческое нашествие на франкские земли. Труднее всего было

уговорить его выступить тайным посредником между мной и иконийскими эмирами, но и это, как видишь, удалось.

После мы заручились поддержкой князя и его деньгами, и вот, полчасика назад, наняли для него все турецкое войско. Как только с перевала сойдет снег, мы выступим из Велигости и одержим блестящую победу. Таким образом, государство франков в Греции продолжит свою славную историю, как я полагаю еще на очень много лет.

Мысли вновь прервал ле Бон — а как происходила последняя битва, сир? Вы приняли в ней участие?

— Дождавшись, когда дороги очистятся от снега, мы перешли перевал и разбив лагерь в полудне пути от Мистры, стали готовиться к сражению.

Наутро в одной из долин мы и греки, которые на сей раз, чтобы противодействовать рыцарской коннице, подготовили много тяжелых пехотинцев-копейщиков, выстроили боевые порядки и начали сходиться.

После того, как войска сблизилась на расстояние полета стрелы, турки набросились с тыла на своих союзников. Сказать, что у греков началась паника, это значит, ничего не сказать. Лишь небольшой отряд, охранявший греческих военачальников — Фила, Макрина и Каваллария смог подняться в горы, и укрыться в одной из пещер. Как ни странно, но их до последнего защищали наемники сарацины. Их предводитель был тяжело ранен и достался мне в качестве пленника.

Долгий вечер наконец завершился, и Дмитрий, пожелав всем спокойной ночи, отправился спать.

Утром он прежде всего посетил своего именитого пленника Тенгиза, который, как выяснилось еще в дороге, оказался племянником мамелюкского визиря, происходившего из одного рода с султаном. Несмотря на долгий путь на трясущейся телеге, он почти оправился от двух рубленых ран, и пытался передвигаться по комнате, в которую его поселили по приказу Дмитрия.

— Это и есть твой замок, франк? — ехидно спросил мамелюк, с трудом подбирая греческие слова, — бедно живешь, однако.

— Я же не сын визиря — парировал, нахмурившись, Дмитрий.

— А что это за иудей с утра пораньше ко мне пыталась сунуться? Еще раз увижу — уши отрублю, и скормлю собакам.

— Этот иудей, Тенгиз, на самом деле грек, христианин и мой управляющий, которому, кстати строго-настрого приказано, чтобы ты не испытывал ни в чем нужды.

— Да уж, — фыркнул тот, оставшись по поводу происхождения Ставроса в своем первоначальном мнении, — вот не было счастья, чтобы обо мне заботился представитель этого зловерного племени.

— Мы вернулись с войны, Тенгиз, и я пришел к тебе, чтобы наконец-то поговорить о будущем.

— Что ты хочешь франк? Мой дядя из рода Берш, он визирь великого султана. Отправь ему послание, и он заплатит за меня столько, сколько ты попросишь.

— Тенгиз, — нахмурил лоб Дмитрий, — вспомни бой в пещере. До того, как мы с тобой схватились, ты получил первый удар, но держал саблю в руке. Не знаю, что меня остановило — снести тебе голову мечом было легче легкого, но я только парировал твои слабеющие удары, и рубанул всерьез лишь тогда, когда ты ухитрился попасть мне в плечо. Ты потерял сознание, и упал прямо на меня так, что наша с тобой кровь смешалась. Не знаю, как по-вашему, но по обычаю моей страны мы теперь с тобой кровные братья. А с брата я выкуп брать не буду. Так что, пока у тебя еще недостаточно сил для возвращения домой, будь моим гостем, Тенгиз.

Кстати, фиванский командор тамплиеров, которого я встретил по дороге, раньше служил на

Кипре, и вел дела с Каиром. Узнав, из какого ты рода, он от лица капитула немедленно предложил выдать тебе из орденой казны сумму достаточную, чтобы ты смог нанять охрану и морем добраться до Константинополя или Рума. Он уверен, что твое долговое обязательство согласится потом погасить в Каире твои родственники. В общем, поправишься — можешь сразу же возвращаться домой.

С этими словами Дмитрий оставил изумленного мамелюка, и отправился в зал, где его ждал посланник от герцога, вручивший ему сразу два письма.

Первое, запечатанное герцогской печатью, принадлежало Ги де ла Рошу.

Мой дорогой шевалье де Вази!

Чрезвычайно рад был узнать, что ты цел и невредим, и мало того, отягощенный воинской славой и богатыми трофеями, находишься на пути в фиванские земли. Гнев нашего досточтимого князя, который ты навлек на себя, на глазах у первых лиц государства и множества рыцарей презрительно отказавшись от службы при его дворе, не распространится на тебя в пределах моих владений. Увы, в наши непростые времена высокородным господам не своей волей, а в силу непреодолимых обстоятельств все чаще приходится бывать не рыцарями, а политиками, что в конечном итоге ведет к окончательному падению нравов и закату последнего франкского королевства, чтящего традиции легендарного короля Артура, о котором так любят слагать песни трубадуры, коим до недавних пор во всем христианском мире почиталась наша Морея.

Теперь о главном. Свадьба твоя, откладывая которую я более не намерен, ибо в отличие от тебя, крайне опасаясь гнева со стороны моей племянницы Анны, состоится в ближайшее время.

Шутки шутками, но по окончании сбора урожая мы с твоим «другом» — принцем собираемся отдать дань славным традициям и устроить в Андравиде большой турнир, достойным завершением которого и станет венчание твое и Анны.

Я вынес на баронский совет Мореи предложение превратить несколько соседствующих с Вази рыцарских и сержантских ленов в баннерет, который будет давать наследственные права на эти владения. Для окончательного решения необходимо лишь дожидаться возвращения моего соправителя барона де Сент-Омер. Зная давние связи его рода с орденом Храма и то, как к тебе благоволит мой друг, приор де Фо, я не сомневаюсь в его положительном ответе. Кроме баронского титула и больших владений, в приданое тебе также отойдет имение несчастной моей сестры, матери Анны в Европе — небольшая крепость на побережье Бискайского залива, в которой имеется удобная гавань, именуемая ла Рошель.

Я надеюсь, что своей любовью к Анне, разумным управлением вверенными землями, и доблестной рыцарской службой ты оправдаешь то доверие, которое тебе оказывают владетельные сеньоры.

Милостью Божьей герцог Афинский Гийом де ла Рош.

Второе письмо было размером поменьше, и написано не на государственном пергаменте, а на изящной и очень дорогой рисовой бумаге.

Мой милый Дмитрий!

Почти два года разлуки с тобой для меня мучительны. Каждого посланца и всякую весточку из Коринфа, Андравида и Велигости мы ждали как манну небесную. Не было ни одной ночи, чтобы я не роняла слезы на подушку, вспоминая о тебе и наших с тобой встречах. Слава Господу, что ты жив и невредим. Сегодня дядюшка сообщил мне о твоём скором прибытии, но горой став на пути, отказался выпустить меня навстречу, заявив, что может вытерпеть любую мою прихоть, кроме прилюдного нарушения приличий, которое пойдёт во вред в первую очередь мне самой, как будущей баронессе де Вази и герцогине Афинской. Негоже — сказал он — племяннице герцога бросаться на шею своему жениху посреди пыльной дороги на глазах у нескольких проезжающих по своим делам крестьян. Другое дело, организовать ему небольшой триумфальный въезд в Фивы, с выходом невесты на ступени дворца, которая при этом вручит своему рыцарю вполне заслуженный лавровый венок на глазах у многочисленных горожан, крестьян, что соберутся на ярмарку, а также всей латинской и греческой знати...

Впрочем, что это я говорю. Зная про твою нелюбовь к шумным и пышным сборищам, дядя Ги распорядился держать эти планы в секрете.

Увы, гонец, согласившийся доставить к тебе и мое послание, опасаясь навлечь на себя долгой задержкой герцогский гнев, нервно позвякивает шпорами, ожидая у входа в кабинет.

Жду тебя, мой рыцарь.

Вечно твоя Анна.

Румыния, предместье Бухареста

По дороге к здешнему супермаркету Франческо несколько раз чуть не попал в аварию. Румынские водители, пешеходы, а также многочисленные владельцы конных упряжек, полностью игнорировали дорожную разметку, знаки и светофоры. Ему постоянно приходилось резко тормозить и уворачиваться, поэтому, привыкший к относительному порядку на дорогах Италии Каранзано, к тому времени, когда он миновал базар, огромный секонд-хенд и несметное количество пиццерий и Макдональдсов, наконец-то добрался до большого двухэтажного строения с вывеской «Билла», взмок от напряжения.

Он припарковался на полупустой асфальтовой площадке перед главной витриной, рывкнул на чумазых цыганчат, которые, размахивая черными, под стать им самим тряпками и ведрами с такой же водой, настойчиво предлагали помыть машину. Несмотря на категорический отказ, упрямые создания, стоило ему отойти на десяток шагов, все же сунулись к машине, чтобы потребовать после его возвращения денег, но к счастью, сработала сигнализация, и они, испугавшись воя сирены, брызнули в разные стороны.

Неспешно пересекая пустую площадку Франческо вдруг вспомнил, как он познакомился с Яном.

Франческо Каранзано родился в пьемонтском городке Алессандрия. Несмотря на то, что их фамилия прямо указывала, что их семья является потомками «тех самых» Каранзано, в роду из поколения в поколения передавалось предание, что они ведут начало от местных владельцев Монферратов. Франческо документальных подтверждений семейному преданию не обнаружил, и вообще относился к своему происхождению спокойно и не без иронии. Ну какой коренной пьемонтец не считает себя потомком герцога или на худой конец графа.

Блестящий выпускник юридического факультета, он не ограничился одним образованием, и сумел получить диплом инженера безопасности компьютерных сетей, поэтому, поступив на работу в полицию, довольно быстро смог занять пост главного следователя флорентийской квестуры. Уважение в обществе, интересная работа, высокие доходы и красавица-жена — все это улетучилось в течение одного года.

Сначала произошла шумная история с «флорентийским маньяком», который на протяжении нескольких лет насиловал и убивал молодых девушек. Человек, которого арестовал Франческо, был признан виновным, осужден и покончил с собой в камере. Но после этого убийства девушек продолжались. Затем, прямо из-под носа Франческо ускользнул американский психиатр-убийца, который скрывался во Флоренции. Оба случая имели большой общественный резонанс, и Франческо пришлось подать в отставку.

Жена от него сбежала, он переехал на дешевую квартиру, и чтобы сводить концы с концами, организовал собственное детективное агентство, единственным сотрудником которого был он сам. Благодаря друзьям из квестуры, а также тому, что он, несмотря ни на что, был отличным следователем, вскоре у него появилась респектабельная клиентура, которую он и обслуживал.

Несколько лет назад на него вышел клиент, у которого из частного музея украли дорогую картину, а в полицию он обратиться не мог, так как не хотел огласки.

Картину, точнее ее похитителей, Франческо вычислил очень быстро, пользуясь широкой сетью осведомителей, и своими техническими познаниями. Клиент был щедр, и Франческо

проследовал за похитителями до Лимассола. Когда он уж было собрался связаться с клиентом, чтобы передать ему информацию, достаточную для того чтобы вернуть похищенную картину, к нему в гостиничный номер постучался Ян.

Он представился, попросил его выслушать, и рассказал, что похитил картину по заказу одного «нового русского» из Санкт-Петербурга. Оказывается, бабка его заказчика во время войны работала в Эрмитаже. Чтобы не умереть от голоду, она вынесла из запасника, и обменивала на хлеб и сахар несколько ценных полотен. Человек, который приобрел эти картины и был клиентом Каранзано.

Господин Шандлер в те далекие времена не до конца рассчитался с бабкой клиента Яна, так что она чуть не умерла от голода. Эту историю она рассказала своему сыну перед смертью, и завещала при малейшей возможности вернуть картину в музей. Отец «нового русского» был простым рабочим, и не имел ни малейшей возможности исполнить волю покойной матери, но когда его сын разбогател, рассказал ему о завещании. Тот очень любил свою покойную бабку, и потратил немалые деньги на поиск украденных картин.

Документы, свидетельствующие о том, что эта история не вымысел, которые представил ему Зингер, были подлинны, да и сама картина не представляла собой уж очень большой ценности — на ее похищение «новый русский» потратил больше, чем она того стоила, услуги Зингера были недешевы. Но окончательно убедила Франческо фотография той самой бабушки, сделанная еще 1944 году, когда она, после снятия блокады, лечилась от дистрофии.

Глядя на фото, он представил себе румяные щечки жизнерадостного старика Израэля Шандлера, известного ценителя искусств, филантропа и коллекционера, и принял у Яна сумму отступного, которая впрочем, была немногим меньше гонорара за поиск похитителей. Картины уехали в Петербург, а контракт с Шандлером был разорван. Через две недели Ян нашел его вновь, сказал, что сражен его детективными способностями, и предложил войти в состав его группы. Франческо подумал, и согласился.

Франческо, критически цокая языком, прокатил тележку вдоль бесконечных рядов коробок, банок, и пакетов с яркими этикетками, в которых, по его мнению, консервантов и ароматизаторов было больше, чем полезных веществ. Затем задержался у витрины с сырами, попросил продавщицу отрезать ему кусок «Маздомера» и «Старого датчанина», взял по полкилограмма и того и того и закончил объезд продуктовой части магазина винным отделом. При виде разнообразия местных вин, Франческо оживился и долго выбирал что купить, внимательно разглядывая этикетки и просматривая бутылки на свет. Выбрав таким образом по каким-то, только ему одному известным признакам с десятков бутылок, в основном красных сортов, он перешел к рядам магазинчиков, расположенных за пределами главного торгового зала.

Там Каранзано осторожно, чтобы не привлечь внимания, приобрел у трех разных продавцов пять мобильных телефонов, стартовые пакеты местных операторов и ряд аксессуаров. С нагруженной тележкой, он вернулся к машине, где его до сих пор ждали давешние мойщики. На этот раз они ринулись к нему безо всяких предложений своих услуг, а просто для того, чтобы поклониться денег.

Предусмотрительный Франческо, опять же не желая привлекать к себе внимания, и не без основания полагая, что мальчишки, стоит ему лишь немного зазеваться, обязательно что-нибудь стащат, бросил на асфальт несколько местных купюр с количеством нулей не меньшим, чем у итальянских лир, и разрешил забрать магазинную тележку с залоговым жетоном. Цыганчата, облепив свою добычу, упорхнули, словно стайка воробьев, а Франческо загрузив покупки, двинулся в отель.

По дороге он прокручивал в мозгу то, что рассказал им с Сержем молодой историк.

— Хроники Фессалоник — начал Дима, как только ему предоставили слово — содержат описание гибели маркграфа, а точнее короля Бонифация. Там есть такие слова: *«Тело короля было обезглавлено, и потому похоронено по латинскому обряду в святой церковной земле»*. При этом поминальная запись о смерти сделана не в Греции, а во Франции, в Суассоне. Непонятный текст. По канонам римской церкви тело, лишенное головы, вообще не хоронилось в освященной земле — на кладбище или внутри церковной ограды. А мы знаем, что голову Бонифация отвезли как трофей болгарскому царю, и он изготовил из нее кубок.

Эти хроники в свое время опубликовал один маститый советский профессор. В его комментариях к тексту написано, что вдова Бонифация, Маргарита Венгерская, тайне погребла его в одной из небольших церквушек где-то в Фессалониках. Но наш профессор, как выяснилось, пользовался не оригинальным латинским, а английским текстом, который был переведен еще в восемнадцатом веке.

Я не поленился, нашел в сети отсканированный текст оригинала, и перевел со старогреческого. И вот что получилось: *«Тело короля было обезглавлено, и потому похоронено в освященной земле Храма по латинскому обряду»*. То есть в одной из церквей или часовен, принадлежащих ордену Храма, тамплиерам! Это в корне меняет дело. Тамплиерам римский папа пожаловал привилегию хоронить на своей земле и причащать отлученных от церкви.

Отлучение тогда было распространенным наказанием — ему подвергались все, вплоть до королей — и было чем-то вроде конфискации паспорта — ни жениться, ни на работу устроиться, ни продать, ни купить. Поэтому такая привилегия приносила ордену огромную прибыль — те, кому некуда было деваться, порой и целые города, подверженные интердикту (который мог накладывать не только сам папа, но также кардиналы и епископы), вынуждены были под зубовой скрежет местных священников прибегать к услугам капелланов ордена, принося в его казну щедрые пожертвования.

Ну, а Бонифаций де Монферрат был связан с орденом как никто другой. Ведь он был ломбардским сеньором, а тамплиеры имели большие связи с ломбардцами. В походе на Константинополь Бонифация, тогда еще маркграфа, сопровождал командор ордена в Ломбардии некий брат Бароцци. Он же стал посланником от только что избранного латинского императора Балдуина к папе Иннокентию. Став королем, Бонифаций пожаловал ордену целый округ недалеко от своей столицы.

Так я пришел к выводу, что скорее всего, похоронили его в какой-то из находившихся неподалеку принадлежащих Храму церквей или часовен. Перечень тамплиерских владений в Фессалониках, правда очень неполный, в распоряжении историков имеется. Есть и список церквей и часовен, которые там были построены в начале тринадцатого века или раньше. Но я считаю, что Бонифаций похоронен именно в Мосинопольском командорстве.

Автор «Хроник» после того, как его изгнали из Фессалоник, долгое время там жил, и хорошо его описал. Это на холме, на восточном берегу реки Марицы, неподалеку от ее устья «там, где начинаются болота». Кроме того, автор отлично описал внешний вид могилы — подземный склеп с мраморной плитой, на которой высечена надгробная статуя.

Места там пограничные, и малозаселенные. Я прикинул по карте, что средневековые развалины, если они там есть, найти будет нетрудно. А дальше дело техники.

После того, как Сергей-Вован закончил перевод, они с Франческо начали оживленное обсуждение. Через некоторое время оба повернулись к Диме.

— Ну, в общем, — сказал Сергей-Вован, — прав ты похоже, Димон. Если уж в такой переплет попали, нужно рискнуть и пошукать твоего Бонифация. Тем паче, что мы от этих мест, ежели разобраться, то не так и далеко. Если карта ляжет, и найдем — так хоть будет чем торговаться.

— А что будут делать ваши патроны из Киева? — уточнил Франческо.

— Я думаю, что те, кто их консультирует, — уверенно ответил Дима, — ограничатся трудами не владевшего греческим профессором, и будут искать в Салониках.

— Вроде все решили, — подытожил Сергей-Вован — остался только один маленький вопрос, как будем делить добычу?

— Вам с Дмитрием — по десять процентов — не задумываясь, ответил Каранзано — кроме того, создаем на время поисков общий фонд, тысяч по тридцать. Я думаю, что этого достаточно, если ничего особого не случится.

У Димы, после того, как он услышал о сумме, широко раскрылись зрачки. Ликаренко заявил:

— Ну мы, типа согласны. Я долю в общак за Димона вложу, в натуре, а он мне потом поллимона отслюнит из своей пятерки.

Для Димы что тридцать, что пятьсот тысяч были одинаковой абстракцией. Они ударили по рукам.

— Но с этого момента — сразу же после этого сказал Франческо — в вопросах безопасности вы оба должны слушаться меня. Ведь я прошу прощения, но вас обнаружили как слепых котят. Для начала принесите и сложите на столе все свои мобильные телефоны, коммуникаторы и компьютеры. И не вздумайте их не то что использовать, а даже включать.

После того, как его новые компаньоны, ворча и сопя, выполнили распоряжение, Франческо разразился небольшой, как он сам сформулировал «вводной лекцией».

— В общем так — начал он — прежде всего, давайте разберемся, как в принципе можно не выходя из офиса отследить человека. Если конечно у тебя есть определенные возможности. Забудьте все, что видели в кино. Основных факторов четыре: паспорт, кредитные карточки, мобильные телефоны, активность в Интернете. В меньшей степени — банковские трансферты, камеры наблюдения, и перехват телефонных переговоров.

Пройдем по всему списку. Паспорт проверяют при пересечении границы, при полицейской проверке, при заселении в отель. При этом чаще всего паспортные данные попадают в компьютерную базу данных, откуда становятся легко доступными для служб уровня Интерпола. Поэтому, если вы находитесь в розыске, то как можно быстрее поменяйте паспорт. При этом позаботьтесь, чтобы ваши новые документы также не находились в розыске, как в международном, так и в тех странах, которые собираетесь посетить.

Кредитная карта — это самый простой путь, для того, чтобы дать себя обнаружить. Большинство банкоматов оборудовано камерами скрытого наблюдения, так что тем, кто вас ищет, очень легко определить по дате и времени транзакции, кто именно получал деньги по вашей карточке. Поэтому по возможности пользуйтесь карточками, которые выписаны на другое, никак не связанное с вами лицо. Для того чтобы при случайном попадании в полицию Вас не задержали по подозрению в краже, обзаведитесь доверенностью от владельца, чье имя там напечатано. Деньги на такую карточку необходимо переводить также с хорошо закрытых счетов через компьютерную систему «банк-клиент».

И теперь самое главное. Ваш основной враг — это ваш мобильный телефон. Достаньте-ка свои аппараты и наберите комбинацию: звездочка-решетка-ноль-шесть-решетка. На экранах высветится длинное число. Это уникальный номер вашего аппарата, который защит так, что его невозможно ни сменить, ни удалить.

Любой оператор мобильной связи использует этот код, и еще тот, который защит в вашу сим-карту. Операторов в мире всего несколько сотен, и все они активно сотрудничают со спецслужбами. Это означает, что зная номер телефона можно в течении часа определить где вы находитесь и получить ваш код IMEI, так что после этого если вы будете менять сим-карту хоть

каждые четыре часа, отследить вас будет нетрудно. Две или три ближайших станции легко позволят определить ваше местоположение с точностью до десятка метров.

Поэтому, одновременно со сменой документов позаботьтесь о том, чтобы у вас появился новый аппарат и новый стартовый пакет. И то и другое старайтесь покупать не в магазинах, а где-нибудь на базарах — чтобы не оставить ни следов в виде чеков и тех же платежей через карточку, ни свидетелей.

И теперь немного об Интернете. Существуют четыре главных признака, по которому вас там можно обнаружить. IP адрес — он присваивается каждому компьютеру, который имеет доступ в сеть, ваши почтовые ящики, номер вашего процессора, и ваша активность на поисковых серверах.

IP адрес — самая простая проблема. Его легко замаскировать, достаточно установить на компьютер нужные программы. При этом следует учесть, что если вы выходите на связь через мобильный телефон, то следует соблюдать все меры предосторожности, о которых говорилось выше.

Почтовые ящики также требуют особого режима доступа. Дело в том, что служебная информация всегда показывает маршрут письма, так что по нему легко отследить вас при проверке или пересылке почты. Пользуйтесь по возможности не почтовыми программами, а веб-сервисами и многих проблем удастся избежать.

Ну и номер процессора. Также, как и микросхема телефона, ваш процессор имеет уникальный код. Но его можно заблокировать, воспользовавшись настройками компьютера.

Самым опасным фактором является активность на поисковых серверах. Если вы ищете что-то нетривиальное, то отследить такой всплеск нетрудно. И если тот, кто за вами следит, и не получит Вашу координату, то во всяком случае сделает вывод, что вы живы, действуете и двигаетесь в определенном направлении. По моим прикидкам, именно так вас и обнаружили.

Сергей-Вован сидел, разинув рот, и переваривал информацию.

— А я-то думал, мля, как нас четыре года назад на контрабанде накрыли — наконец-то выдал он фразу — я так понял, Франческо, что все наши действующие кредитки, телефонные номера и сами аппараты мы должны забыть?

— Совершенно верно.

— А как же бабки с собой таскать? Я сотню с собой прихватил на всяк пожарный, да еще то, что от продажи фуры осталось...

— Ну и у меня примерно столько же. Часть припрячем, а часть положим на счет и сделаем карточки на каждого. Это мои проблемы.

До Димы не сразу дошло, что его новые компаньоны, легко рассуждая о сотнях, подразумевают сотни тысяч.

Не доверяя это никому, Франческо с боем отобрал у Сержа ключи от машины, и самолично съездил в магазин за нужным оборудованием.

По возвращению он критически осмотрел покупки, и начал колдовать над Диминым ноутбуком, щедро перемежая свою работу бесконечными «дьябло» и «мама миа», которые вызывал у него русский интерфейс. Немного повозившись с системой, он поставил файрвол с максимальной защитой, и активизировал программу, которая не только выстраивала маршрут доступа через цепочку анонимных серверов, но еще и меняла их каждые полминуты.

Войдя в сеть, и убедившись, что проследить их подключение невозможно, он по просьбе Сергей-Вована проверил почту, затем дал поработать Диме, порылся в сети сам, и убедившись, что они провели в онлайн не более получаса, отключился. Получив всю необходимую информацию, они вызвали на экран топографическую карту.

— Район поиска небольшой, — обрадовано высказался Дима.

— Как добираться будем? — уточнил Франческо.

— По-любому едем в Турцию и останавливаемся в Эдирне — задумчиво отозвался Ликаренко.

На следующее утро Сергей-Вован испарился на несколько часов, и подогнал к дому выдавший виды микроавтобус с непонятными номерами. Скупая по дороге необходимое для поисков оборудование, они выдвинулись в сторону Турции.

Киево-Печерская Лавра

Сергей Петрович Охрименко, худощавый лобастый человек лет пятидесяти, невысокого роста и в огромных очках, получил пост заведующего кафедрой археологии благодаря тому, что был женат на родной сестре местного архиерея. Институт, конечно, был не столичный, но жить и работать во втором по величине городе Украины Сергею Петровичу нравилось. Он был неплохим историком и разделяя мнение Гая Юлия Цезаря, предпочитал быть первым в провинции нежели вторым в Риме.

Историческая наука в стране за годы независимости, по сути своей, мало в чем изменилась. Если раньше приветствовались исследования и работы, посвященные руководящей роли коммунистической партии и мерзкой сущности феодализма, царизма и капитализма, то теперь требовалось изыскивать в делах давно минувших дней малейшие признаки независимой державы и вставлять их в мозаику новой концепции. Ни то, ни другое наукой не являлось, а поэтому Охрименко без зазрения совести вел несколько политически привлекательных тем, сосредоточив на них всех бездарей и тупиц, а сам занимался с талантливыми аспирантами, изредка читал лекции, да железной рукой управлял процессом защиты «коммерческих» диссертаций. Благо, после того, как свояк-архиерей и еще несколько иерархов из Киева под его научным руководством получили ученые степени «кандидатов исторических наук», в его дела не решались вступать не только мелькающие как придорожные столбы министры культуры, но и сам ректор, который на своем посту находился бессменно еще с брежневских времен.

Поэтому он даже и в мыслях не имел ответить отказом, когда ему позвонил секретарь Наместника Киево-Печерской Лавры, и пригласил на аудиенцию. Охрименко решительно отменил идею ехать в Киев на собственных «Жигулях» седьмой модели. Мало того, что такая поездка требовала целое море бензина, в Киеве с его ужасным движением и пробками Сергей Петрович был совершенно беспомощен.

В Лавре он не бывал давно, а уж на территорию, которую занимали монахи, и вовсе попал впервые в жизни. Приемная и кабинет Наместника его поразили. Не оставил равнодушным и сам этот человек, при одном лишь взгляде которого Сергею Петровичу неожиданно захотелось съежиться в кресле, а лучше стать невидимкой.

Разговор у них был недолгий. Наместник поинтересовался, не желает ли уважаемый профессор, о котором имеются одни лишь лестные отзывы, принять участие в небольшой экспедиции в Грецию, которая проводится за счет церкви. Выяснив, что эта поездка, кроме всего прочего, еще и будет оплачена, Охрименко, даже не уточнив сумму вознаграждения, немедленно согласился.

Как выяснилось чуть позже, в беседе с библиотекарем Лавры и еще одним человеком, представившимся как Николай Владимирович, который до боли напоминал Сергею Петровичу его бывшего куратора, занимавшего в свое время кабинет с видом на спину бронзового Феликса Эдмундовича, ему предстояло отыскать могилу или место захоронения некоего Бонифация де Монферрат.

Сергей Петрович в тот же день вернулся домой, заручился согласием двух самых надежных своих сотрудников и засел за первоисточники. Его аспиранты были людьми молодыми и прежде чем дать ответ потребовали уточнить сумму и порядок оплаты, так что, пока все не прояснилось, ему пришлось трижды перезванивать в Киев.

Неизвестно, какие рычаги задействовал Наместник, но старый ректор безропотно завизировал все письма, в течении дня подписал необходимые приказы, и даже словом не обмолвился относительно того, чтобы включить в состав группы кого-то из своих многочисленных родственников или протеже.

Двор огласили крики, источник которых у Дмитрия не вызывал ни малейших сомнений. Из-за угла появился побелевший от ярости Тенгиз в наряде для верховой езды. В правой руке он сжимал плеть, а левой волочил голосящего Ставроса, которого держал за многострадальное ухо.

— Ваша светлость! — лишь только увидев Дмитрия, возопил Ставрос, семена за Тенгизом, и обеими руками хватаясь за его руку, чтобы тот его не оторвал — этот сарацин... ой, ой, больно! То есть, я хотел сказать, что ваш друг, господин Тенгиз, ведь получил от брата-казначея в Фивах изрядную сумму по векселю. И на мою скромную просьбу возратить некоторые, выданные ему во временное пользование перины, одеяла и подушки... Ой, больно! Осторожно!.. А ведь нам гостей не на чем принимать, господин! Так вот, на мою вежливую просьбу о том, что нам нужны некоторые принадлежности из его комнаты, а то, чего недостает, он всегда может купить в моей... тьфу... то есть, в деревенской лавке, стал меня зверски избивать!

— Скромную просьбу! — взревел, словно раненый вепрь, Тенгиз, — я возвращаюсь с прогулки, где компанию мне любезно согласилась составить госпожа Мелиса, твоя соседка, Дмитрий, и что вижу? Двое слуг всюду орудуют у меня в спальне, стягивая одеяла, и чуть не срывая гобелены со стен, а на пороге стоит вот этот сын греха и вместилище пороков, и вопит, чтобы они поторапливались, пока безбожный сарацин обратно не вернулся!

— Это я для порядка так говорил, господин Тенгиз, — визжал, не переставая, Ставрос, — чтобы страху на дворню нагнать. Без страху ведь порядку в хозяйстве не добьешься, а вы вон какой грозный воин!

При словах грубой и неприкрытой лести, Тенгиз приосанился, но ухо Ставроса не отпустил.

— Госпожа Мелиса устала с дороги, она пожелала навестить свою бывшую хозяйку, и отдохнуть. Я пообещал ей показать один редкий трактат Ридвана Кухистани, да продлится род этого высокоученого мужа, — Тенгиз яростно осмотрел окружающих в поисках сомневающихся, — а если бы мы вернулись хоть на час позже, то госпоже Мелисе пришлось бы вкушать божественные строки «Благонравного поучения» посреди голых стен!

— А кто вам этот самый трактат из Палермо, через тамошних евр... то есть купцов выписывал? — взвился Ставрос, — я, между прочим, и комиссионных за это себе не взял. Ну, почти что не взял... Да и эти ваши «Благонравные поучения» — срамота одна. Ни одну из поз, что там, на картинках, изображены, невозможно повторить, не будучи канатным плясуном... ааа... больно... пустите!

Пройдоха Ставрос всем своим несчастным видом изобразил сомнение, что досточтимого Ридвана обязательно необходимо вкушать на пуховых перинах, но благоразумно воздержался от дальнейших комментариев.

Дмитрий вырвал своего управляющего из рук разгоряченного мамелюка.

— Сколько можно тебя учить, скупердяй, — грозно, насколько это у него получалось, рявкнул Дмитрий, на самом деле с трудом удерживаясь от смеха — выходки Ставроса, отличались исключительным многообразием и полной непредсказуемостью, так что бороться с ними он давно не имел сил, — еще раз проявишь неучтивость к нашему гостю, и моему названному брату, не видать тебе следующего Рождества!

Поднаторевший в подобных стычках Ставрос, воспользовавшись моментом, словно растаял

в воздухе. Мамелюк, помогая себе плетью, погнал к дому слуг, нагруженных подушками и одеялами, и отправил к Мелисе неведомого Ридвана. Дмитрий в сопровождении ле Бона и Хакенсборна выехал из замка в направлении Фив.

Когда перед ними вырос холм с герцогским замком, Хакенсборн наконец-то решился нарушить молчание.

— Не кажется ли вам, господин, — Дмитрий подозревал, что ответ на вопрос, который тот все же осмелился задать, волнует не только бургундца, но и остальных его приближенных, — что все три месяца, которые прошли после нашего возвращения с войны, шевалье де Ту оказывает баронессе Анне внимания гораздо больше, чем того требуют правила куртуазности?

— Мало того, — глядя прямо перед собой на дорогу, и не обращая внимания на ле Бона, который сразу же превратился в слух, ответил Дмитрий, — я располагаю сведениями, что князь Виллардуэн просил у нашего герцога для него руки Анны.

— Да уж, — включился в разговор ле Бон, — еще в тот день, когда он появился в замке, и поехал в месте с вами в Фивы, где баронесса надевала на вас лавровый венок, я видел, какими глазами он ее пожирает. Думаю, что шевалье не случайно стал посланником князя при дворе герцога Афинского.

— Де Ту сейчас любимец князя и первый его приближенный, — Дмитрий не хотел это обсуждать, но и держать своих вассалов-друзей в неведении считал неправильным, — после войны все подвиги приписаны ему. Он возглавил личную охрану князя, стал вассалом барона Каритены и получил фьеф, который ранее принадлежал покойному де Каррасу.

— Воистину, наш старик, за то, что спас Морею, получил по заслугам, — с неприкрытой злобой в голосе произнес Бургундец, — и месяца не прожил после того, как князь вернул своему беглому племяннику обещанный ему баннерет.

— Не нам решать, Хакенсборн, за нобилей, — ответил Дмитрий, — мы распоряжаемся только своей собственной жизнью, и вправе, разве что, не присягать тому, кого считаем недостойным господином.

— Вот уж истинно, сир. Но, отказавшись стать вассалом князя, и покинув его двор, вы нажили себе врага не по заслугам.

С этими словами они въехали в городские ворота. Стражники знали их в лицо и отдали честь алебардами. Дмитрий в ответ прикоснулся правой рукой к виску, словно поднимая забрало на отсутствующем шлеме, тем самым на военный манер, отвечая на приветствие. То же повторили за ним и сопровождающие воины.

Судя по суе горожан, в городе происходило нечто необыкновенное. «Уж не война ли опять?» — с тревогой подумал Дмитрий, но его мысли перебили торжественные трубы, которые зазвучали со стороны замка.

— Герольды приехали, господин! — обрадовано воскликнул ле Бон, — сейчас будет вызов на турнир.

— Все понятно, — подхватил Хакенсборн, — князь давно собирался его организовать — так вот зачем нас вызвал герцог!

На площади перед воротами замка собралась толпа, которую составляло чуть ли не все фиванское население. В центре копейщики образовали свободный круг с помостом, укрытым коврами. В первых рядах, поближе к выставленному на помосте креслу, стояли рыцари и благородные сеньоры^[1]. После того, как на пустое пространство выехали герольды, из ворот замка вышел в сопровождении свиты герцог де ла Рош, и уселся в приготовленное кресло.

Старший из троих герольдов — герольдмейстер, при помощи двух оруженосцев сошел с коня, достал из седельных ножен большой турнирный меч, и, держа его за лезвие, протянул герцогу с ритуальными словами: «Благородный и могущественный герцог, и доблестный

сеньор! Мой благородный, могущественный и доблестный сюзерен, князь Ахайский, послал меня к Вам, ценя великую рыцарственность и доблесть, которые он знает за Вами. Во всей любви и дружбе, и без всякого злого умысла, он желает устроить турнир и скрестить оружие перед дамами и девицами. И дабы показать это, он посылает Вам этот меч, подходящий для сего».

Ги де ла Рош, не вставая с кресла, принял меч и произнес: «Я принимаю вызов не со злым умыслом, но дабы доставить удовольствие моему сюзерену, и развлечь прекрасных дам».

Встав с колена, герольдмейстер продолжил ритуальный вызов: «Благородный, могущественный князь и доблестный сюзерен! Мой благородный, могущественный и доблестный сеньор, князь Ахайский, Ваш сюзерен, посылает Вам гербы восьми рыцарей и дворян на этом свитке пергамента, чтобы Вы могли избрать из этих восьми четверых, которых Вы желаете видеть судьями».

С этими словами он передал герцогу пергаментный свиток. Де ла Рош принял свиток, и как того требовал обычай, долго изучал изображенные там гербы. Наконец он назвал четырех судей, среди которых оказался и барон де Сент-Омер. Выслушав выбор герцога, герольдмейстер дал распоряжения двум своим герольдам, и те, в соответствии с турнирным кодексом, немедленно отправились эстафетой в Андравиду.

Затем, слуги вынесли из замка длинный отрез золотой парчи, на котором помощник герольдмейстера закрепил пергаментные листы, изображающие двух рыцарей с гербами герцога Афинского и князя Ахайского. Герольдмейстер повязал парчовый отрез наподобие плаща, отвесил поклон герцогу, сел на коня и торжественно удалился. Снова у городских ворот заиграли трубы, и толпа начала расходиться, активно обсуждая зрелище и предстоящий турнир.

Герцог де ла Рош оставил кресло, и в окружении своей свиты двинулся в сторону надвратной башни, но на полпути остановился, и движением руки подозвал к себе Дмитрия.

— Сам понимаешь, — сказал он, взяв его под руку и поглядывая сверху вниз, — как рыцарь, вассал, и мой будущий зять, ты обязан участвовать в турнире. И мне очень не хотелось бы, чтобы ты там проиграл. То, что ты отличный воин, всем известно, но на турнире свои законы, свои приемы и свои секреты.

— Я все отлично понимаю, монсеньер, — ответил Дмитрий, — ле Бон, мой рыцарь, принимал участие в нескольких турнирах, и я с ним буду упражняться все эти дни.

— Тренировок с ним будет недостаточно. Вы останетесь в замке на несколько дней, пока герольды не объявят день турнира, а мы с Сент-Омером дадим тебе несколько уроков — с этими словами герцог отошел, чтобы переговорить с запыхавшимся посланником князя.

Дмитрий же отправился в выделенную ему кастеляном комнату, которая по совершенной случайности имела малозаметную дверь, ведущую в галерею, соединенную с покоями Анны.

Наутро, в сопровождении ле Бона и Хакенсборна, Дмитрий отправился за город на луг, где обычно проводились все воинские занятия. Хакенсборн еще до завтрака переговорил с кастеляном, и получил у него деревянный остов и соломенное чучело, которое должно было служить им в качестве мишени.

По прибытии к месту тренировок, слуги установили деревянного «коня» и взгромоздили на него чучело, прикрепив к нему легкий щит и длинную жердь, которая должна была изображать копье. Не надевая доспехов, Дмитрий принял у Хакенсборна копье и занял исходную позицию.

— Забудьте на время всю свою боевую выучку, господин, потому что в турнирных боях она вам только повредит, — начал урок ле Бон, — ваша задача — выбить противника из седла, и при этом не нанести ему увечий. Словом так, будто вы сражаетесь в междоусобице, и имеете целью не убить врага, а захватить в плен соседского рыцаря, получить с него выкуп, и завладеть доспехами.

Дмитрий стал внимательно наблюдать за тем, как ле Бон направляет копье, и управляет на ходу конем, пользуясь для этого одними лишь шпорами.

Учеба продолжалась весь день почти без отдыха. Ле Бон не щадил своего господина, так что Дмитрий, хоть и достиг определенных успехов, совершенно выбился из сил. А когда солнце начало клониться в сторону западных холмов, от городских ворот появилась целая кавалькада. Возглавляла ее группа всадников, во главе которой даже без герцогского флага, по одному лишь росту и осанке, можно было угадать де ла Роша. Вслед за герцогом ехала хорошо знакомая карета баронессы Анны с собственной охраной, а замыкала процессию большая телега, крытая полотняным навесом, которую тянули два вола.

Подскакав поближе, Ги де ла Рош оценивающе посмотрел, как мокрый от пота Дмитрий, чуть не роняя от усталости копье, в очередной раз выбивает из «седла» чучело, одновременно отводя скользящим движением щита выставленный навстречу шест-копье, одобрительно хмыкнул и протестующее взмахнул рукой при попытке Дмитрия соскочить с коня, чтобы по обязанности вассала придержать стремя своего господина.

— Баронесса пожелала устроить обед на свежем воздухе, шевалье, — ехидно ухмыляясь, произнес герцог, — и я вот решил сопровождать племянницу, а заодно и поглядеть на твои успехи.

Карета и воз подъехали поближе, слуги начали разжигать костер, расстелили большое покрывало, и, разбросав на нем множество атласных подушечек, стали сервировать стол.

В ожидании, когда все будет готово к обеду, герцог, по своему обыкновению придерживая его за локоть, увлек Дмитрия за собой, и провел его вдоль расстеленного на траве чистого холста, на который слуги выкладывали доспехи.

— Вот, — не без бахвальства произнес де ла Рош, — турнирный комплект миланской работы, который я выиграл в Париже у одного из молодых Капетингов, когда был не старше тебя. Это большой турнирный шлем. Много ты в нем не разглядишь — щель забрала очень узкая, но зато за лицо можешь быть спокоен. Подшлемник сделан из воловьей кожи в пять слоев, так что за свой череп можешь особо не переживать, даже если копье противника попадет прямо в голову.

Далее, — продолжал герцог, — наплечники, наручи, кольчужные перчатки, панцирь. Тяжелы и громоздки. В таких, конечно, не повоюешь, но для турнира в самый раз. Многие простолюдины видят доспехи только в парадных залах у сеньоров, и считают, что именно так и выглядит рыцарь в бою — словно неповоротливая черепаха.

А вот поножи и ботинки. Эти почти ничем не отличаются от боевых — разве что шпоры покороче, чтобы в свалке не мешали. Это все тебе, Дмитрий. После турнира вернешь, и я очень надеюсь, что там разживешься своим собственным доспехом — ведь если тебе удастся сбросить противника с коня в джостре, копейном поединке, то его конь и доспехи по закону станут твоей собственностью.

Теперь главное — турнирный меч. Работа толедская. Сделан, как положено по правилам — четыре пальца в ширину, чтобы не мог пройти сквозь прорезь шлема, клинок толщиной в палец. Ложбинка посередине, чтобы полегче был. Затуплен со всех сторон, крестовина короткая, чтобы могла отразить удар, но не ранить. А ну, приложи к руке. Понятно, на полторы пяди длиннее руки с кистью. Длинноват, но рука у тебя тяжелая, справишься. Ушко в рукоятке, как обычно, только шнурок, которым его будешь привязывать к запястью, делай вдвое короче, чем для боевого.

Накидку из парчи, я мыслю, тебе за день сошьют в фиванских мастерских. Там у твоего знаменитого управляющего множество «родственников по линии матери». Она должна быть как у герольдов, и на спине пришит кусок ткани с твоим гербом. Право и не знаю, где бы тебе его

взять, разве что какая-нибудь благородная дама постарается вышить за пару дней — с этими словами герцог Ги хитро поглядел в сторону Анны, которая как раз выходила из кареты.

Дмитрий понял, что занятия на сегодня окончены, и, улыбаясь, пошел ей навстречу.

Группу украинских археологов встретил у трапа чиновник министерства культуры Греции. Он позаботился о том, чтобы все формальности заняли как можно меньше времени. Старший группы, Сергей Петрович Охрименко, заморожено разглядывал древний город из окна машины. Он и не чаял, что попадет сюда в обозримом будущем, да еще не как челночник или турист, а как исследователь.

Аспиранты Иван и Алексей, что-то горячо обсуждали на заднем сидении, а «младшие научные сотрудники» которых ему «рекомендовал» взять с собой загадочный Николай Владимирович, молча смотрели прямо перед собой.

Охрименко так и не понял до конца, кем были эти два молодых парня — охранниками, или надсмотрщиками. Но, как ученый, сделав вполне обоснованный вывод, что, пожалуй, они представляют собой одновременно и то и другое, он успокоился, и принял их как неизбежное зло. Да и последний инструктаж, который перед самым вылетом из Киева провели вдвоем Наместник и «куратор» убедил, что эта экспедиция не так уж безопасна, так как у них имеются некие «конкуренты». Во всяком случае, в могилу, маркграфа, ежели они таковую найдут, соваться было категорически запрещено до особого распоряжения.

Они устроились в гостинице, отдохнули с дороги, растратили в магазинах изрядную часть командировочных, и начали готовиться к осмотру храмов, сохранившихся с тринадцатого века, с которых Сергей Петрович еще дома планировал начать работу.

Через несколько дней после того, как они прибыли в Салоники, Сергей Петрович убедился, что поиски могилы Бонифация — дело пустое. Все архивы тех времен были полностью уничтожены многочисленными войнами, ни одна церковь и кладбище, мало того, ни одна церковная книга, к которым они по протекции патриарха получили допуск, не содержала никаких записей о смерти короля, который и погиб-то далеко от своей столицы, где-то в окрестностях Мосинополя.

Иван, сносно читавший по-латыни и по-гречески, проглядел скудные материалы, которыми располагали местные музеи, и пришел к неутешительному выводу, что они не содержат никаких сведений, которые в состоянии пролить свет на тайну погребения Бонифация.

Внимательно изучив все доступные документы, историки пришли к единодушному выводу, что обезглавленное тело короля просто оставили на месте гибели, где оно скорее всего и досталось стервятникам. Тем не менее, Алексей честно обследовал все средневековые некрополи города, но не обнаружил там ничего, что бы могло навести их на след. Эпирский деспот, боснийцы-Палеологи, а вслед за ними и каталонская кампания, которые поочередно захватывали город в несчастливом для него, тринадцатом веке, приложили огромные усилия, чтобы стереть у жителей Фессалии все следы краткосрочного правления латинян.

Обо всем этом Сергей Петрович через неделю с облегчением доложил в Киев. Но Шамарин быстро развеял эйфорию.

— По нашим сведениям, могила Бонифация существует, так что отнеситесь к делу более ответственно, — холодно сказал он, — и если вы ее не разыщете, то, стало быть, и не такой уж хороший специалист. Если так, то мы позаботимся о том, чтобы ваше место в институте занял кто-нибудь более компетентный.

Надо ли говорить, что после обрисованной перспективы Охрименко устроил

академический разнос своей команде, повторив основные мысли, которые высказал Николай Владимирович, и добавив к ним некоторые аргументы из своего профессорского опыта. Важностью момента, таким образом, прониклись все, не исключая и «младших научных сотрудников», и работа закипела с утроенной силой.

На третий день после разноса Шамарин снова вышел на связь, и почти официальным, ничего хорошего не предвещающим голосом сообщил руководителю экспедиции некие дополнительные сведения, которые, по его мнению, могли им помочь в поисках.

Охрименко не особо интересовался европейскими новостями, и не был в курсе подробностей недавнего похищения Плащаницы, поэтому тамплиерский крест со свастикой, предъявленный на экране мобильного телефона одним из «младших научных сотрудников» ему ровным счетом ничего не говорил. Зато Иван, который через плечо шефа глянул на экран, при виде его чуть не подпрыгнул.

— Видел, Сергей Петрович, видел в музее фотографию — он чуть не захлебывался воздухом от восторга.

— И где же?

«Младшие научные сотрудники» синхронно сделали стойку, словно обученные овчарки.

— Да какой-то морейский замок недалеко от Афин, точнее его развалины, — наморщил лоб Иван, — маленький, и не раскопанный.

Они немедленно отправились в музей, и выяснили, что фотография знака сделана двадцать лет назад на раскопках фундамента небольшого франкского замка, который располагался на месте нынешнего местечка Васти, и принадлежал, по всей вероятности, госпитальерам. Им также удалось выяснить у сотрудников музея, что раскопки в свое время были свернуты по требованию тамошнего землевладельца, а греческий археолог, который ими руководил, вскоре после этого умер от рака. Более никто тему не продолжал, и материалы осели в архиве.

Там же в музее Сергей Петрович, Алексей и Иван устроили небольшой «ученый совет». Иван притащил все необходимые книги, а Алексей развернул на столе карту Греции.

Совещание открыл Охрименко:

— Ну, как по-вашему, коллеги, — спросил он для затравки, — могли короля Бонифация похоронить в этом самом Васти?

— От Мосинополя до Васти — Алексей прокрутил курвиметр по карте — примерно семьсот пятьдесят километров. От Салоник до Васти — четыреста. Интересно, зачем было тащить тело в такую даль? По суше это минимум две недели ходу, вряд ли бы довезли.

— А по воде? — глядя на карту, спросил Охрименко.

— По воде примерно пятьсот — сделав замер, задумчиво доложил Алексей.

— Сразу после гибели короля Бонифация болгарский царь Калоян осадил Фессалоники, — добавил Иван, — может в этом и дело? Тело везли морем, да в столицу попасть не смогли, вот и похоронили в ближайшем замке?

— Довольно логично — строго поглядев на ассистентов, произнес Охрименко — ну что ж, Васти, так Васти.

После того как от Шамарина было получено добро на дальнейшие изыскания, «младшие научные сотрудники» арендовали вполне пристойный пикап, и они всей группой отправились в сторону Афин, туда, где в четырех сотнях километров от Салоник и находилось селение Васти.

Прибыв к месту назначения, они предъявили местному то ли старосте то ли главе сельсовета — очень толстому, низенькому греку с поразительно писклявым голосом, свои документы, и получив от него разрешение на осмотр развалин, раскинули палатки у подножия холма.

На следующее утро они отправились к старому раскопу. К своему удовлетворению

Охрименко убедился, что раскопки фундамента велись достаточно небрежно и стало быть вероятность того, что они найдут то, что им необходимо, очень высока. Прежде всего, они осторожно отыскиали тот самый знак, который, как выяснилось, был высечен на замковом камне свода подвального подземелья.

Потратив три дня на исследования, они восстановили на бумаге план фундамента и решили, что прежде всего следует искать склеп, который должен был иметь несколько боковых окошек.

Немного поколдовав с планом, Охрименко определил небольшой участок фундамента, под которым, по его мнению, следовало немного «порыться». Пока один из «младших научных сотрудников» сторожем оставался в лагере, его коллега, вместе с Иваном и Алексеем, стараясь делать это незаметно со стороны, начали осторожно разбирать стену.

Вытянув два десятка камней, они открыли проем, за которым, судя по всему, и находилось искомое подземелье. Чтобы не привлекать к себе внимания они решили продолжить работу с наступлением темноты.

Как только солнце скрылось за холмами, они, вооружившись ломом и лопатой, отправились обратно к развалинам. Первым спустился в подземелье Алексей. Он внимательно исследовал все вокруг, после чего доложил наверх, что находится в небольшом склепе, посередине которого расположен мраморный саркофаг. Свод каменный, очень прочный, выпавших камней — ни одного. Так что, можно спускаться.

Сгорающий от любопытства Иван был оставлен наверху, а Сергей Петрович и «младший научный сотрудник» спустились вниз. Некоторое время они молча водили фонариками и внимательно изучали находку.

— Ну, то, что это не могила Бонифация, это точно, — сказал Охрименко и голос его гулко отдался от дальней стены, — короче, вскрываем, а там будет видно.

Тяжелая крышка была лишь чуть прихвачена цементирующим раствором, а поэтому под воздействием двух ломиков в руках дюжих ассистентов подалась довольно быстро, открыв внутренность саркофага.

То, что оказалось внутри, потрясло археологов. Не зная, как себя дальше вести, Сергей Петрович через «сотрудников» доложил о находках в Киев и переслал туда фотографии, а сам вместе с ассистентами вернулся в лагерь и стал ждать дальнейших распоряжений.

Сотрудник МЭО из греческой резидентуры, который все это время наблюдал за ними с помощью прибора ночного видения, укрытого в машине, сделал вывод, что украинские археологи обнаружили что-то интересное, и отправил соответствующий доклад в оперативный центр.

Микроавтобус «Фольксваген — Каравелла», из тех, на которых обычно приезжают в Стамбул за товаром челноки, двигался из турецкого города Эдирне по направлению к морю.

Дима, скучая на заднем сиденье, поглядывал в окно и вспоминал события последних дней. В Бургасе они без проблем получили визы, заплатив по десять долларов. Марка, вклеенная в паспорт, и погашенная расплывчатой печатью, давала право находиться на турецкой территории в течение месяца. Сергей-Вован и в этом случае проявил завидные познания, и объяснил, что два-три дня просрочки здесь за криминал не считаются, больший срок грозит штрафом в 100–200 долларов, а серьезная задержка сделает возвращение в страну проблематичным. «Хотя — философски добавил бывший бандит — и это вопрос решаемый».

В отличие от гастарбайтеров-молдаван и разномастных челноков, они со своими паспортами, как жители «цивилизованной страны», не были подвержены обыску. Мало того, таможенники даже не задали дежурный вопрос, сколько денег с собой везут два итальянца и один русский (Диме Сергей-Вован «справил», по его выражению, российский паспорт, с пропиской в приднестровской столице), которые по их словам, целью поездки имели туризм.

Они заночевали в столице округа Эдирне, и теперь, с утра пораньше, докупив все, что им могло пригодиться для поисков, двигались в сторону побережья.

— Отсюда до Мосинополя, даже если брать по прямой, восемьдесят километров, а с учетом рельефа то и все сто двадцать. Сам же говорил, что средний дневной переход составлял тогда километров пятьдесят, — рассуждал, обращаясь к Диме, Сергей-Вован — хрен знает где твое командорство, а называется мосинопольским. Фигня какая-то, мля.

— Примерно два дневных перехода, — согласился Дима, — но хронист и это объясняет. Мосинопольская крепость принадлежала императору Балдуину, великий магистр лично попросил его выделить ему владения под командорство в этих местах, а тот не мог ему отказать. С другой стороны свежеиспеченный монарх опасался, что тамплиеры станут там «пятой колонной» короля Бонифация, который категорически отказался ему приносить вассальную присягу. Вот он и предложил им земли, которые располагались на восточном берегу реки Марица.

Вот что говорит хронист: некий тамплиер, брат де Ту, которому и было поручено строить командорство, после некоторых размышлений не стал возражать. Позиция была хорошо защищена рельефом, располагалась неподалеку от удобной гавани и позволяла одновременно контролировать как устье самой большой в регионе реки, так и идущую вдоль моря дорогу, которая соединяла Константинополь и Северную Грецию. К тому же в этот фьеф входила рыбацкая деревушка, жители которой промышляли пиратством, а также и плодородные земли в речной долине. В общем, тамплиеры не стали спорить, оформили дар как положено, папским указом, и в течение полугода построили форт. Большинство владений ордена в Латинской империи за нехваткой рыцарей управляли сержанты, но Мосинопольское командорство, как резиденция де Ту, назначенного командором, имела небольшой рыцарский отряд.

— Вот он, пограничный мост, — Франческо, прервав разговор, ткнул пальцем в изображение на экране, — вот старое русло, а вот река Марица. Если все, о чем ты рассказываешь, правда, то командорство должно было быть где-то здесь.

— Как пишет хронист, — добавил Дима, — его построили сами тамплиеры. Свои дома они

делали настоящими крепостями, и место для них подбирали соответственно. Командорство должно стоять на возвышении в дневном переходе от ближайшей деревни, и немного в стороне от оживленных путей. Еще там должна быть вода — река или колодец. В общем, ищем развалины на возвышении, и будем надеяться, что они до сих пор не застроены.

— Непохоже, — разглядывая местность, ответил Каранзано, — я вчера наложил карту четырнадцатого века на современную. С тех пор здесь ничего существенно не изменилось.

— Живут же люди, мля, — отозвался из-за руля Сергей-Вован, — тыщу лет село как стояло, так и до сих пор стоит.

— Учтите, что река пограничная, — продолжал Франческо, а турки с греками не особо дружат. Так что готовьтесь к тому, что нас будут проверять. Все запомнили — мы были в Эдирне по делам, и решили съездить на пару дней на рыбалку.

— Вот тут заканчиваются поля и начинаются холмы — продолжая отслеживать по карте их передвижения, отозвался Дима.

Дорога пошла вдоль неширокого канала. Если верить плану, то это было старое русло Марицы. Равнину сменило нагорье, и теперь их окружали с двух сторон невысокие скалистые холмы.

— Так, вон залив и селенье, неподалеку мост — переправа через Марицу, холмы. Чует мое сердце, что мы на правильном пути. А вот это интересно. Смотрите, — Дима махнул рукой в сторону противоположного берега канала, где на одном из холмов виднелись каменные развалины, — похоже, нам туда.

— Это все хорошо, — пробурчал Сергей-Вован, — только эта лоховская «Каравелла» плавать пока что не обучена.

— Что-то и я мостов на карте не наблюдаю — добавил Франческо — похоже, придется оставить машину в Энези, на берегу моря, взять там лодку, и вернуться сюда по воде.

— Хрен с ним, рыбаки, так рыбаки, — прогудел Сергей-Вован, — короче, двинули в село, а там на месте разберемся.

Прибрежная деревня, в которую они въехали минут через двадцать, словно законсервировалась во временах Османской империи. Дома и общественные здания по своей архитектуре могли быть с одним успехом как греческой, так и турецкой постройки. Местные жители, которые им попадались навстречу, а точнее их наряды, выглядели точно также как и сто, двести лет назад. Общее впечатление дополняли многочисленные парусные фелуки в заливе. И если бы не несколько стареньких пикапов, да полицейский мотоцикл, который стоял на центральной площади, у входа в участок, то Дима был бы уверен, что они по дороге из Эдирне влетели во временной портал и оказались в прошлом.

В деревеньке имелась одна-единственная чайхана, где они пообедали, в считанные минуты получив великолепно приготовленный свежайший кебаб и настоящий айран.

После обеда Дима и Франческо отправились к машине перебирать удочки, чтобы продемонстрировать скучающим на завалинках туркам свои рыбацкие намерения, а Сергей-Вован, используя весь свой стамбульский опыт общения с местным населением, завел разговор с хозяином заведения.

Пока компаньоны демонстрировали разинувшим рты ребятишкам спиннинги из углепластика, он выяснил все что нужно, по совету чайханщика пересек площадь и посетил местную «ментовку». Задушевный разговор с начальником участка, подкрепленный пятидесятидолларовой бумажкой, достиг нужного результата. Местный шериф — мужик с солидным «мозолем», грозными усами и хитрющими глазами, убедившись, что они не контрабандисты и не нелегалы, заверил Сергея, что они могут рыбачить на его участке в свое удовольствие, и посоветовал, к кому обратиться насчет лодки.

Несмотря на то, что жизнь в деревушке текла медленно и лениво, все вопросы им удалось решить за каких-то пару часов. Старшина рыбацкой артели, после недолгого торга, выделил им старую, но вполне надежную плоскодонку с широкими бортами, которая могла без труда вместить их троих, весь багаж, а кроме того, имела на носу укрытие, в котором в случае чего, можно было спрятаться от дождя или переночевать.

Рыбаки, которые помогали им перевозить лодку, уважительно поцокали языками на ямаховский мотор, который Сергей-Вован горделиво приладил к планширю, получили вознаграждение, и, пожелав приезжим рыбакам по вездесущей традиции, нечто аналогичное русскому «ни пера, ни чешуи», отправились восвояси.

Чтобы не «светить» шанцевым инструментом во время погрузки, они тщательно упаковали лопаты и заступы в брезент и перебросили на борт после того, как покинули деревню. Сергей-Вован отогнал «Каравеллу» обратно во двор, и вернулся на лодку на велосипеде.

Картина туши, которая горой возвышалась над хлипкой конструкцией, вызвала бурное веселье компаньонов. Дима и Франческо не смогли удержать смех и прыснули одновременно. Сергей-Вован, матерясь во весь голос, забросил в лодку ни в чем не повинное транспортное средство, которое жалобно звякнуло от грубого обращения, оттолкнул лодку от берега, и, продолжая материться, начал пробираться на корму, то и дело натываясь на разбросанные в художественном беспорядке тюки и сумки. Мотор завелся с первого рывка. Плоскодонка плавно развернулась, быстро набрала скорость, и рванула в сторону «рыбных мест».

Добрались они быстро и без приключений. После того, как лодка уткнулась носом в берег, Сергей-Вован, по молчаливому согласию признанный капитаном, грузно выпрыгнул на землю и картинно махнул рукой в сторону Димы.

— Ты у нас историк-археолог, вот и дуй, осмотришь на месте. Может, это свинарник прошлогодней постройки, а мы тут париться будем. Как говорит наш любимый шеф: «Куй железо, не отходя от кассы».

Предложение было разумным. Дима взобрался на холм, и огляделся по сторонам. Дима давно уяснил для себя, что все рассказы о тамплиерах, которые представляют их эдакими интриганами-заговорщиками, это полная чепуха. Орден Храма был организацией исключительно военной, и для того, чтобы понимать логику поступков рыцарей-монахов, воспринимать их нужно было именно так.

Если и существовало на этом месте сотни лет назад командорство братьев-рыцарей, то лучшей позиции для него, с тактической точки зрения, трудно было бы найти.

В сторону моря, чуть не до самой береговой кромки, простиралось болото с камышами и многочисленными протоками. Холм огибало старое русло реки, превращая его в полуостров, который с тыла был надежно защищен болотом, скалами и главным руслом Марицы. За каналом, до самого горизонта раскинулась ровная, как бильярдный стол, равнина, сплошь порезанная на квадратики возделанных полей.

Дима прошел взад-вперед по плоской вершине, стараясь угадать по камням, торчащим из травы, что именно здесь располагалось. Похоже, что когда-то здесь размещалось небольшое укрепление, но это ровным счетом ничего не означало. Форт могли возвести и во времена Османской империи. Нужно было определить, какие именно здесь стояли строения.

Судя по контурам фундаментов, часть которых угадывалась вполне явно, на вершине холма в свое время располагалась казарма, церковь, и несколько хозяйственных построек. Каменная стена, которая ограждала когда-то форт, была разобрана окрестными жителями еще сотни лет назад, а вот тяжелые балки и основания фундамента так и остались лежать там, где их в свое время установили неведомые строители.

Дима взмахами руки вызвал на вершину Сергей-Вована. Вдвоем они разгребли мусор и

мелкие камни с западной стороны церкви, где был когда-то вход.

На одном из больших камней, который замыкал один из арочных сводов сооружения, проступал высеченный крест с широкими концами. А это означало, что они отыскивали командорство.

Дима поднял голову и торжествующе поглядел на компаньона. Они с Сергей-Вованом хлопнули друг друга ладонью о ладонь, и начали спускаться вниз, где их ожидал Каранзано.

— Кладбища здесь нет — задумчиво произнес Дима — да и не стали бы короля на кладбище хоронить. Знатных особ хоронили у алтаря, или в нефах. Ну, а если церковь имела склеп, стало быть, он лежит именно там.

Осторожный Каранзано предложил не торопиться с раскопками, а немного порыбачить и оглядеться на местности. Дима и Сергей-Вован целиком и полностью с ним согласились. Чтобы не вызывать подозрений у случайных свидетелей и вполне вероятных соглядатаев, первые два дня они полностью посвятили рыбалке.

Пограничная территория жила своей, незаметной для постороннего взгляда жизнью. Два раза в день с севера на юг над ними пролетал вертолет турецкой береговой охраны, по дороге, что шла вдоль канала, изредка проезжали машины, а по воде проскакивали рыбацкие лодки. Рыбаки-туристы были здесь явлением редким, но не уникальным, поэтому никто на них внимания особо не обращал. Правда, на второй день появились пограничники, с которыми разговаривал Каранзано. Не усмотрев в действиях заезжих итальянцев ничего подозрительного, и приняв от них в подарок двух здоровенных судаков, они ограничились проверкой документов и беглым осмотром лодки.

На третий день все втроем, сгорая от нетерпения, поднялись на холм.

— Раскопки не катят, однозначно — сделал вывод Сергей-Вован, после того, как внимательно обследовал фундаменты и попробовал подцепить их ломом в нескольких местах.

— Перевернуть мы здесь все это конечно, можем, но тогда уж точно вся окрестная полиция и пограничники наши. В лучшем случае, примут за черных археологов. Откупиться не проблема, но шуму будет достаточно, чтобы нас обнаружили люди из МЭО — добавил Каранзано.

— Ну, тогда есть два варианта, — профессионально высказался Дима, — либо по ночам рыть боковой шурф под церковь, либо поискать подземный ход.

— Ход обнаружить практически невозможно, — отозвался Каранзано, тоже неплохо подкованный в этих вопросах, — восемьсот лет прошло.

— В любом случае, — задумчиво ответил Дима, — начинать нужно с поисков хода. И если он был сделан здесь, на открытой местности, где выход ничем особо не замаскируешь, то вывели его определенно в колодец. Так что его давайте и попробуем поискать. Это намного проще.

Разбив холм и его подножие на условные квадраты, все втроем занялись тщательным осмотром.

Глубокий колодец, как ни странно, даже не засыпанный, обнаружился на второй день в двух десятках метров от развалин. Прихваченное с собой альпинистское снаряжение оказалось как раз кстати. Дождавшись темноты, они приладили сверху надежное бревно, привязали к нему трос, и подготовили страховку. Как самый легкий из всех, и самый спортивный, первым вниз отправился Дима.

Сергей-Вован, придерживая ручищами страховку, стал медленно отпускать трос. Дима, перед тем как опуститься во мрак неизвестности, прикоснулся левой рукой к медальону на груди, как он это обычно делал перед сложными погружениями.

Он спускался вниз, отталкиваясь ногами от шершавой каменной стены, и внимательно

разглядывал все вокруг, подсвечивая себе фонариком. Когда до маслянисто поблескивающей под ногами воды оставалось не больше полуметра, луч фонаря провалился в широкий ход, который вел куда-то в сторону.

Сердце его забило сильнее. Неужели все правильно рассчитал? Нет. Рано радоваться. И уж тем более не нужно спешить и суесться. Дайвинг приучает к тому, что даже в самых экстремальных ситуациях ни в коем случае нельзя совершать резких движений. При помощи компаса он отметил направление хода, и крикнул Сергей-Вовану, чтобы тот его поднимал вверх. Когда взятый в колодце азимут указал точно на развалины, стало ясно, что их поиски вступили в следующую фазу.

Нарочито небрежно, словно иного исхода он и не предполагал, Дима поделился своим открытием с компаньонами, немного передохнул и под уважительное бурчание Франческо и забористый мат Сергей-Вована, отправился на «второе погружение».

Так как теперь ему предстояло забраться в подземный ход, который, по большому счету, мог таить в себе любые неожиданности, Франческо приготовился к тому, чтобы в любой момент последовать на выручку, а Дима пристегнул к поясу сигнальный леер. Два рывка обозначали, что у него все в порядке, три рывка — тревога.

Франческо сидел на краю колодца, свесив вниз ноги, а Сергей-Вован придерживал разматывающийся леер, чтобы тот не запутывался и отвечал периодически на контрольные рывки.

Примерно через полчаса, Дима подал условный сигнал к возвращению, и скоро Франческо с Сергей-Вованом услышали в глубине колодца жизнерадостное сопение.

— Внутри не склеп, а большое подземелье, в нем несколько помещений, — стал рассказывать Дима, выбравшись на поверхность и стряхивая с себя мелкую, въедливую пыль веков, — подземелье тамплиерское, кругом их кресты. Впрочем, поглядим все на видео, я там снимал по ходу дела. Только вот завтра начнем с того, что поищем центральный вход. Каждый раз пробираться через колодец смысла нет, потеря времени, да и опасно.

Они уничтожили все следы своей деятельности, и усталые, но довольные, отправились спать, в предвкушении того, какие сюрпризы и открытия им готовит завтрашний день. В камышах отрывисто кричала неведомая болотная птица.

Они прибыли в Андравиду как полагается по правилам, за четыре дня до турнира. Население махайской столицы и окрестных селений выстроилось вдоль дороги, чтобы посмотреть на великолепное зрелище.

Первым в городские ворота вошел размеренным шагом боевой конь герцога де ла Рош. Его парадную попону украшали герцогские гербы, а над головой высоко вздымался пышный султан из страусовых перьев. Правил конем крохотный мальчик-паж в расшитой золотом ливрее. Таким же манером в город входили и боевые кони герцогских вассалов. Вслед за конями двигались, играя на ходу, музыканты, а за ними герольды. Далее скакали рыцари на походных конях. Они ехали по два в ряд, в сопровождении оруженосцев, которые несли на поднятых вверх копьях флаги с гербами своих господ. За рыцарями двигались сеньоры, которые не имели рыцарского звания, а замыкали процессию женщины и обоз.

Дмитрий, отвечая на восторженные приветствия толпы, думал о своем. «Права была Анна — рассуждал он, припоминая их последний разговор — это не пир во время чумы, как мне думалось сначала. Нобилям Мореи нужно показать своим подданным, что последнее латинское государство Греции полно сил. К тому же это позволит подтвердить славу первого по куртуазности двора Европы».

Церемониальный въезд в столицу был завершен, и прибывшие господа стали размещаться на постой. Благодаря пронырливости Ставраоса, они разместились не в тесноте одного из трех постоянных дворов, переполненных по случаю турнира, а заняли половину верхнего этажа и чердак в добротном двухэтажном особняке. Дом этот стоял на главной городской улице, у самой площади, и принадлежал богатому еврею-выкресту, который торговал шелковыми тканями.

Хозяин, лавка которого находилась на первом этаже, радостно принял гостей и назначил за постой божескую цену «из уважения к господину Ставраосу». После того, как господа, слуги и кони распределились по местам, а в окне дома была вывешена вышитая Анной гербовая накидка шевалье де Вази, Дмитрий оставил всех отдыхать и готовиться к завтрашнему дню, а сам отправился в замок князя, где его ждал герцог.

В свите де ла Роша он провел все время до ужина, который князь Виллардуэн давал в большом зале. После ужина состоялись танцы, вскоре прерванные криками: «Слушайте! Слушайте! Слушайте!». На середину зала вышел церемониальным шагом герольдмейстер и торжественно произнес: «Высокие и могущественные принцы, герцоги, графы, бароны, сеньоры, рыцари и дворяне с оружием. Я объявляю Вам от имени моих сеньоров-судей, что каждый из Вас должен принести свой шлем с навершием, который Вы намерены надеть на турнире, и Ваше знамя, в полдень на постоянный двор судей, чтобы судьи в час дня, могли установить их для того, чтобы дамы пришли посмотреть на них и высказать свое мнение судьям. А завтра для Вас нет ничего другого, кроме танцев после ужина, как и сегодня». На этом, по традиции, прием завершился.

Весь следующий день прошел в подготовительных хлопотах. После того, как шлемы были отвезены на осмотр, Дмитрий и Хакенсборн оглядели ристалище, которое было оборудовано, как того требовали правила: места для зрителей отгорожены от поля двойным барьером, внутри которого должны располагаться оруженосцы и слуги. Несколько отдельных трибун с навесами

предназначались для самых знатных владетелей, о чем свидетельствовали загодя вывешенные на перилах гербы.

После обеда по улицам города прошли герольды, крича перед постоянными дворами и домами, на которых были вывешены гербы: «К чести, господа рыцари и дворяне! К чести! К чести!»

Участники турнира с оружием, но без доспехов и копий, прибыли на ристалище для клятвы. Судейский герольд выехал на поле и произнес: «Высокие и могущественные принцы, сеньоры, бароны, рыцари и дворяне. Каждый из вас, поднимите, пожалуйста, вверх Вашу правую руку, по направлению к небесам, и все вместе поклянитесь верой, Вашей жизнью и Вашей честью, что Вы никого на этом турнире не будете умышленно поражать острием вашего меча, или ниже пояса, и что никто из Вас не начнет нападать на другого, пока это не будет дозволено, а также, если чей-нибудь шлем свалится, то никто не прикоснется к этому рыцарю, пока он не наденет его обратно. И Вы согласны с тем, что если Вы умышленно сделаете обратное, то Вы потеряете свое оружие и коней и будете изгнаны с турнира. Также судьи везде и во всем наблюдают за порядком, и они могут карать все нарушения без разбора, и в этом Вы клянетесь верой, жизнью и честью».

Все рыцари — а собралось их на турнир не меньше сотни — подняли правую руку вверх и громогласно отвечали: «Да»!

Вечер пятницы также завершился ужином и танцами, где Дмитрию требовалось изображать из себя свиту герцога, и не было ни малейшей возможности побыть с Анной.

Оба вечера, которые он провел во дворце, Дмитрию удавалось избежать встречи с де Ту, но покидая замок, он столкнулся с ним в узком проходе лицом к лицу. Делать вид, что они не замечают друг друга, было глупо. После обмена холодными кивками, де Ту высокомерно обратился к Дмитрию:

— Шевалье, хочу поставить вас в известность, что я объявил во всеуслышанье баронессу де ла Рош своей дамой сердца, и все свои победы на завтрашнем ристалище посвящаю ей, о чем и заявлю перед боем!

— А известно ли вам, шевалье, — вложив в свой голос весь доступный ему сарказм, ответил вопросом на вопрос Дмитрий, — что месяц назад мы с Анной были помолвлены?

— Нет, сир, — лицо де Ту выразило вначале возмущение, потом безмерное удивление, на смену которому пришло отчаяние — но ведь князь сказал, что мой брак с Анной — дело решенное между ним и герцогом, а всему помехой неосторожные обещания, которые Ги де ла Рош вам дал против ее воли исключительно из благодарности за ее спасение.

— Я не знаю, друг мой, в чем тут дело, — не менее удивленно ответил Дмитрий, — мы не делали широкой огласки, но ведь почти всем в Морее известно о нашей помолвке. Мы с Анной давно любим друг друга, и князь Виллардуэн не мог об этом не знать. Уверяю вас, шевалье, что получить согласие герцога на брак с Анной в сложившихся обстоятельствах для вас невозможно.

— Сударь, — голос де Ту дрожал, — я полюбил Анну с того самого дня, когда увидел ее впервые. Я был уверен в том, что после турнира мы с ней обвенчаемся. Вы отбираете у меня надежду в самый последний миг.

— Тот, кто внушил ее вам, мой друг, — голос Дмитрия выражал усталость и печаль, — прежде всего, хотел нанести удар по мне и герцогу, а вас использовал как орудие для интриг. Известна ли вам роль шевалье де Карраса и барона Жоффруа де Каритена в событиях прошлой войны?

Дмитрий в нескольких словах изложил де Ту обстоятельства сопутствовавшие битве при Велигости.

— Я не знал об этом шевалье, — в глазах де Ту читалось прозрение. С них словно спадала пелена, — я при дворе князя человек новый, и многое из происходящего мне не было до конца понятно. Теперь эта история, да и ваш отъезд от двора князя, который был вызван, как мне объяснили, неким неблаговидным поступком, для меня разъяснились. Но поймите и вы — что отказ от своих слов перед самым турниром покроет мое имя бесчестьем.

— Объявляйте даму, шевалье и будем биться, — протягивая руку, улыбнулся Дмитрий — Бог рассудит нас с вами, и я не желаю, чтобы ваша неосведомленность и наветы стали причиной вашего позора.

— Ну что же, — помолчав немного произнес де Ту, и протянул свою руку в ответ, — завтра мы встретимся в поединке, но это будет честный бой. И как бы он не закончился, мы навсегда останемся друзьями. И биться мы будем не для того, чтобы разрушить ваше счастье, шевалье, а за рыцарскую честь.

С этими словами Дмитрий и де Ту тепло распрощались, и отправились каждый в свою сторону. На душе у шевалье де Вази было легко — ведь теперь не Анна была поводом для схватки. Он ждал с нетерпением начала турнира.

* * *

Дмитрий проснулся перед самым рассветом. Вслед за ним поднялись чутко спящие ле Бон и Хакенсборн. Они начали расталкивать оруженосцев и слуг, и вскоре весь дом наполнился приглушенным гомоном. К ужасу Ставроса, который «решительно не мог взять в толк, как это высокочтимый господин рыцарь собирается биться на голодный желудок, в то время как повар полночи жарил фазанов, а он, Ставрос, глаз не сомкнул, за ним наблюдая, чтобы тот не украл чего да не испортил», он отказался от завтрака, ограничившись стаканом родниковой воды.

Они занимались осмотром и окончательной подгонкой снаряжения, в то время как с улицы во двор донеслись крики герольдов: «Надевайте, надевайте Ваши шлемы, надевайте Ваши шлемы, господа рыцари и дворяне, надевайте, надевайте, надевайте Ваши шлемы и выходите со своими знаменами, чтобы стать под стяг вашего предводителя!»

Дмитрий надел панцирь и наплечники, с помощью слуг затянул броню, и приторочил к седлу большой шлем. Двое слуг под руководством Хакенсборна приладили коню хаурт. Он представлял собой нечто вроде фартука из грубой тяжелой ткани, подбитого соломой, который крепился на валик, надетый коню на грудь для защиты от ударов.

Отряд Дмитрия выехал со двора и присоединился к свите герцога. Все вместе они направились к ристалищу. Места для простолюдинов были забиты так, что яблоку негде было упасть. На трибунах пестрели наряды благородных дам, и владетельных сеньоров. Барьеры радовали глаз яркими красками, а множество флагов и вымпелов трепетало под порывами ветра.

После того, как первые трубы возвестили о начале торжественного выезда, рыцари и оруженосцы забрались в седла, и построились согласно ранее определенному порядку.

Вначале, под одобрительные возгласы, через ворота на поле выехали зачинщики — ахайцы с принцем Виллардуэном во главе. Они появились под музыку трубачей, с вымпелами на копьях, и князь, обращаясь к трибунам, произнес: «Мои славные и доблестные рыцари и гости! Я, как зачинщик, представляю Вам со всем благородным баронством, и готов начать турнир, назначенный на сегодня с моим доблестнейшим другом и вассалом, герцогом Афинским и его благородным баронством. Просим Вас, если Вам угодно, подготовить место, дабы осуществить это так, чтобы дамы, которые присутствуют, могли видеть зрелище».

Герольдмейстер, который расположился на судейской трибуне, поднялся со своего места и

громко отвечал: «Высочайший и владетельнейший князь и мой доблестный сеньор, мои господа судьи, присутствующие здесь! Вы слышали и поняли все, Ваше присутствие весьма приветствуется, и понимается, как большая и высокая честь и желание к победе в Вас и Ваших баронах. По этой причине турнир и объявили за несколько дней раньше, так что это позволило прибыть в нужное время и с радостью, и назначили место для Вас на правой стороне внутри ристалища, и Вы, ради Бога, можете въезжать, когда пожелаете».

После этого выехал вперед сержант-знаменосец с вымпелом князя. Ворота ристалища широко распахнулись и под звуки вновь оживших труб на поле въехали ахайские рыцари. Их слуги издавали громкие крики, а сами они, поднимая в воздухе мечи и булавы, совершали ими угрожающие движения, чем привели толпу простолюдинов в полное иступление.

Ги де ла Рош — человек-гора, на своем огромном черном жеребце, выехал на другую половину поля, и произнес ответную речь сеньора защитника. Афинские рыцари, а среди них и Дмитрий, также грозно выехали к барьерам по команде герольдмейстера. У четырех концов натянутых веревок ожидали четверо слуг в кафтанах с большими плотницкими топорами.

И снова зазвучали трубы, и воцарилась тишина. И в наступившей тишине герольдмейстер торжественно произнес: «Готовьтесь резать веревки, готовьтесь резать веревки, готовьтесь резать веревки, Вы, которым поручено это. Затем бросайтесь в битву и делайте все, на что способны».

И пока рыцари выстраивались друг напротив друга, надевали шлемы, и принимали от оруженосцев копыя, он сделал последнее объявление: «Слушайте! Слушайте! Слушайте! Мои господа судьи просят, чтобы никто из Вас, благородных участников турнира, не ударял другого ни острием или лезвием меча, ни ниже пояса, как Вы поклялись, не нападал, пока это не будет разрешено; а также, чтобы никто из Вас не атаковал того, чей шлем упал, пока он не наденет его снова, а также, чтобы никто не нападал ни на кого числом большим, чем один, если только это не тот, кто за свои проступки оставлен один для этого. В дополнение, я советую Вам, когда трубачи сыграют отступление и барьеры откроют, если Вы останетесь дольше на ристалище, вы не выиграете приз».

После этого герольдмейстер повернулся к судьям, получил ото всех четырех одобрителный кивок головы, и набрав побольше воздуха произнес: «Режьте веревки и начинайте сражение, когда пожелаете!»

Сразу же после этого четыре топора одновременно опустились с глухим стуком на деревянные плахи, веревки барьера упали на утрамбованную землю, и две конных массы начали двигаться навстречу друг другу. Началась первая часть турнира — общая схватка, или ристалище.

Герцог и князь, как было договорено заранее, лишь коснулись щитов друг друга наконечниками копий, и сразу же после этого вышли из боя. Остальные рыцари сшиблись на полном скаку. Почти половина из них вылетела из седел, и с грохотом обрушилась на землю. Слуги и оруженосцы кинулись при помощи длинных шестов поднимать тех, кто не смог встать на ноги без посторонней помощи. Покалеченных и потерявших сознание оттягивали в сторону, а оставшиеся в бою — конные с конными, пешие с пешими, сражались на мечах.

Дмитрий не зря провел время на тренировочном поле. Поэтому он без особого труда вышиб из седла противника, толком не разглядев герба на щите, и работая мечом, вертел головой в надежде обнаружить поблизости де Ту. Но все последние дни на Пелопонессе стояла сухая погода, над ристалищем поднялась густая пыль, так что разглядеть что-либо дальше, чем на пару локтей, не представлялось возможным.

Постепенно афиняне, которых осталось в седле намного больше, чем противников, выдавливали ахайцев с поля. Ахайцы отступили, но сумели перегруппироваться и ринулись в

контратаку. Вскоре пешие и конные вновь утонули в пыли общей свалки. Сражение затянулось, рыцари в тяжелых латах стали терять силы и через некоторое время ристалище переросло в топтание на месте и обмен несильными ударами.

С согласия всех четырех судей герольдмейстер дал команду трубачам играть «к отступлению». Оставшиеся на поле участники сражения начали под одобрительные крики с трибун медленно расходиться. Поднятый флаг показал зрителям, что общее сражение, по мнению судей, выиграли вассалы герцога де ла Рош.

После того, как поле опустело, герольдмейстер посоветовался с судьями и спросил: «Есть ли среди тех, благородных рыцарей, тех, кто удержался в седле, такие, которые согласны принять участие в джостре? Если есть такие, пусть выйдут они на поле!».

Дмитрий не имел ни малейшего желания участвовать в этой забаве, но пожелание герцога было для него законом, так что если со стороны противника никто не выступит зачинщиком, то это придется сделать именно ему.

Князь Гийом, который наблюдал за сражением со своей трибуны, жаждал реванша после поражения его рыцарей на ристалище. По его знаку несколько ахайцев, среди которых был и де Ту, приблизились к Виллардуэну. Тот подошел к барьеру, и долго им что-то втолковывал. Дмитрий видел как де Ту, к которому в основном обращался князь, вначале отрицательно мотал головой, но потом поддался на уговоры, коротко кивнул, и отъехал в сторону ворот.

Князь взмахом руки подозвал к себе герольдмейстера, переговорил с ним, после чего тот совершил несколько челночных движений между судьями, принцем и трибуной герцога, и произнес: «Слушайте! Слушайте! Слушайте! Три рыцаря благородного князя Ахайского и три рыцаря благородного герцога Афинского выразили желание сойтись в поединке. Мало того, благородный рыцарь, герой войны, шевалье де Ту, желает сразиться в честь прекрасной дамы, баронессы де ла Рош, и вызывает на главный поединок любого, кто пожелает! И если таковые желающие найдутся, то пусть выйдут они на поле!».

Кипя от негодования, и проклиная про себя коварного и мстительного князя, Дмитрий прищипорил Мистраля, и под одобрительные крики толпы шагом выехал на середину поля. Как того требовал обычай, он стянул кольчужную перчатку и бросил ее в сторону де Ту. Тот поймал ее на лету, после чего оба подъехали к трибуне герцога, подняли забрала и вытащив из ножен мечи, отсалютовали Анне. Баронесса сидела рядом с герцогом вся пунцовая от возмущения, и Дмитрию казалось, что если бы не придерживавший ее за руку дядя, то его невеста немедленно вскочила бы со своего места, и вцепилась в глотку де Ту, который, как она выразилась вчера вечером: «Лез совершенно не в свое дело».

Дмитрий отдавал себе отчет, что поражение в поединке одновременно порадовало бы князя, и отложило бы свадьбу на неопределенный срок. Но он, как опытный солдат, не стал тратить драгоценные минуты подготовки на бесполезные переживания, а отправился к группе своих приближенных, чтобы использовать оставшееся время с наибольшей пользой. Он тщательно, пядь за пядью, проверил и взвесил в руках копье, убедился, что подковы у Мистраля держатся прочно, заставил слуг перетянуть подпругу, и присел на деревянный чурбак в тени навеса, чтобы немного расслабиться и передохнуть.

Передышка завершилась после двух поединков. В одном из них судьи признали победителем афинца, который попал противнику точно в плечо, а две победы досталось ахайцам, что как бы уравнивало поражение на ристалище. Так что теперь от их поединка с де Ту зависел общий итог турнира.

Под звуки труб Дмитрий надел шлем и выехал на поле. Сквозь узкую прорезь он видел лишь де Ту на противоположном конце ристалища. Герольдмейстер что-то неразборчиво прокричал и они, наставив копья, начали разгоняться навстречу друг другу. Из-под тяжелого

шлема слышались лишь глухие удары копыт. Дмитрий позволил опытному коню самому выбирать скорость и направление, и полностью сосредоточился на своей посадке и копье.

До столкновения оставалось несколько ярдов. Конь перешел на крупную рысь, и возбужденно храпел. Фигура противника, закованного в вороненые доспехи, росла с каждым мигом. Дмитрий оценивал, куда направлен затупленный наконечник копья де Ту, и одновременно старался удерживать свое копье таким образом, чтобы оно попало противнику в шлем.

Вдруг он ощутил подбородком, как лопается кожаный ремешок, и его большой турнирный шлем на всем скаку слетает с головы. В лицо сразу же ударили порывы ветра, мир наполнился звуками, а со зрительских скамей раздался единый возглас удивления. Именно эти неожиданные крики, к которым Дмитрий не был готов, и отвлекли его на несколько мгновений, которых хватило на то, чтобы на всю оставшуюся жизнь запомнить, как де Ту, словно отражение в огромном венецианском зеркале, тоже теряет свой шлем, но как того требуют правила джестры, поднимает копье вверх, и откидывается в седле, а флажок с гербом Вази на затупленном конце копья Дмитрия медленно приближается к его лицу, и со всего маху влетает в него, вмиг превращая благородные черты славного потомка знаменитых тамплиеров в кровавое месиво. Дмитрий выпустил из непослушных рук копье, и промчался мимо противника, краем глаза отмечая как тот безжизненной куклой валится с коня.

Осаживая Мистраля на полном скаку, он бросил взгляд на трибуну и успел заметить ненавидящий взгляд князя, удивленный — герцога и полные испуга, широко раскрытые глаза Анны.

То, как выносили с поля тело, как к нему, спешившемуся, подошли помощники герольда и два ахайских пристава, как они что-то ему объявляли, забирали меч, и он шел вместе с ними к трибуне князя, где ему объявляли об аресте и предстоящем суде за бесчестный поступок и нарушение турнирного кодекса, он воспринимал так, как будто это происходило с кем-то другим.

Утро он встретил в темнице.

Дефо распорядился, чтобы захваченных украинских археологов до его прибытия ни в коем случае не подвергали медикаментозному допросу, а просто изолировали на те несколько часов, которые ему требовались, чтобы прилететь из Пиренеев.

Синклер ждал доклада, времени до начала конференции было в обрез, так что все решения Дефо должен был принять до утра. Лететь в Грецию напрямую было нежелательно, так как появление самолета с эмблемами МЭО могло вызвать повышенный интерес, и повредить операции. Дефо не был сибаритом, к личному комфорту относился спокойно, и как он делал в подобных случаях, воспользовался обычным пассажирским рейсом. Ближайшим по времени оказался самолет, который отправлялся в Афины из Бухареста, куда его и доставили на штабном «Гольфстриме».

В афинском аэропорту его, согласно правилам организации, встретил помощник регионального резидента, который обеспечил все, что было необходимо, и меньше чем за час доставил Шарля-Анри к месту, где содержались пленники.

Этим местом оказался огромный амбар в селении Васти, такой обветшалый, что казалось, что он стоит тут еще с Рождества Христова. Амбар арендовали у деревенской общины «для хранения съемочной аппаратуры». Внутрь загнали джип, машину украинцев, и микроавтобус группы захвата. Не успел Дефо открыть дверцу, как к нему подскочил с докладом командир группы.

— Господин президент! — отдав честь, отрапортовал он — операцию провели чисто. Взяли ночью во сне. Доставили сюда вместе с транспортом и всем имуществом. Но эти, по сравнению с миланской группой, не профессионалы. Трое по документам и внешнему виду самые обычные ученые. Двое похожи на оперативников, но самого низкого уровня, и даже без начальной подготовки.

— Артефакты при них какие-нибудь нашли? — выслушав до конца доклад, спросил Дефо.

— Мы получили команду в вещах до вашего прибытия не рыться — ответил командир, — кроме того, вот этот, — он указал на одного из пяти крепко связанных украинцев, — после захвата все время что-то хотел сказать. Но мы, как и было приказано, просто связали их и ждали вашего прибытия.

— Кого они видели в лицо? — спросил Дефо старшего группы.

— Меня и еще пару человек — ответил тот.

— Они могут на пару недель пропасть из виду?

— Пожалуй, нет. Рискованно. Министерство и полиция быстро поднимут шум.

— Контактных на месте у них много?

— Рабочих они не нанимали. Держались особняком, жили в палатке.

Дефо нахмурил лоб. Количество случайных людей, которых приходилось устранять в ходе операции, росло.

— После того, как я завершу допрос, — начал он отдавать в своей обычной манере резкие, лаконичные распоряжения, — всех пятерых усыпить и деактивировать по схеме «автокатастрофа». Проследите, чтобы на месте их лагеря ничего не осталось, как будто они рано утром снялись с места.

— Слушаюсь, господин президент.

— А теперь распечатайте рот тому, кто хотел поговорить.

Молодого человек оттащили в дальний угол амбара. Как только он получил возможность говорить, он стал называть цифры, словно от этого зависело его спасение.

— Тридцать восемь, ноль сорок четыре, — заученно произнес он, называя код Украины, код Киева, и семь цифр телефонного номера, — позвоните туда. С вами хотят договориться.

Дефо никак не отреагировав на его слова, движением руки приказал заткнуть ему рот и вернуть на место.

— Теперь, — сказал он задумчиво, — я хочу поговорить со старшим.

Плотно стянутого скотчем Охрименко принесли, и поставили у стены напротив Дефо. С его головы стащили плотный матерчатый мешок и резким движением сорвали липкую ленту, которая закрывала рот.

После многочасового пребывания в связанном виде, Охрименко выглядел словно попавший в грозу воробей. Как понял Дефо, лишь заглянув в его глаза, этим старым человеком овладело одно единственное чувство — животный страх.

— Do you speak English? — просил Дефо, четко выговаривая слова.

— Да, немного — тяжело дыша, ответил Охрименко по-английски.

— Что вы нашли? — голос Дефо был совершенно бесцветным, — отвечайте четко, говорите правду.

— О, да, — ответил тот, словно только того и ждал, мы там нашли мраморный саркофаг, а в нем останки... — при этих словах Дефо движением ладони заставил его замолчать, а следующим жестом распорядился, чтобы все кто стоял рядом, отошли подальше.

Он несколько минут побеседовал с профессором один на один, после чего кивнул тому головой и, двигаясь к выходу и доставая телефон, дал распоряжение командиру:

— Исполнять. Ни слова с объектами до завершения акции. Здесь чтобы через полчаса никого не было.

— Слушаюсь, господин президент — ответил тот.

В полумраке амбара замелькали тени оперативников.

Дефо вышел на улицу, и включив скремблер, начал вышагивать по двору, разговаривая по телефону. Он говорил вполголоса, так чтобы содержание беседы не могли подслушать.

— Господин Синклер, я уточнил все по их находкам. У нас есть контакт на заказчика с той стороны. Через шесть часов я прибуду к вам с докладом.

— Отлично, мой дорогой, — раздался в наушнике голос, обезличенный и искаженный многократными цифровыми преобразованиями, — жду тебя, и надеюсь, что ты нас в конце концов порадуешь. Я думаю, что мы пойдем на контакт с украинцами.

И еще, сир, — голос Дефо потерял привычную уверенность, — не кажется ли вам, что в ходе операции и так погибло слишком много гражданских? Эти археологи — судя по всему, совершенно посторонние люди, которых наняли для выполнения непонятной для них работы. Может быть, я подержу их некоторое время на своей базе, а потом выпущу?

— И будешь рисковать всей операцией, переправляя их через всю Европу? — ехидные нотки в голосе главы организационного комитета ухитрились просочиться даже через скремблер, — нет уж, для нас сейчас главное — конференция, и ее результаты. Прилетай ко мне, и все обсудим на месте, а о том, чтобы мы установили контакт, позабочусь я лично.

Все дела в Греции были завершены, и Дефо первым подходящим рейсом вылетел из Афин, на сей раз в Берлин, где его ожидал вертолет, принадлежащий МЭО.

Просмотрев съемки, которые Дима сделал внутри подземелья, компаньоны выработали план действий, и начали приводить его в исполнение. На сей раз, проникнуть внутрь через подземный ход должен был, как самый сильный, Сергей-Вован.

После того как бывший борец, пыхтя и ругаясь, исчез под землей, Франческо остался на страховке у колодца, а Дима зашагал в сторону развалин, чтобы помочь снаружи разобрать вход.

Через сорок две минуты по таймеру Диминой «Омеги», из-под земли раздался глухой стук. Как он и предполагал, вход обнаружился на месте бывшего алтаря. Дима подозвал Франческо, и они при помощи лопат, быстро освободили от земли и мелких камней участок фундамента. Под слоем земли и мусора обнаружился каменный люк с проржавевшим насквозь большим железным кольцом, которое от первого же прикосновения рассыпалось в прах.

После условленного стука, люк стал рывками подниматься вверх. Они подцепили его ломами, и вывернули наружу. Из проема появилась всклокоченная голова Сергей-Вована.

— Хитро забаррикадировались твои монахи, — прохрипел он, выбираясь наружу, — без бутылки точно хрен разберешься. Там две балки так сделаны, что если изнутри запор не отодвинуть, то снаружи люк и подъемным краном не вытянешь.

Дима молча отодвинул компаньона в сторону, и, включив фонарик, стал спускаться вниз по каменным ступенькам.

Он представлял себе план подземелья, поэтому, не размениваясь на мелочи, стал по очереди исследовать все помещения, пытаясь в первую очередь обнаружить склеп. Это оказалось несложно. Комната с четырьмя саркофагами находилась за истлевшей деревянной дверью прямо напротив входа. Первый же взгляд, брошенный на надгробия, убедил, что они нашли то, что искали.

Мраморная надгробная статуя изображала пожилого человека с аккуратно подстриженной бородой. Его голову венчала корона, а руки сжимали длинный меч. Сделав несколько снимков места, где нашел свой приют достославный король Бонифаций, Дима тяжело вздохнул, и крикнул Сергей-Вовану, чтобы тот шел к нему с двумя ломами. Диме всегда претило гробокопательство, он относился с отвращением к ковырянию в могилах, но что поделать — ведь если разобраться, то археология по большей части и состояла из осквернения могил.

Сергей-Вован в отличие от Димы не проявил по отношению к склепу ни малейшей щепетильности. Уяснив задачу, он оглядел мраморную со всех сторон плиту и радостно сообщил, что она ничем не закреплена. Затем бывший бандит аккуратно вставил лом плоским концом в щель, затолкал поглубже, и начал раскачивать взад-вперед. Надгробие стало понемногу сдвигаться. С плиты посыпалась земля, пыль закружилась в лучах фонарей, и им открылась внутренность саркофага.

Дима направил луч внутрь, и разглядел сначала костяк, а затем, на том месте, где по логике должна была бы находиться голова, какой-то просмоленный сверток.

— Кажется, нашли — произнес он шепотом, который гулко прошелестел по подземелью. У него за спиной так же шепотом восхищенно матерился Сергей-Вован.

Дима натянул на руки резиновые перчатки, и осторожно вытянул сверток наружу. Это была холстина, насквозь пропитанная смолой с чем-то тяжелым и твердым внутри. Упаковав находку в толстый кусок черного полиэтилена, и плотно замотав его изоляционной лентой, они, заперли

и замаскировали вход, оставив внутри Сергей-Вована. После того, как он выбрался обратно через колодец, дрожащие от нетерпения компаньоны, тщательно упрятав в лодке драгоценную добычу, свернули лагерь и рванули в сторону деревни, чтобы разобраться с находкой свертка в спокойной обстановке.

Дверь в одиночную камеру отворилась, и на пороге возник пыхтящий от натуги Ставрос, который еле удерживал обеими руками внушительную корзину, доверху наполненную разнообразной снедью.

Со вздохом поглядев на господина, который никак не отреагировал на его появление, он опустил корзину на земляной пол, разложил на свободном краю грубой деревянной лежанки сияющую белизной батистовую салфетку, и начал хлопотливо выкладывать на нее принесенные вкусоности.

— Бедолагу господина Тибо позавчера похоронили, сир! — по ходу дела рассказывал он, не обращая внимания на то, что Дмитрий не обращает на него никакого внимания, — город гудит, как рассерженный улей. Нет, никто, конечно, не верит, что вы нарочно не отвели копье, но вот его высочество князь, как поведали мне его слуги, слишком уж сердит на вас с тех самых пор. Он хочет устроить баронский суд и вас, мой господин, чуть не на смерть осудить. Виданное ли дело!

— Я и достоин смерти, — все также, глядя на стену, с влажным заплесневелым пятном, произнес Дмитрий, — я убил друга, и подвел всех — герцога, Анну, своих рыцарей.

— Вот вы о чем печалитесь господин, — голос Ставроса понизился, и он перешел на свистящий шепот, — только вот что я вам скажу. Ремешок-то на вашем шлеме подрезанным оказался. Потом вспомнили, как вокруг нас двое слуг барона Каритены крутились, да что теперь докажешь. Мало того, господин, — Ставрос зашептал в самое ухо Дмитрию, — я, после того как вас в темницу отвели, времени не терял, а увидев, что дело нечисто, кинулся к слугам несчастного господина де Ту. И один из них, тот, что собирал его доспехи с ристалища, мне признался за пять ливров, что на ремешке шлема его сеньора тоже были надрезы, да такие что и не разглядишь, если не присмотришься! А на следующее утро этого слугу нашли под высокой скалой мертвого, со сломанным позвоночником. А все имущество погибшего де Ту, так как он не имел наследников, опять же достались его сюзерену, барону Жоффруа. А ваш большой шлем со следами преступления, хоть я его и передал господину Тамошу на сохранение, по дороге бесследно исчез. Господин Тамош его приторочил к седлу, а кто-то на людной улице взял, да и срезал.

При этих словах Дмитрий наконец-то прекратил пялиться в покрытую мокрицами стену и со взглядом, полным холодной злости обратился к своему, похоже что бывшему управляющему.

— Значит, это был князь? — под его взглядом Ставрос поежился, но понемногу начал приобретать свой обычный вид. Разгневанный господин нравился ему гораздо больше, чем безразличный ко всему, — значит мы с несчастным де Ту были в равных условиях, и я мог бы погибнуть точно также как и он?

— Ну еще бы, мой господин, — привычно заверещал, воспрянув духом Ставрос, — то есть, тфу... я хочу сказать, не приведи господи конечно, чтобы это были вы. Но если рассудить, то когда бы в вас копье попало, то несчастному господину де Ту в темнице было бы во сто крат хуже. Мне пришлось отдать семь золотых иперпиров из вашей казны — три начальнику стражи, и по два охранникам, чтобы они меня сюда пустили, да и то лишь на пятый день заключения. А за бедного де Ту кто бы такие деньжищи заплатил?

Словесный поток Ставроса прервали стражники. Они ворвались в камеру и вытолкали

визжащего, словно выводок некормленных поросят, толстячка взашей, переругиваясь вполголоса и говоря, что узника с минуты на минуту посетит очень знатный господин.

Через некоторое время после того, как Ставрос и стражники покинули камеру, двери вновь отворились, и навстречу Дмитрию шагнул де Фо.

— Да, мой дорогой шевалье, — все также насмешливо, словно они все еще были в подземелье мосинопольского командорства, произнес он, — вот уж и в мыслях не имел, когда давал согласие покойному брату Леонарду впустить в константинопольский Дом беглого наемника, что не пройдет и нескольких лет, как в Морее о нем начнут рассказывать легенды.

— Здравствуйте, мессир, — поднялся с места при виде приора Дмитрий, — на месте князя, который устроил всю эту каверзу, я бы позаботился о том, чтобы продержать меня в этих стенах подольше. Потому что теперь он нажил себе смертельного врага.

— Ну, не кипятитесь, шевалье, — примирительно ответил де Фо, — Виллардуэна отчасти можно понять. Он зажат, как в тисках, между королем Неаполя и Сицилии Карлом Анжуйским и императором Михаилом Палеологом, и неизвестно, кто из них опаснее. Он старый человек, сильно болен и очень обидчив. Да и, положив руку на сердце, кто бы на его месте спустил твою прошлогоднюю выходку? А то, что действовал он топорно, это другой вопрос.

— Насколько я понял, — набычился в ответ Дмитрий, — вы, мессир, как всегда все сами устроили, и пришли ко мне исключительно для того, чтобы поставить меня в известность о моей дальнейшей судьбе.

— Смышлен, шевалье, — рассмеялся в ответ де Фо, и сразу же после этого его лицо стало непроницаемо серьезным, — тебя осудят на смерть. Но орден Храма не позволит казнить одного из братьев. Чтобы не умалять честь княжеского титула, ты будешь помилован не по вмешательству ордена, а после того, как баронесса Анна перед самой казнью публично возьмет тебя в мужа.

Дмитрий вскинул лицо в сторону тамплиера. Его глаза сверкали, а ноздри подрагивали от возмущения, как у норовистого коня.

— И вот тут, мой дорогой шевалье де Вази, — произнес де Фо, брезгливо подбирая полу плаща, и усаживаясь на край деревянной лежанки, — придется смирить гордыню, и в точности следовать моим указаниям. Интересы ордена для меня прежде всего. А во вверенном мне приорате интересы ордена — это мощь и слава Морей.

Братья-рыцари Храма, хоть и имеют здесь множество владений, но, блюдя запрет на пролитие христианской крови, не воюют с греками под знаменем князя Ахайи. Чтобы не подавать дурного примера его светским вассалам, мы не имеем права никоим образом оспаривать его монарший авторитет. К тому же, сия романтическая история существенно восстановит изрядно пошатнувшуюся славу Морей, как рыцарского государства. Виллардуэн, после нарушения вассальной присяги, данной Палеологу и несправедливости, учиненной по отношению к несчастному де Каррасу, выглядит в глазах своих подданных не лучшим образом. Репутация мудрого правителя, который помилует рыцаря по просьбе благородной дамы, ему нужна не меньше, чем тебе рука баронессы. Заезжему труверу заказана баллада о тебе, Анне, де Ту, и принце, которую после вашей свадьбы будет распевать вся Европа!

Так что успокойся, не надейся на глупостей, и дождись суда, который состоится сразу же после Пасхи. Все решено, и не тебе менять предначертанную судьбу, тем более, когда речь идет о судьбах королевств. За это орден Храма, как твой истинный защитник, в любой момент может потребовать от тебя крестоносный обет, и это будет твоей епитимьей. Теперь оставляю тебя, так как мне кажется, что я далеко не единственный, кто добился сегодня свидания.

С этими словами тамплиер покинул камеру, и на пороге появилась Анна, которая, судя по ее виду, плакала, не переставая на протяжении всех пяти дней его заключения.

За две недели, проведенные в подземелье, Дмитрий отвык от солнечного света. Оказавшись на улице, он никак не мог прийти в себя, и щурил глаза, пытаясь разглядеть, что происходит вокруг. Стражники, уперев в спину алебарды, вывели его на середину замковой площади, и как того велит закон, поставили напротив семи нобилей.

Князь Виллардуэн после смерти де Карраса, словно его проклятием, начал страдать от подагры. Он плохо держался в седле, для него, вопреки правилам, было выставлено на высоком помосте драпированное бархатом кресло, по правую и по левую сторону которого, как и положено, верхом на конях, выстроились в ряд шесть баронов, членов суда.

Прогревели трубы, прозвучал голос герольда. Седой как лунь князь Ахайский, Гийом де Виллардуэн поднялся с места и встал во весь рост. Дмитрий бросил на него исподлобья хмурый взгляд, и скрипнул зубами от ненависти.

Виллардуэн поднял руку и произнес торжественным голосом заранее отрепетированную речь.

— Я, князь Ахайский, волею Господа владетель земель морейских и сюзерен всех морейских нобилей, говорю вам, благородные сеньоры. Сегодня назначенный моим соизволением баронский суд будет решать, какое наказание мы должны применить по отношению к сиру Дмитрию Солари, шевалье де Вази, который нарушил клятву, и не отвел копье в джостре, в то время как его противник потерял шлем.

— Согласно кодексу, — произнес один из баронов, который был судьей на турнире, — сей рыцарь, как покрывший себя позором, теряет рыцарское звание, все титулы и имущество, и должен быть изгнан из страны.

— Его вина усугубляется еще и тем, — прибавил его молодой сосед, — что он лишил жизни благородного рыцаря, который сражался с ним за сердце прекрасной дамы! Не было ли тут бесчестного умысла?

— Ну, а я хочу сказать, — прибавил барон Каритены, — что сей рыцарь ко всему прочему еще и самозванец. Он взял себе имя известного рода Солари, но архиепископ Милана, к которому мы обратились за разъяснениями, ответил в письме, которое я держу перед вами, что последний из рода Солари погиб много лет назад, и никакие иные Солари ему неведомы.

Прочие участники судилища промолчали, и Виллардуэн, выдержав многозначительную паузу, подытожил:

— Таким образом, мы хоть и признаем шевалье виновным в нарушении правил турнира и преднамеренном убийстве благородного сеньора, но, учитывая ту доблесть, которую он проявил во многих сражениях, оставляем за ним все его титулы и звания, а также его имущество, и приговариваем его к смерти через усекновение головы мечом. Приговор будет немедленно приведен в исполнение.

Толпа загудела. Видимо, жители Андравида предполагали все что угодно, но только не смертную казнь.

Дмитрий, повернув голову направо, увидел стоящую в первых рядах Анну, которая нервно теребила в руках большой платок из полупрозрачного газа. Именно его, по древнему обычаю, она и должна, была, по замыслу де Фо накинуть Дмитрию на голову, объявляя, что берет его в мужа.

Но при появлении дюжего молодца с тяжелым мечом, более похожим на орудие мясника, чем на боевое оружие, в его сердце зародилось недоброе предчувствие. «Нет уж — подумал про себя Дмитрий — тут на слово, которое дал князь мессире, полагаться нельзя. Я, конечно, вполне

доверяю де Фо, и ценю его влияние, но лучше, чтобы князь мстил ему, да и мне, живому за нарушение договоренности, чем наоборот. Сделаю-ка я так, как мне внутренний голос подсказывает, ибо каждый в этой войне должен быть со своим оружием — политики — с пером и чернильницей, а воины — с мечом и щитом».

Он, неожиданно для всех сделал шаг вперед и, глядя прямо в глаза князю, произнес:

— Требую слова!

— Говори — только и смог ответить оторопевший князь Гийом.

— Я хочу сказать, господа бароны, и ваше высочество, — громким голосом, чтобы его было слышно даже в самых дальних уголках площади, начал он свою речь, — что шлемы потеряли мы оба — я и несчастный шевалье де Ту. Даю слово рыцаря, что причиной того, что я не успел отвести копье, был не злой умысел, и не досадная небрежность, а ошеломление и недостаток времени. Родовое имя Солярев, — он произнес его нарочито грубо, на славянский манер, — носили мои дед и отец в городе Киеве, и я никогда не настаивал на том, что имею родственные связи с достоправным миланским домом. В рыцари я был принят по закону, и по закону Морее получил рыцарский лен. Я сражался под знаменем князя в последней войне, и никто из тех, кто воевал рядом со мной, не заподозрит меня в трусости и бесчестии. Поэтому я, пользуясь своим правом, требую божьего суда! И да отметет судебный поединок все предъявленные мне сегодня обвинения!

Божий суд! Божий суд! — стала выкрикивать толпа. Потрясенные бароны съехались к креслу Виллардуэна, и начали совещаться. При этом то один, то другой на кивки князя отрицательно мотал головой. Слава о воинском умении Дмитрия давно ходила по Морее, поэтому рисковать, и драться с ним, даже после двухнедельного его сидения в темнице, не хотел никто.

В конце концов, Виллардуэн принял решение, и огласил его народу.

— Мы признаем справедливым и законным требование о божьем суде. Защитником обвиняемого будет он сам, как благородный рыцарь, способный держать оружие. Защитником от обвинителя назначается барон Жоффруа де Каритен. Поединок состоится здесь и сейчас. Соперники будут сражаться пешими на мечах, без доспехов, до первой крови, пролитой на землю. Если победит обвиняемый, то он будет полностью оправдан. Если же он проиграет, то будет немедленно казнен, и этому, как изъявлению божьей воли, ничто не сможет воспрепятствовать. При последних словах князя, находящийся в первых рядах де Фо нахмурился, а Анна побледнела и уронила платок на землю.

Барон де Каритен соскочил с коня, и вытянув из ножен меч, стал, разминаясь, размахивать им в воздухе.

«Апулийская школа — походя отметил, глядя на его выпады и удары Дмитрий, оглядываясь в поисках того, кто даст ему оружие — да еще и не особо чистая. Князь не льком шит, и все правильно рассчитал. Он думает, что я после темницы ослаб и прозеваю пару ударов. Ну что ж, посмотрим».

Пробиваясь через плотные ряды зевак, к нему пробрался Тамош, и протянул боевой меч Дмитрия. Более ему ничего не было нужно, так как единственное, чего он опасался, что и теперь коварный князь успеет организовать какую-нибудь каверзу. По команде одного из судей он и Жоффруа встали в боевую позицию.

По взмаху руки князя соперники сошлись. Де Каритен, красуясь перед толпой, попытался начать фехтовать, в надежде улучшить момент и использовать один из своих многочисленных финтов, которые и составили ему славу отменного фехтовальщика.

В отличие от барона, Дмитрий вышел не на ристалище, а на суд божий. Одним мощным ударом он отбил меч противника, и в следующий момент, легко изменив траекторию движения

отлично сбалансированного клинка, рубанул ошеломленного барона по ноге. Алая кровь обагрила пыльную площадь, а потрясенный барон, вскрикнув, как раненый заяц, рухнул на землю.

Исход молниеносного поединка если и разочаровал толпу, то никак не менял сути — раненный барон лежал на глазах владетельных сеньоров и простолюдинов, а из раны на ноге вовсю хлестала на землю кровь.

Дмитрий, отвесив в сторону князя и баронов легкий поклон, стоял рядом с поверженным противником, всем своим видом показывая, что божий суд свершился, и что он готов, если в этом возникнет необходимость, сражаться с кем угодно во имя правды и своего доброго имени.

На площади воцарилась гробовая тишина, которую нарушали лишь галочки крики. Вдруг из толпы донесся до боли знакомый писклявый голос, в котором звенели нотки гордого самодовольства: «Именно вот так, дядюшка, Хаим, мой доблестный господин врагов под Велигости и Фемиламеной повергал, пока некоторые благородные бароны, по неапольским альковам с тамошними вертихвостками воевали».

Площадь взорвалась от смеха, и даже строгие судьи-бароны с огромным трудом сдерживались, чтобы сдержать улыбку. Из всех присутствовавших не улыбались лишь Виллардуэн, и де Фо.

Князь, с перекошенным от злости лицом, торжественно провозгласил:

— Божий суд свершился!

Все перекрестились, толпа разразилась приветственными криками, Дмитрий подошел к Анне и преклонив колено смиренно обратился к своей возлюбленной: «Баронесса! Смирренно прошу вашей руки!»

После этих слов на площади началось столпотворение. Простолюдины прорвали цепь стражников и, облепив Дмитрия, изъявили бурное желание нести его на руках. Часть стражи кинулась к поверженному барону, а остальные прикрывали ретираду князя, которого вследствие последних потрясений коварная подагра прихватила настолько сильно, что он не смог передвигаться без посторонней помощи.

Не сдвинувшийся со своего места де Фо задумчиво качал головой. Трудно было сказать, чего больше было в его взгляде — удивления, осуждения или восхищения.

Присутствовавший тут же герцог де ла Рош дал несколько отрывистых команд, и его охрана вежливо, но твердо вызволила Дмитрия из рук ликующей толпы. Через несколько минут афинцы вскочили в седла, и широкой рысью двинулись в направлении резиденции герцога.

— Если вы не убьете меня сразу же по возвращении в Фивы, — тяжело дыша, обратился Дмитрий к своему сюзерену, — то позвольте нам с Анной сыграть свадьбу хотя бы после осеннего сбора урожая.

— Нет уж, — громыхнул в ответ герцог, — свадьба состоится в ближайшее воскресенье, ибо я и предполагать боюсь, в какую еще историю ты влипнешь, если будешь оставаться холостым.

Компаньоны вернулись в Эдирне и сняли там небольшой уютный домик. По мнению Сергей-Вована и Франческо, с найденным раритетом не стоило возиться в приграничной зоне.

Готовясь вскрывать сверток, Дима про себя усмехнулся. «Истинной реликвии» предстояло вновь явить себя миру в древнем Андрианополе, который с античных времен был сначала пограничным городом Римской, затем Византийской империи, а позже, с пятнадцатого века, европейской границей мусульманского и христианского мира.

Дима устроился поудобнее за столом и с соблюдением всех мер предосторожности начал разрезать скальпелем тяжелый просмоленный сверток. Разрезав холстину, он обнаружил, что сверху лежит пергаментная рукопись, которая отлично сохранилась и не требовала никакой реставрации. Дима не удержался, и осторожно начал переворачивать верхние листы. Это был написанный по-старогречески текст, озаглавленный «Диметриада». Дима, желая поскорее добраться до основного сокровища, достал из холстины следующую бандероль. Она также оказалась рукописью, на сей раз написанной по-латыни.

Франческо и Сергей-Вован, которых он заставил ждать в соседней комнате, места себе не находили от нетерпения. Франческо сидел в кресле и методично дергал перекинутой через ручку ногой, а Сергей-Вован вразвалку вышагивал по комнате взад-вперед. При этом оба курили одну сигарету за другой, так что Дима открыв дверь, оказался словно в тумане.

— Вот, слушайте — сказал он, держа в руках какой-то пожелтевший лист — это приписка к воспоминаниям Дмитрия Соларева, о его жизни, как он пишет в заглавии: «От падения Константинополя, до прощания с пленником Тенгизом». И зачитал вслух.

«Эти рукописи упрятаны мной от превратностей судьбы, ибо дальнейшее путешествие мое становится все опаснее и опаснее. Одним лишь провидением Господним я могу объяснить то, что остался жив до сего дня. Все прочие мои записки, а также некие предметы, которые вождельны для многих, оставлены в тайнике константинопольского командорства».

— Ну хрен с ним брателла — нетерпеливо пробубнил Сергей-Вован, нервно сминая сигарету в пивной банке, которую он использовал вместо пепельницы — ты нам реликвию, мля, покажи!

— Да, Дима — добавил Франческо — где Плащаница?

Дима внимательно оглядел своих компаньонов и произнес:

— Две рукописи. Это все, что было в свертке. Никакой Плащаницы там нет.

Приготовления к свадьбе проходили в такой суматохе, что все дни между окончанием суда и началом церемонии слились для Дмитрия в один непрекращающийся кошмар, который окончился лишь тогда, когда к нему, поднимая покрывало, скрывающее лицо, приблизилась у алтаря сияющая от счастья баронесса де ла Рош.

Когда они вышли из принадлежащей ордену Храма церкви святого Луки, и двинулись по дороге вверх, в сторону герцогского замка, Дмитрий, не принимавший участия в подготовке к свадебным торжествам, поразился размахом, с которым выдавал замуж свою племянницу Гийом де ла Рош, герцог Афинский.

В сгустившихся сумерках замок сиял от многочисленных факелов и масляных ламп, выставленных во все окна и бойницы. Выстроенные по обочинам крестьянские дети держали свечи, обозначая их путь колеблющейся на ветру огненной лентой.

При появлении свадебного кортежа решетка главной башни медленно поднялась. От ворот цитадели до входа во дворец, через весь внутренний двор выстроились, встречая новобрачных, нобили Афинского герцогства в парадных одеждах. Картины, более пышной Дмитрий не видел ни в Константинополе при дворе Балдуина, ни в Андравиде. Да и детские воспоминания о выездах великого князя Александра тускнели по сравнению с этим великолепием. Шелк, парча, газ, жемчуга и драгоценные камни, инкрустированное золотом оружие — все это свидетельствовало о том, что герцог и его земли находятся в зените славы и могущества.

На крыльце их ждали два юных пажа. В руках одного был герцогский вымпел. Они поклонились новобрачным и, возглавляя шествие, повели их под громкие крики толпы вверх по лестнице в зал. Под звуки музыки они, в сопровождении нобилей, держась за руки, вошли внутрь, где их ожидал герцог де ла Рош вместе с бароном де Сент-Омер и приором де Фо.

Под торжественную балладу трубадура (Дмитрий краем уха разобрал, что речь идет о том самом творении, прославляющем его и Анну, о котором ему упоминал де Фо), герцог, старательно изображая грозный вид, то есть забавно хмуря брови и топорща усы, величественным жестом подозвал их к себе, и усадил на два стула, установленные на расстеленных мехах...

Так как свадебный пир был подготовлен в Вази, то в зале столы не накрывали, а лишь выставили вдоль стен стулья и лавки. Благородные гости расселись на них, а слуги начали споро разносить подносы, заставленные бокалами с вином.

Ввиду того, что брак заключался не по договоренности, а по любви торжественную процедуру предоставления портретов других кандидатов и церемониальным отказом они опустили. Затем герцог Ги, как сюзерен, произнес наставления жениху, объяснив, что высшая добродетель жены во всем подчиняться мужу. Роль жены сюзерена выполнила миловидная баронесса де Сент-Омер, которая под смех в зале дала Анне несколько советов «по хозяйству». Завершив церемонию представления герцогу, присутствующие разошлись, чтобы подготовиться ко второму дню торжеств.

Отдохнув в покоях замка, новобрачные и гости с первыми лучами солнца отправились во владения Дмитрия. Прознав о движении свадебного кортежа, на дорогу вывалили жители всех окрестных селений.

Проезжая деревню Вази, Дмитрий, окруженный рыцарями и баронами, отвечая на

приветствия крестьян и со смехом уклоняясь от летящих в них «на счастье» крашенных зерен, заметил одиноко стоящего на обочине отца Дионисоса. Тот обмакнул кисть в ведро с освященной водой, которое держал перед ним служка, и несколько раз крест-накрест взмахнул в направлении новобрачных. Губы его шептали молитву.

В замке Вази их ждал накрытый стол. К Дмитрию, пыхтя и отдуваясь, прорвался Ставрос, чьи организаторские таланты в дни подготовки к свадебным торжествам по всеобщему мнению превысили человеческие возможности.

— Все готово, ваша милость! — запищал, он, не дожидаясь вопросов, — на столе весь вчерашний улов, рыба на все вкусы, и жареная, и вареная, а также свиные окорока, седло барашка, суфлаки на шампурах, греческая тарاما, которую так любит госпожа, самые крупные мидии, оливки, как вы велели, семи разновидностей, козий и овечий сыр, пряности все, какие только можно измыслить и купить у сарацинских купцов в Мессине. Есть еще масло в стеклянных бутылках, чтобы видно было нашим конкурентам — вашим соседям, да и покупателям, что лучшего нет в Морее. Хлеб белый, ночной выпечки, еще горячий. Вина и виноградные, и медовые и смоковые. Лимонады, оранжады — только из погреба, охлажденные. Ну и сласти, вчера приплыли из самой Акры. А от фиванской общины нечестивых иудеев, с коими мне по долгу моему многотрудному и незавидному вынуждено приходится общаться, к столу преподнесены фаршированные карпы, горная форель и форшмак. Господину Тенгизу, как исповедующему ислам, накрыт, как и приказано, особый стол без вин и свинины. И посажен он подальше от лиц, облаченных духовным саном, но неподалеку от госпожи Мелисы.

Дмитрий был ошарашен. Стараниями этого прохвоста его праздничный стол превосходил все, что он видел раньше при дворах Балдуина, де ла Роша и Виллардуэна. Судя по восторженному реву, многочисленные гости, по достоинству оценили усилия толстячка, а благодарная невеста протянула ему руку, извлекла из длинного, почти до пола, отороченного горностаем рукава, изящную кисть, и позволила ее поцеловать.

Удостоенный прилюдно привилегии, которую имели лишь благородные сеньоры, Ставрос зарделся, и кончиками губ, словно боясь разбить неосторожным движением что-то чрезвычайно хрупкое и драгоценное, приложился к руке баронессы. Было ясно, что молодая госпожа навеки завоевала его сердце, и приобрела в лице Ставроса преданнейшего слугу.

Пир завершился к утру. Многие гости от выпитого и съеденного, заснули прямо за столом, так что слугам пришлось их растаскивать по заранее приготовленным комнатам.

Дмитрий ночью не сомкнул глаз. И виною этому была не только Анна, с которой впервые за столько времени им не нужно было ничего бояться. Он справедливо опасался, что если не по приказу князя, то с его молчаливого согласия придворные лизоблюды могут организовать поджог или нападение. Да и разбойничьи шайки с близлежащих гор вполне могли, прознав о свадьбе, попробовать напасть, не без оснований считая, что ночь после пира для этого чрезвычайно удачна.

Как выяснилось, опасения были напрасны. Начальник стражи ле Бон отлично знал свое дело — на башнях бодрствовали наблюдатели, часть коней оседлана и готова к немедленному выезду, а в людской ждали арбалетчики, которым под страхом смерти было запрещено даже смотреть в сторону амфор с морейским вином, по греческому обычаю заправленным смолой.

Возвращаясь в покои, где ждала его Анна, Дмитрий увидел как дверь спальни, которую занимал Тенгиз, медленно отворяется. Он спрятался в нише, и проследил, как оттуда выскальзывает, зябко кутаясь покрывалом, растрепанная Мелиса.

Анна не спала.

— Милый, оставь заботы на сегодня, — сказала она, опершись на локоть и проводя рукой ему по лицу, — все торжества и политесы закончились, твои рыцари — преданные слуги и

отличные солдаты. Они позаботятся о том, чтобы ничего не случилось. Забудь про караульное уложение.

С этими словами она отбросила шелковое одеяло. Белоснежное тело в лучах восходящего солнца выглядело, слово мраморная статуя. Дмитрий покрыл ее поцелуями и избавился от одежды.

— У тебя появились седые волоски, и морщинки в уголках глаз. А ведь их не было, когда мы с тобой встретились впервые — успела прошептать девушка до того, как они вновь слились в единое целое, забыв обо всем, что их беспокоило за стенами спальни.

* * *

После свадебных торжеств жизнь в замке понемногу вошла в привычную колею. Дмитрий с рыцарями занимался военной подготовкой, Анна приводила в порядок музей, завершила «Хроники герцогства Афинского» и принялась за «Диметриаду». Ставрос, отчаянно ругаясь со всем белым светом, хитря и плутуя, неуклонно увеличивал доходы лена, при этом ухитряясь не разорять крестьян, благосостояние которых начало расти.

Но вот наступил день, которого Дмитрий ждал с затаенной грустью. Тенгиз, с которым они крепко сдружились за год его вынужденного пребывания в Вази, наконец-то возвращался домой. Для мусульманина Тенгиза сухопутное путешествие по Пелопонессу было небезопасным, поэтому при содействии Ставроса, который сдружился в конце концов с мамелюком, и даже стал его постоянным партнером по игре в шахматы, была нанята небольшая галера, которая должна была доставить его на Крит, а с Крита на Кипр, в генуэзский город Фамагуста. Оттуда его путь лежал на Александрию и Каир. С ним вместе уезжала вдова бывшего капитана и оруженосца Бове, бывшая камеристка Анны, Мелиса.

Их с Тенгизом любовные отношения давно не были ни для кого секретом. Вместе они составляли на удивление прекрасную пару, и, несмотря на то, что Тенгиз исповедовал ислам, все, кроме, пожалуй, ее управляющего, радовались тому, что она решила последовать за своим возлюбленным в далекий Египет.

Мелису перспектива оказаться в сарацинском гареме несколько не пугала. По тому, как она по-хозяйски вела себя с Тенгизом, который давно боялся и слово сказать ей поперек, было ясно, кто окажется в Каирском дворце любимой и самой главной женой.

Пока Анна и Мелиса, ожидая погрузки вещей, плакали в обнимку, на деревянной пристани, весело цокая копытами, появился ослик, запряженный в двуколку. Повозка была сплошь уставлена запечатанными смолой масляными амфорами с эмблемой Дмитрия — солнечным колесом. Ослика вел под уздцы крестьянский мальчик, а над вихляющим на ходу сооружением, возвышался напыжившийся Ставрос. Он, по своему обыкновению, ухитрялся одновременно пискляво огрызаться направо и налево, погонять оливковой веткой осла и мальчишку, и ей же отгонять мух.

— Господин Тенгиз! — толстячок, не дожидаясь, пока ослик соизволит остановиться, неуклюже соскочил с двуколки, и подбежал к прощающимся, — ну, слава Аллаху всемилостивому и милосердному, успел! Эти крестьяне из Вази, что на маслобойке работают, да съест их Шайтан, так долго запечатывали масло, что я уж боялся, что не успею до вашего отплытия. Это первый отжим и лучшая очистка, господин Тенгиз и госпожа Мелиса, с тех самых деревьев, о которых молва по всей Греции идет! Будете там, в чужих краях, кушанья заправлять, да нас вспоминать, может, и Ставроса добрым словечком удостоите. Тут, ежели ни с кем не делиться, на несколько лет хватит. Один евр... то есть, тьфу, что я говорю такое, один

почтенный негодант из Болоньи, мой добрый друг, рассказал по секрету, что именно это наше маслице закупает у него римская курия для изготовления святого миро, которым пользуется для помазания христианнейших монархов сам римский Апостолик, — при этих словах брови Дмитрия и Тенгиза одновременно поползли вверх, а Ставрос, поняв, что сболтнул лишнего, попробовал улизнуть под видом того, что без его участия погрузка драгоценного масла, да и прочего багажа, обречена на провал.

Тем не менее, он был удостоен дружеского шлепка по спине от Тенгиза, который был поражен неслыханной щедростью, явленной этим редкостным пройдохой и скупердяем.

— Да уж, — ехидно пробормотал Дмитрий так, чтобы его слышала только Анна, — я думаю, что если бы Тенгиз не забирал Мелису в Каир, и ее лен не переходил под мою руку, наш управляющий не был бы так щедр. Роща, о которой он говорил, лежит как раз на границе наших земель, и испокон веку была предметом спора между владельцами. Так что он ухитрился подарить им их собственное масло!

В конце концов, прощание завершилось, и Тенгиз с Мелисой взошли на борт. Под громкое сопение расчувствовавшегося более всех остальных Ставроса матросы втянули внутрь сходни и отдали швартовы. Полоса воды между пристанью и бортом начала расти, гребцы выдвинули весла, и под первый удар задающего ритм большого барабана, разом опустили их в воду. Вскоре галера скрылась за зелеными холмами острова Негропонте.

Шамарин, чертыхаясь, покинул пассажирский салон «Боинга», везущего челноков из Салоник, и, размахивая направо и налево удостоверением, с надписью на обложке «Верховна Рада Украины», ринулся в грузовую зону получать свой невеселый багаж.

Изуродованные в автокатастрофе тела археологов, которые ему пришлось опознавать в греческом морге, через неделю после аварии в горах, куда их непонятно каким ветром занесло, возвращались на родину.

Согласно распоряжению шефа, тела несчастных должны были быть отпеты в небольшой часовне на территории Лавры, а затем отданы родственникам для захоронения там, где они этого пожелают. При этом Наместник сделал широкий жест и заверил семьи пострадавших, что Киево-Печерская Лавра берет на себя все хлопоты по доставке к месту погребения.

Выместив злобу на водителях двух нанятых автобусов, Шамарин погрузился в «Ягуар», который оставил перед отъездом на правительственной стоянке, и, поглядывая на часы, ринулся в сторону центра, чтобы до начала церемонии успеть переговорить с Наместником, и поделиться с ним своими соображениями.

Он успел лишь ступить на порог кабинета, как Наместник, который отвечал на какой-то звонок, приложил палец к губам и нажал на клавишу громкой связи.

— Господин архиерей? — раздался в динамике незнакомый голос. Его обладатель выговаривал слова по-русски медленно и с сильным акцентом. Это был определенно иностранец, отметил Шамарин, так как по «официальному» званию здесь к Наместнику не обращался никто, — с вами будет разговаривать господин Рене Синклер. Я его буду переводить. Речь пойдет про Турин и Салоники.

Стараясь не производить ни малейшего шума, Шамарин медленно опустился на ближайший стул, и превратился в слух.

Солнце не успело подняться над бесконечными рядами виноградных лоз, которые окружали богатую бургундскую деревню, как в церкви тамплиерской прецептории зазвонил колокол. Это означало, что наступила суббота, и пора собираться на ярмарку.

Якоб прикрикнул на жену, чтобы не мешкала с завтраком, урезонил младших детишек, затеявших в доме игру в прятки, и велел достать из сундука свой лучший наряд. Ведь он был не простым вилланом, а вольным и зажиточным крестьянином, который добился для себя и своих потомков столь желанного крепостного права.

Конечно, привилегия укрываться в крепости их господина, барона де Боне, вместе с семьей и двумя телегами скарба, в случае опасности или войны, обходилась недешево. Но зато теперь, когда в замковую книгу было внесено его имя и прозвище, вместе с количеством свиных туш, которые он был обязан ежегодно поставлять в замок, Якоб Весельчак мог чувствовать себя вполне спокойно.

Он нагрузил телегу забитыми вчера свиньями, и, раскланиваясь с соседями, выехал за околицу.

Соседи, крепостной привилегии не имевшие, из зависти утверждали, что для того чтобы чувствовать себя в безопасности, достаточно соседства тамплиеров, которым они платят церковную десятину. Здесь неподалеку от города Боне, за стенами своей прецептории, храмовники обучают военному делу тех братьев, которые вступают в орден во Франции, Бургундии, Нормандии, Провансе и Лангедоке, и готовят их к отправке в Святую Землю, так что в рыцарях нет недостатка.

Правда, священник в своих проповедях частенько рассказывает о том, что храмовники все время нарушают заповеди Господни. При этом он частенько приводит в пример поговорку: «Пьет и ругается как тамплиер». Но Якоб, который водил дружбу с каменотесами, знавшими всех и вся, знал, в чем тут дело.

Епископ диоцеза Боне, который из-за соседства большого тамплиерского дома терял доходы, готов был тамплиеров окрестить кем угодно, хоть еретиками, хоть язычниками, лишь бы прихожане отдавали десятину не в прецепторию, а в его приходы. А пословицу эту принесли из Лангедока, где слово «тамприер», а (вовсе не тамплиер!) на местном наречии обозначает «стеклодув».

Зная, что на тамплиеров возводят напраслину, Якоб Весельчак, тем не менее, заносчивых храмовников не любил. Как бы в подтверждение этим мыслям, его обогнал, обдав пылью, и чуть не перевернув телегу, заставив съехать на обочину, большой отряд. Два десятка воинов-монахов в плащах из бурой, неочищенной шерсти, с поднятыми вверх копьями, пророкотали мимо и скрылись за поворотом дороги.

Когда пыль немного улеглась, Якоб сильно хлестнул лошадь, выместив злобу и испорченное настроение на бессловесном животном, и продолжил свой путь.

Дмитрий, возглавлявший отряд, который с раннего утра занимался полевой выучкой, не заметил на скаку телегу, которую отогнал в сторону Тамош, потому что в это время вычитывал одного из неофитов.

— Ну и сколько можно с тобой возиться, Жак? — повернувшись в сторону молодого человека, он вдалбливал в его упрямую голову слово за словом, будто гвозди вбивал, — ты что,

совсем не в состоянии выучить Уложение? «Когда они построены в эскадроны, никто из братьев не должен переходить из одного эскадрона в другой, либо садиться в седло, либо брать свой щит, или копье без разрешения. А когда они вооружатся, и двигаются эскадроном, они должны держать своих оруженосцев с копьями перед собой, а тех, кто с конями, позади себя, так, как приказывает Маршал либо тот, кто на его месте. Никто из братьев не должен поворачивать назад своего коня, чтобы сражаться или кричать, либо из-за чего-нибудь еще, пока они находятся в эскадроне»^[2].

— Это же невозможно, Жак, — продолжал Дмитрий, — ты хватаешься за копье, не дожидаясь команды, словно меня не слышишь, строй не держишь, а щит так и не научился правильно наклонять, как ле Бон с тобой не бился. Не знаю, когда тебя можно будет рекомендовать к посвящению в рыцари, и уж тем более направлять в Заморье — одно слабое звено может свести на нет успех целого сражения.

Жак, как обычно, уткнув глаза в дорогу, и наклонив голову вперед, обиженно сопел, ничего не говоря в ответ. Дмитрий носил золотые шпоры, имел статус светского рыцаря, который служит установленный срок, и отвечал за военную подготовку братьев французской провинции, а Жак, несмотря на благородное происхождение, был пока простым оруженосцем, и ждал со дня на день посвящения в братья-рыцари. Он не знал, что сегодня в Боне прибывает сам магистр Франции, и церемония посвящения назначена на завтрашний день.

Добравшись до рынка, где, несмотря на раннее время яблоку негде было упасть, Якоб заплатил здешнему старшине за место, при этом незаметно подсунув ему отличный ошеек, чтобы тот и впредь придерживал для него передний ряд, и начал раскладывать свой аппетитный товар.

Он развесил туши на крюках, и уж было принялся за разделку, как в проезде появилась телега, запряженная мулом, которым правил маленький и очень толстый человечек в черной тунике с красным тамплиерским крестом. Это был конверс — наемный служащий из прецептории. Плащ, накинутый на его плечи, топорщился во все стороны, делая его обладателя похожим на огромного взъерошенного воробья.

«Воробей» внимательным взглядом оглядел прилавок, затем самого Якоба, неуклюже сполз с высокой телеги, и утиной походкой подошел поближе.

— Что пейзаин, свининку продаешь? — спросил он на удивление противным, писклявым голосом, с трудом подбирая бургундские слова.

Якоб, обиравшись на то, что его, зажиточного свиновода, в присутствии односельчан обозвал «пейзанином» какой-то иноземец, в ответ гордо промолчал.

— Свинки-то у тебя тощенькие. Небось, на паровых полях пасешь? — продолжал коротышка, не дождавшись ответа.

— Свиной пасу в баронской дубраве, на желудях — не выдержав такого оскорбления, огрызнулся в ответ Якоб.

— Да уж, — пропищал тот в ответ, — только эти желуди, видать, не впрок им пошли — ни мяса, ни сала. Ну да ладно, мне тут недосуг по базару гулять, так что, пожалуй, возьму-ка я все, что у тебя есть, и не обижу — пропищал толстячок, и назвал цену, втрое меньше той, которую Якоб собирался запросить.

От такой наглости у самого известного в округе свиновода, чье мясо, не торгуясь, забирали управляющие всех окрестных господ, перехватило дыхание. Но Якоб справился с собой и назвал ответную цену.

Толстячок набрал в легкие побольше воздуха, и разразился в ответ длинной тирадой, из которой ошарашенный Якоб узнал много нового о себе лично, о нерадивых бургундских свиноводах вообще, о том, каких хрюшек выращивают в герцогстве Афинском, и как должен

бестолковый пейзажист ценить солидных покупателей, которые готовы забрать всех его «худышек» сразу.

Торг продолжался часа полтора. Вымотанный писклявой напористостью толстяка Якоб, был готов на все, лишь бы этот кошмар прекратился. В результате он выручил за товар намного меньше, чем рассчитывал. Кляня на чем свет стоит неугомонного тамплиерского конверса, он с неохотой уступил, и пытаясь хоть чем-то напоследок досадить разорителю, долго пересчитывал полученные деньги. Чтобы поскорее избавиться от толстяка, он сам переложил туши на его телегу, и как только повозка скрылась за углом, немедленно перепродал место знакомому зеленщику.

Чувствуя приятное позвякивание в кармане Якоб, только для того, чтобы хоть немного прийти в себя после невыгодных торгов, заехал по дороге в кабак, выпил там в обществе старшего сына мельника и молотобойца из кузни полпинты виноградного сидра и еще долго проклинал жадных храмовников, которые богаты как сам султан, потому что золотом расплачиваются, а сами при этом норовят с трудового человека три шкуры содрать. Мельник и молотобоец сочувственно кивали да все чаще подставляли кабатчику пустые кружки — их угощал ограбленный тамплиерами свинарь.

Довольный собой, Ставрос возвращался в командорство. После того как он, следуя за своим господином, прибыл в Боне, и стал служителем Храма, Ставрос был определен в младшие подручные брата драпиария. Это положение его, как бывшего управляющего большим поместьем, совершенно не устраивало.

Пройдоха развернул бурную деятельность, так что не прошло и трех месяцев со дня их появления в командорстве, как он, благодаря своей неумной энергии, а также способности добиться от работников всего, что ему было нужно, и торговаться до последней капли крови, завоевал благоволение не только прецептора Боне, но и самого магистра Франции.

Не последнюю здесь роль сыграло и общее мнение братьев-рыцарей, которые с его появлением стали и питаться лучше, и одеваться почище.

* * *

В деревне, которую они только что миновали, зазвонил колокол, сзывая прихожан на мессу, и Дмитрий, перестав отчитывать тугодума-ученика, вдруг вспомнил тот день в Вази, когда его покинула Анна.

Два года прошло после их свадьбы. Благодаря осторожной политике ахайского князя Виллардуэна, и тестя Дмитрия, герцога Афинского, войны Морее не угрожали. Поместье Вази и полученные в качестве приданного земли, приносили немалый доход. Выручки за масло и шелковую нить хватало для того, чтобы, не разоряя крестьян, содержать отряд из девяти рыцарей, а также выплачивать вассальную дань герцогу, и церковную десятину обстроившемуся рядом командорству тамплиеров.

Для превращения пожалованных владений в наследственный фьеф с правом поднятия знамени, то есть получения баронского титула, недоставало, по морейским ассизам, лишь одного — у них с Анной должен был родиться ребенок.

Впрочем, они оба этого горячо желали и без «государственной необходимости». Страсть, которая их охватила с первого знакомства, не угасла и после свадьбы.

И вот пришел наконец-то долгожданный день, когда сияющая Анна сообщила ему, что ждет ребенка. Обрадованный Дмитрий, которого близкие к нему рыцари и слуги начали, несмотря на строжайший запрет, называть «сир Барон», окружил свою юную супругу тройной

заботой. Специально назначенные крестьяне доставляли ей ежедневно только что сорванные фрукты. Целая армия горничных и мобилизованных на скорую руку дворовых девушек следила, чтобы их госпожа не дай бог, нигде не оступилась, и не делала резких движений.

Герцог, прознав о надвигающемся событии, тотчас же прислал в замок Вази лучшего лекаря, которого за огромные деньги выписал из Палермо.

С приближением срока, когда баронесса должна была разрешиться от бремени, все и вся в замке было готово к родам. Терзая себя в ожидании, Дмитрий, чтобы не путаться под ногами у лекаря и повитух, отправился проводить до ближайшей деревни мессира де Фо, который, следуя по своим делам из Фессалоник в Андравида, остановился в замке Вази на пару дней.

— Ты становишься настоящим владетельным сеньором, — после долгого молчания неожиданно произнес приор, — надеюсь, что твое отношение к ордену не изменится и тогда, когда ты будешь увенчан герцогской короной.

— Я часть ордена, мессир, и вы это прекрасно знаете — привычно ответил Дмитрий, мысли которого сейчас были далеко отсюда.

— Если бы хотя бы треть наших братьев обладала твоими достоинствами, то мы бы не сдавали мамелюкам одну за одной крепости в Святой Земле. Я только что вернулся из Ломбардии. Там, в монастыре города Асти монахи-цистерцианцы пишут историю ломбардских родов. Я попросил, чтобы мне списали несколько страниц из их хроник. Возьми вот, почитай, думаю, что тебе будет интересно, — де Фо протянул Дмитрию инкунабулу, туго перетянутую кожаным ремешком.

После того, как они распрощались, Дмитрий отпустил повод, предоставив выученному коню, который отлично знал дорогу домой, полную свободу действий, а сам развернул пергаментный свиток и, чтобы отвлечься от мыслей об Анне, принялся читать его прямо на ходу.

Со времен, когда земли, издревле заселенные племенами этрусков, стали частью Рима, одно из поместий, что расположено в излучине великой реки По, неподалеку от Медиталаниума, получило прозвище Солари — солнечное. Вилла хозяина поместья располагалась на вершине пологого холма, а его широкий склон был обращен на самую солнечную сторону, так что расположенные на нем виноградники неизменно давали самые богатые урожаи и были основой растущего благосостояния фамилии. Хозяева поместья местными жителями также были прозваны Солари.

Волею случая, а может, в результате особого Господнего благоволения, о чем будет сказано далее, род Солари пережил все варварские нашествия этой эпохи, и, до самого появления в Верхней Италии германского племени лангобардов его владения были фемой ромейской империи.

Солари одними из первых обратились в христианство. Как-то раз епископа, который был назначен в эти земли, пригласили к смертному одру хозяина поместья. Совершая обряд соборования, и принимая последнюю исповедь у главы рода, он с удивлением узнал, что много лет назад, в годы правления кесаря Гая Калигулы, этот надел был, согласно законам Рима, пожалован отставному легионеру Лонгину, который сперва нес службу в Иудее, а затем был переведен в Галлию, где дослужился до кентуриона.

Если верить словам умирающего, то сей Лонгиний, чьим отдаленным потомком был сеньор Солари, был тем самым легионером, который своим копьем пресек мучения Спасителя на кресте.

Лонгиний поклонялся языческому богу Митре, которого многие legionеры Рима долго путали с Христом, ибо легенда о Митре утверждает, что тот умер и вновь воскрес, подобно Спасителю.

Через много лет, как раз тогда, когда Лонгиний утвердился в своем поместье, кесарь Нерон Агенобарб начал по всей империи преследовать первых христиан. Поэтому Лонгиний сохранил в тайне, что когда он стоял на посту, охраняя место казни, распятый заговорил с ним. Лонгиний пожалел несчастного проповедника и, желая отвлечь того от мучений, стал вести с ним разговор о вере.

Кроме всего прочего, Спаситель признал, что культ Митры не так уж и отличается от его учения, разве что разрешает жертвоприношения. Но тут ничего не поделать, ведь Митра покровитель солдат. В конце концов, он, перед тем как впасть в беспамятство, попросил Лонгиния совершить последнюю жертву в своей жизни, и прервать его мучения на кресте, если они станут невыносимыми.

Последний обращенный Спасителем, Лонгиний, прознал, что в империи повсеместно начали появляться общины последователей Иисуса. Возвратившись по завершении службы в Рим, он не решился вступать в связь с сектой, которую там основали отрекшийся от своего учителя Кифа, самочинно присвоивший себе прозвище Петр, и обращенный гонитель христиан, римский гражданин Савл из Тарса. То, что они проповедовали, было совсем не тем, что Лонгиний услышал от Спасителя в его последние часы.

Вот такое предание Лонгиний перед самой смертью поведал своему сыну, взяв с того клятву, что он также будет хранить его в тайне. Как залог правдивости всего рассказанного, Лонгиний передал своему наследнику гвоздь, который, по его словам, удерживал правое запястье распятого во время казни.

Епископ лангобардской столицы, Павии, прознав о предании рода Солари был ошеломлен, но сохранил благоразумие и не предал сию легенду огласке. Понимая, что в его руках находится тайна, которая дает его диоцезу особые права, и позволяет оспаривать «честь» у Рима с Константинополем, он, будучи человеком тщеславным, вступил в сговор с потомками почившего сеньора Солари и лангобардским правящим домом, герцогами Туринскими.

Епископ принял в дар от дома Солари священный гвоздь, и приказал выковать из него тонкий обруч, который по распоряжению короля был укреплен на короне лангобардов. С тех пор она носит имя Железной короны лангобардских королей.

Монарх, который впервые возложил ее на свою голову, отошел от мерзостного арианства, и стал сторонником римской церкви. Он поклялся перед епископом, что род Солари за свой бесценный дар вечно будет пользоваться покровительством его, и его потомков, и его глава не обязан давать королям присягу. Епископ Павии выступил залогом этой клятвы.

С тех пор имение Солари стало считаться аллодиальным владением, имеющим полный иммунитет. Его сеньор имел собственный рынок и суд, не давал вассальную присягу, не нес военную службу, а также был освобожден от королевских податей и церковной десятины.

Но пришло время, и земли лангобардов завоевал франкский император Карл Великий. Он захватил италийское королевство, сместил лангобардскую знать, и вместо германских герцогств разделил государство по франкскому обычаю на графства. Поместье Солари при этом потеряло независимость, и стало одним из фьефов Милана, хотя согласно обычаю, продолжало жить по Римскому праву.

Но до наших дней, каждый Каролинг, а затем и каждый император Священной римской империи, после элекции в Кельне, следуя для помазания в Рим, непременно прибывает в Павию, где возлагает на себя Железную корону лангобардских королей с даром Лонгиния. И без сего обряда власть его в итальянских землях не признается здешними родами, как римскими, так и лангобардскими.

Записи о даре Лонгиния хранились в скриптории кафедрального собора Павии, а после ее разрушения были перенесены в цистерианский монастырь в городе Асти, что построен его светлостью маркграфом Рейнерием де Монферрат, где и сохраняются в тайне.

Сей список сделан с соизволения архиепископа Миланского, по просьбе Великого Магистра ордена Храма, и передан Командору Ордена Храма в Ломбардии, брату Бароцци и Приору Мореи брату де Фо из рук в руки. Да хранит их Господь!

Въехав во двор замка, Дмитрий сразу же почуял неладное. Дворовая челядь вся куда-то пропала, а на входе в дом ему в ноги кинулся рыдающий Ставрос.

— Что? — поняв, за время его отсутствия случилось нечто ужасное, спросил Дмитрий.

— Сир барон, — голос Ставроса был на удивление низок, и дрожал, — роды прошли неудачно, приготовьтесь к самому наихудшему.

Отшвырнув управляющего в сторону, Дмитрий ринулся в спальню Анны. Одним ударом сапога он вышиб засов, и оказался в комнате, полной суесящихся людей. В центре всей этой суеты, на большом столе лежала бледная, словно мраморная статуя, Анна. И если бы Дмитрий не был солдатом и не встречался со смертью так часто за последние пятнадцать лет, то он бы подумал, что она спит.

Дмитрий медленно обвел тяжелым взглядом окружающих. Те, на кого натыкался взгляд, отводили глаза, в которых читался обреченный холуйский страх.

— Что с ней? — спросил он маленького плешивого человечка, руки которого были по локоть запачканы кровью. Ее кровью.

— *Morsus diaboli seu*, — крестясь, и испуганно глядя на сеньора, пролепетал лекарь, — нужно звать священника, господин.

— Смертельный укус дьявола? — переспросил Дмитрий, — что это значит? Хотя, теперь все равно. А ребенок?

В ответ донеслось рыдание. Камеристка Анны, не допущенная к родам, все это время ожидала под дверью, и ворвалась в комнату сразу же вслед за ним, плакала навзрыд. Она сжимала в руках корзинку, в которой можно было разглядеть бездыханное тельце.

— Пошли. Все. Вон. — Негромко произнес сир Дмитрий Солари, шевалье де Вази, и присовокупил несколько слов на каком-то шипящем варварском наречии, которого не знал никто из присутствующих.

Лекарь, а за ним повитухи, стараясь держаться подальше от господина, который в одночасье потерял жену и новорожденного ребенка, словно стая крыс, застуканных в погребе, вышмыгнули в дверь.

Дмитрий, уверенный, что его услышат, негромко позвал:

— Тамош!

— Да, господин — отозвался ожидавший его приказов верный друг и оруженосец. — Де Лоншана с лучшими лошадьми и двумя слугами — в Фивы. Привезти отца Фрицци из командорства, и сообщить его высочеству о том, что случилось. Здесь все привести в порядок. Вызвать женщин из деревни. После соборования пусть обмоют, и положат ее в каминном зале.

Ставрос пусть едет к своему знакомому пизанцу — управляющему, и заказывает в мраморном карьере госпитальеров саркофаг. Похороны через два дня — и чтобы все было готово! У меня в комнате запереть ставни, принести туда две больших амфоры вина, и после того, как я туда зайду, поставить караул у дверей, чтобы меня никто не беспокоил. До конца похорон старший в замке — ле Бон. А теперь, оставь нас.

Тамош, сдерживая рыдания, пятась, вышел из комнаты, и плотно притворил за собой дверь. Оставшись один, Дмитрий сделал несколько тяжелых шагов, словно ноги отказывались ему подчиняться, и склонился над лицом Анны.

За последующие дни Дмитрий отдал единственное распоряжение — похоронить Анну и мертворожденного сына в подземелье замковой часовни. Хоронили ее очень скромно, но, не смотря на это, все крестьяне его лена пришли в замок, чтобы проводить в последний путь свою госпожу.

Отец Фрицци исполнил все, что от него требовалось, и попробовал поддержать Дмитрия словами утешения, но тот лишь отмахнулся от капеллана тамплиеров, как от назойливой мухи. Перед тем как позволить закрыть гроб, Дмитрий поцеловал остывшие губы, и закрепил на саване свою фибулу-оберег с солнечным колесом.

Все эти дни Дмитрий пил не пьянея, так что к тому часу, когда двери склепа закрылись за похоронной процессией, на него страшно было смотреть. Оставшись к концу дня один в своих покоях, он долго ходил от стены к стене и пытался разговаривать сам с собой. Потом, словно приняв тяжелое решение, потребовал оседлать коня и отказавшись от сопровождения, покинул замок.

Греческая церковь на окраине селения, обойденная господским вниманием, и посещаемая лишь окрестными крестьянами, если и не пришла в запустение, то вид имела далеко не цветущий. На его стук в затворенные на ночь ворота, из глубины послышались шаркающие шаги, и на пороге появился служка с метлой.

— Где Дионисос? — спросил его по-гречески Дмитрий.

— У... у себя д-дома — заикаясь, ответил маленький сморщенный старичок, для которого видеть сеньора и разговаривать с ним, было все равно, что встретить на улице Георгия Победоносца.

— Зови его сюда, говори, что господин ждет.

Служка, бросив на пороге метлу, стрелой помчался к располагавшемуся здесь же неподалеку дому священника. Через несколько минут, оправляя на себе только что надетую рясу, перед ним стоял отец Дионисос.

— Ну, здравствуй, отче, — глухо произнес Дмитрий, — исповедаться тебе хочу, примешь?

— Долг пастыря помочь любому христианину обратиться ко Всевышнему, — в голосе Дионисоса звучало искреннее сострадание.

Они прошли внутрь, и приготовились к таинству, которое Дмитрий едва помнил со времен своего так рано оборвавшегося детства в Киеве. Дионисос с помощью служки облачился в свои, лучшие одежды, зажег свечи сначала у алтаря, затем в притворах и, прочитав молитву, повлек за собой Дмитрия в окружение икон.

— Не постился ты перед таинством, сын мой, но я правом духовного пастыря освобождаю тебя от говения — начал Дионисос.

Дмитрий никогда не видел его во время службы и был удивлен, насколько изменился в церкви этот человек, которого он считал жуликом и прохиндеем.

— Исповедуем мы, многогрешные, Господу Богу Вседержителю, во Святей Троице славимому и поклоняемому Отцу и Сыну и Святому Духу, все наши грехи вольные и невольные, содеянные словом, или делом, или помышлением — продолжил он напевно.

— Я грешен, отец, очень грешен — проговорил Дмитрий.

— Никтоже согреших на земли от века, якоже согреших аз, окаянный и блудный! Расскажи о своих грехах и покайся. Бог милостив и может простить любого человека, аще отпускаете человеком согрешения их, отпустит и тебе Отец наш Небесный.

— Влекомый своекорыстием и бесовской гордыней, я покинул лоно православной церкви, в которой был рожден и крещен, и обратился в римскую веру, — слова, выученные в детстве, сами собой всплывали в памяти, — согрешил забвением о будущей вечной жизни, непамятованием о своей смерти, и страшном суде, и неразумной, пристрастной привязанностью к земной жизни и ее удовольствиям и делам. Я убивал, отец, и проливал христианскую кровь. Я не исполнял обетов, и наказан за это так, что страшнее не бывает.

— Знаю, сын мой, согрешил ты несохранением обетов, данных нами при крещении, но во всем солгал и преступил, и непотребным себя соделал пред лицом Божиим — отвечал, как и требовал того обряд причастия, Диониос.

Далее Дмитрий, потерявший от горя всяческую осторожность, под воздействием возвышенной атмосферы византийского обряда, не таясь, рассказал обомлевшему священнику обо всем, что произошло с ним в последнее время.

Тот, прознав о похищении тамплиерами Плащаницы, и о гробнице короля Бонифация, сперва чуть не потерял дар речи, но затем взял себя в руки, закончил исповедь, и вместе с Дмитрием прочел «Отче наш...» и покаянную молитву: «Каемся, что прогневали Господа Бога нашего всеми своими грехами, искренно об этом жалеем, и желаем всевозможно воздерживаться от грехов наших, и исправляться. Господи Боже наш, со слезами молим Тебя, Спаса нашего, помоги нам утвердиться в святом намерении жить по-христиански, а исповеданные нами грехи прости, яко Благ и Человеколюбец».

Получив епитимью на семидневный пост и молитвенное покаяние, очистившийся душой Дмитрий пообещал щедрые жертвования храму, тепло распрощался с Дионисосом, и отправился обратно в замок.

Наутро, дав распоряжение оторопевшему Ставросу лично отвезти в греческий храм пятьдесят золотых, он взял с собой Тамоша и отправился в Фивы.

Они двигались медленно, жалея коней, и на самом въезде в город их догнали запыхавшиеся Хакенсборн и Ставрос. Бедный мул под толстячком шатался от усталости и в конце концов, лишившись сил рухнул на дорогу. Было ясно, что произошло что-то из ряда вон выходящее.

Хакенсборн уж было приготовился давать ответ на немой вопрос своего господина, но не дав рыцарю и рта раскрыть Ставрос начал пищать, не обращая ни на что внимания:

— Сир, мне страшно оставаться в Вази. Там что-то жуткое началось. Только я отвез по вашему приказу пожертвование, как Дионисос тут же стал собираться в дорогу. Служке своему, который мне, уж не обессудьте, доносит все, что происходит в церкви, он втайне сообщил, что едет в Фессалоники, а потом в Константинополь, к самому патриарху. Тот, служка сказал, был доволен так, как никогда раньше. Будто что-то распирало его изнутри. Взял телегу, и отправился, прихватив с собой зачем-то церковного старосту. А почти сразу после вашего отъезда приехали два пизанца, что везли товар из Фессалоник. И Дионисоса, и старосту они нашли на дороге без коня и телеги, зарезанными. А ведь разбойников в наших местах, благодаря вашей милости, нет давным-давно.

— Так и было, — мрачно кивнул головой Хакенсборн, — резали солдаты, опытные, со знанием дела, и не обычными ножами, а кинжалами. Темная история. Никто ничего не знает и не ведает, только в деревне, что по дороге на Фивы, видели одинокого всадника, а телегу нашли неподалеку, на опушке леса.

При этих словах с лица Дмитрия словно спала пелена.

— Виллардуэн — сквозь зубы произнес он, не обращаясь при этом ни к кому конкретно.

Следующий день шевалье де Вази провел в фиванском командорстве, где имел обстоятельную беседу с де Фо, потом заехал в резиденцию барона де Сент-Омера, и после всего отправился на встречу со своим бывшим тестем.

Постаревший от горя герцог принимал Дмитрия в своем кабинете. Дмитрий, припав к его перстню, подчиняясь взмаху руки, сел на стул и склонил голову, ожидая, что ему скажет сюзерен.

— Все изменилось теперь, сир рыцарь, — упавшим голосом произнес тот, — князь, который так и не простил тебе нанесенное оскорбление, прознав о смерти Анны, отказывается утвердить баронский титул. Мне очень жаль.

— Это все равно, монсеньер, — ответил Дмитрий, — я приехал к вам, чтобы просить об освобождении от вассальной присяги. Де Фо, наверное, сообщил вам, что я принял его приглашение на службу в ордене светским рыцарем-собратором. Он хочет направить меня во Францию, в распоряжение вашего брата, магистра, с тем, чтобы я возглавил военное обучение принятых в орден.

— Да, мы с де Фо говорили об этом, — голос де Ла Роша не грохотал как обычно, а был тих и печален, — я думаю, что так будет лучше для всех. Твои нынешние лены будут за тобой сохранены. Что же, обстоятельства вынуждают меня на старости лет вновь жениться, чтобы герцогство не осталось без законного наследника. Если бы была жива Анна, видит бог, мне бы это не понадобилось.

Распрощавшись с Фивами, Дмитрий вернулся в Вази, собрал совет и сообщил рыцарям и сержантам о своем решении. Все без исключения, в том числе и Ставрос, решили последовать за ним во Францию. Он передал командору тамплиеров права на управление леном, и отправился в портовый город Модоне, который принадлежал республике Святого Марка, откуда на галере добрался в Венецию, а затем посуху в Париж.

Так в обрывочных воспоминаниях, занятый по горло делами, Дмитрий провозился до заката.

Будучи давно подготовлен к церемонии посвящения, он провел вечер в молитвах, дождался, когда зазвонит колокол, и, накинув плащ, стал ждать прихода двух братьев капитула, которые в полном соответствии с Уставом должны будут подробно разъяснить ему все его обязанности, как брата ордена бедных рыцарей Храма Соломонова, чтобы затем отправиться в церковь.

Вопросы, которые организационный комитет предлагал к обсуждению в этом году на конференции Бильдельбергского клуба, новизной не отличались. Неуклонно растущая концентрация немыслимого богатства и власти в руках относительно небольшого количества семей, требует постоянного внушения остальным шести миллиардам обитателей планеты, какую пользу им приносит процесс повсеместного навязывания бытовых, культурных и нравственных стандартов, позволяющий централизованно управлять всеми аспектами производства и потребления, окрещенный журналистами «глобализация».

Ведущие международные политики и финансисты Запада укрепляют и шлифуют на этих встречах положительное отношение в глазах мирового сообщества к процессам глобализации, и внедряют в головы тезис о том, что все, что хорошо для банков и большого бизнеса, хорошо и для человечества в целом.

Владельцам транснациональных концернов требуется периодически согласовывать свои действия и корректировать рекламную цепочку: «Питайтесь в ресторанах „фаст-фуд“, и у вас начнутся проблемы с желудком, поэтому для нормального пищеварения глотайте таблетки, которые заменят ваши естественные ферменты, и не забудьте про жевательную резинку, но при этом прислушивайтесь к рекомендациям лучших стоматологов, а не гастроэнтерологов. Полностью нарушив обмен веществ, худейте с помощью медикаментов, устройств, и тренажеров, которые мы продаем. А когда от гадкой пищи, консервантов, ароматизаторов, и прочих химикатов, у вас станут ломаться и выпадать волосы, появится перхоть, и пот приобретет отвратительный запах, то непременно используйте наши шампуни и дезодоранты».

Здесь решают, кто выиграет приз фестиваля Евровидение, какая марка машины получит статус «автомобиль года», кого выберут очередным генсеком НАТО, и какой фильм получит первый приз на фестивале в Каннах.

Кроме того, каждая конференция клуба приводит к значительным «кадровым перемещениям». Зачастую малоизвестные политики после участия во встречах и дискуссиях делают ошеломляющую карьеру. Именно в процессе заседаний клуба проходило «утверждение на должность» последних президентов США и британских премьеров. Кроме того, все происходящее на конференции является предметом обсуждения на проходящих «случайно» неподалеку европейских саммитах и заседаниях влиятельных масонских лож.

«Чепуха все это — со злостью подумал Шамарин, и бросил на стол пачку отпечатанных на принтере листов — все эти аналитики, и их взгляды на тайные общества выеденного яйца не стоят».

Перед отъездом из Киева Наместник долго размышлял о том, как ему сохранить инкогнито в Италии, где православная внешность и архиерейское облачение сделают его белой вороной, и отличной мишенью для фотографов и журналистов. Представив себе заголовок газеты: «Представители Русской Православной Церкви принимают участие в работе Билдельбергского клуба» и фотографию на полстраницы, Наместник мысленно содрогнулся и немедленно отправил секретаря в самый дорогой магазин одежды. Первая попытка нарядиться в светское платье завершилась полным провалом. После того, как он примерил костюм «от Сорокина», стало ясно, что нужно срочно что-то предпринимать. Его окладистая борода без облачения потеряла всю свою осанистость, и придала церковному прелату внешность дорого одетого

прощельги.

Шамарин, из последних сил сдерживаясь, чтобы не рассмеяться при виде того, как шеф вертится у зеркала и все больше и больше при этом впадает в грех сквернословия, подсуетился, и по старым связям заказал ему в гримерной киностудии Довженко накладную бороду, которая точь-в-точь походила на его собственную, после чего тот, ворча и ругаясь, свое архиерейское достоинство сбрил.

Без бороды Наместник помолодел лет на десять, и потерял всю свою солидность. Теперь он более всего напоминал остепенившегося и разбогатевшего уголовника, а о его сане напоминали лишь глаза — злые, колючие, и пронизательные.

Оставив текущие дела на попечение все такого же бесцветного Петра, Наместник, а точнее, если верить паспорту, гражданин Российской Федерации, Максим Валериевич Мостовой, проклиная Плащаницу, Синклера, Соларева, Ликаренко, а заодно и Шамарина, вылетел в Италию.

Так как Наместника лично пригласил «сам господин Рене Синклер», то все вопросы, связанные с получением визы, бронированием билетов на самолет, переездом из Милана в Стрезу, и размещением в одной из гостевых вилл, решила с быстротой и предупредительностью, ошеломившей не только Николая Владимировича, но и самого Наместника, который был в Украине не последним человеком, и фигурально выражаясь, дома «в очередях не стоял».

На второй день пребывания в Стрезе, Синклер прислал за ними лимузин с затененными стеклами, и они, получив от сопровождающего пропуска, отправились на переговоры.

Забираясь в лимузин — четырехдверную версию «Вольво» S80 Nilsson, Наместник скептически хмыкнул. Если хозяева конференции и хотели поразить воображение «дикаря» из Украины чем-то, кроме своей высочайшей организованности, то они достигли прямо противоположного результата, потому что «Майбах-62», на котором Наместник под завистливыми взглядами доморощенного истеблишмента разъезжал по Киеву, стоил раза в три дороже, чем эта, по его мнению: «Тачка, на которой только свадьбы катать». Наместник плюхнулся на заднее сиденье, машинально поискал регулятор прозрачности крыши, понял, что тут такого нет и в помине, ругнулся себе под нос, и с недовольным видом уставился в окно.

Шамарин отметил скептический взгляд, которым его шеф окинул салон, но от комментариев воздержался. По дороге он, не обращая внимания на местные красоты, оценивал работу охраны, которая заглядывала в машину трижды с того момента, когда они выехали из отеля.

Гранд Отель де ла Боромео за две недели до открытия конференции Бильдельбергского клуба был аккуратно освобожден от всех гостей, а его персонал в полном составе отправлен в оплаченный отпуск. После этого вокруг места проведения конференции, под незримым руководством Дефо начали формироваться охранные линии безопасности. Первый круг составила местная полиция, которая перекрыла всю территорию отеля по внешнему периметру. Внутри допускались только те, кто имели бейджи с идентифицирующими микрочипами и фотографиями — одного цвета для участников, другого для приглашенных гостей, и третьего для прибывшего невесть откуда нового обслуживающего персонала.

Территорию внутри, по традиции клуба, контролировал отряд военной разведки страны пребывания, а само здание охраняли люди из МЭО, которыми руководил непосредственно Дефо.

Оказавшись в холле, Шамарин продолжал как можно незаметнее оценивать все, что происходило вокруг. Внешне отель не имел никаких признаков того, что здесь проходит серьезнейший международный форум на очень высоком уровне. На входе не висел, как это было

бы где-нибудь в Брюсселе, аляповатый плакат «Привет участникам конференции!», в холле никакой особой регистрационной стойки и неизменных стендов с расписанием мероприятий также не было. Тем не менее, то, что гостями отеля являются отнюдь не случайные люди, для опытного глаза было очевидно.

Места за столиками в барах и ресторанах, мимо которых они проходили в сопровождении приставленного к ним служителя в гостиничной livree и с военной выправкой, были заняты оживленно дискутирующими людьми, а многие при встрече кивали друг другу, как старые знакомые.

Самой яркой отличительной чертой этого респектабельного сборища было чрезвычайно малое число женщин. Шамарину бросилось в глаза то, что легкодоступные девицы модельной внешности, которые обычно приглашаются на подобные рауты для развлечения мужчин, здесь напрочь отсутствовали.

Кроме того, многих, кто встречался им по дороге, Шамарин, который обладал профессиональной зрительной памятью, узнавал в лицо. Одна такая встреча его ошеломила. За столиком в лобби сидели три солидных человека, один из которых совершенно точно был ему знаком. Немного порывшись в памяти, он понял, что это премьер-министр одной из европейских стран.

О чем, разглядывая все вокруг, думал Наместник, Шамарин не знал. Взгляд его босса стал еще более колючим, неприветливым и отсутствующим. Видимо, по дороге он настраивал себя на предстоящие переговоры.

Рене Синклер ожидал их на своей любимой веранде, где, несмотря на то, что все остальные рестораны и лобби были забиты активно общающимися людьми, не оказалось кроме них никого. При появлении Наместника с Шамариным, он поднялся из-за столика и попытался изобразить подобие приветливой улыбки.

Шамарин наблюдал, как Наместник и Синклер жмут друг другу руки и усаживаются за столик. Рядом с загорелым и тренированным председателем оргкомитета, его шеф в дорогом костюме, с непривычно голым подбородком, выглядел обрюзгшим провинциалом.

Представители договаривающихся сторон окинули друг друга внимательными, оценивающими взглядами, и, по приглашению Синклера, заняли место за столом. Шамарин опустил на стул справа от шефа. После того как они заняли свои места, к ним по короткой команде Синклера присоединился переводчик.

Немного позже, когда стал набирать обороты ни к чему не обязывающий разговор о дороге и погоде, на веранде появился серьезный мужчина, который, по первому впечатлению Шамарина, занимал в организации Синклера аналогичный ему пост.

При этом господин Рене не сделал даже попытки его представить гостям, а продолжал разговор с Наместником, коротким кивком головы пригласив вновь прибывшего присоединиться. На что тот также ответил четким кивком, который обычно заменяет военным отдавание чести, если они не в головном уборе, и, быстрым взглядом оглядев гостей, приставил к их столу пятый стул.

После того, как он занял место за столом, Синклер сразу же, словно только этого и ждал, закончил переливать из пустого в порожнее, и перешел к делу.

— Прежде всего, господа, — произнес он, — я хочу выразить свое восхищение работой ваших оперативников в Турине и Милане. И если бы не некоторые досадные оплошности, то их миссия оказалась бы вполне успешной.

«Наживка — подумал Шамарин — это он хочет выяснить, у нас ли Соларев и Ликаренко. А сие в свою очередь означает, что у них ни того, ни другого нет. Теперь как бы шеф не оплошал». Но шеф, который в умении напускать туману, не уступал, а пожалуй во многом и превосходил

своего могущественного оппонента, не оплошал.

— Наши люди в Милане сделали все, что от них требовалось, — туманно ответил Наместник, — а мы, все что нужно, из Милана получили.

«Да уж — восхищенно подумал Шамарин — тут нашла коса на камень».

— Давайте лучше раскроем карты — произнес в ответ Синклер, снова изо всех сил стараясь продемонстрировать дружелюбие — никакой важной информации у вас, я вижу, нет, да и мы тоже, судя по всему, зашли в тупик. Соларева и Ликаренко нет ни у вас, ни у нас. Но мы их можем поймать, если объединим усилия. Нужно только договориться, как мы фигурально выражаясь, будем делить шкуру убитого медведя.

«Детективов насмотрелся, — подумал Шамарин — русские пословицы пытался учить».

— Ну что же, шкуру, так шкуру, — ответил Наместник, не вдаваясь в филологические нюансы, — нам нужно, чтобы Ватикан перестал вмешиваться в церковные дела Украины и прекратил поддерживать там католиков и униатов...

— Нам самим нужно, — с мягкой улыбкой парировал Синклер, — чтобы Ватикан перестал вмешиваться в очень многие дела, и здесь мы, похоже, найдем общий язык. Вот, посмотрите «последний доклад» ваших историков.

Военный, который, как и Шамарин, за время беседы не произнес ни слова, после кивка Синклера взял со стола пульт дистанционного управления и включил огромный телевизор на противоположной стене. Изображение немного поморгало, пошло снегом, а потом из темноты на весь экран выплыло лицо покойного Охрименко. Тот, испуганно глядя перед собой, и сбиваясь чуть не на каждом слове, говорил:

— Мы нашли в Васти склеп, в нем мраморный саркофаг. По бокам — тамплиерский крест со свастикой. В саркофаге были два скелета, и оба с черепами. Первый — женский, а второй принадлежал новорожденному ребенку. На женском были золотые украшения — серьги и браслеты с драгоценными камнями. На грудной клетке женщины — золотая фибула, рисунок которой в точности повторяет тот знак, который мы получили из Киева. Более ни в саркофаге, ни вокруг него ничего такого, что заслуживало бы внимания, не обнаружилось. Могилы Бонифация там нет. Никаких историй и легенд, связанных с похороненными в замке женщиной и ребенком, в селении не сохранялось.

Запись закончилась. Военный выключил телевизор, подошел к нему, и извлек из гнезда, расположенного под экраном, флэш-память.

— Надеюсь, вы не в обиде на то, как мы с ними вынуждены были обойтись? — спросил Синклер.

— Да какие уж тут обиды, — пробурчал в ответ Наместник, — тем более, что они сами виноваты.

«Интересно — подумал Шамарин — а ведь рано или поздно и я, выполняя его распоряжение, окажусь по такой же самой логике „сам виноват“, и на убой меня отправят точно также, не моргнув глазом».

— Могила Бонифация да Монферрат, мы правильно все поняли? — задал вопрос Синклер — имя Бонифация де Монферрат связано с его могилой?

Наместник коротко кивнул головой, и в нескольких словах ознакомил Синклера с тем, что они обнаружили в лаврском скриптории. В свою очередь, Синклер обрисовал в общих чертах содержание тех документов, которые они обнаружили в лурдском архиве. После этого он достал из кармана пиджака бархатный мешочек, в котором обычно хранят драгоценности, и небрежно вывалил на стол золотые украшения, среди которых была и фибула со знакомым знаком.

— Вот, — сказал он, — это то, что нашли ваши люди в Васти.

— Ну не такие уж они и наши — снова проворчал Наместник в ответ.

Шамарин отлично понимал, что его шефа уязвляло то, как легко Синклер и его люди справились с группой Охрименко, поэтому он всеми силами старался показать, что люди это случайные и посланы в Салоники были «просто так».

— Как бы то ни было, — продолжал Синклер, — но поиски зашли в тупик. Или этой могилы не существует, и все что написал отшельник, является отлично сработанной мистификацией, или ваш господин Соларев сумел раскопать нечто такое, что позволяет ему найти эту могилу втайне от нас. Боюсь, что ваши оперативники из Милана затеяли какую-то свою игру. Иначе, зачем же им скрываться и не выходить с вами на связь? А это в свою очередь подтверждает, что они укрыли какие-то существенные детали. Я предлагаю дожидаться, когда обнаружатся следы этих ваших командос, взять их, выяснить то, что им стало известно, а затем, располагая нужной информацией, совместно принимать решения.

— Да куда им деваться, — произнес в ответ Наместник, — найдут они что-то или нет, а в Киев все равно вернуться. Там мы их и возьмем. Только уговор, господин Рене. Плащаницу, где бы ее ни откопали на самом деле, «обнаружат» в подземельях Лавры.

— После конференции к вам в Киев прибудет господин Шарль-Анри Дефо, — не отвечая на реплику Наместника ни да, ни нет, произнес Синклер, указывая при этом на военного, — это человек, которому я целиком и полностью доверяю. Он легализует на территории Украины наше представительство, и оставит в нем офицера для связи.

Слово «officer» корректный переводчик озвучил по его второму значению, «чиновник», но неплохо владеющий английским еще со времен службы в комитете Шамарин прекрасно понял, что речь идет отнюдь не о гражданском лице.

На этом переговоры завершились. Синклер, скорее для проформы, предложил отужинать вместе с ним в одном из ресторанов, но Наместник не хотел попадаться никому на глаза, и его отказ был принят с пониманием. «Добром все это определенно не кончится» — подумал про себя Шамарин, загружаясь в лимузин, но Наместнику ничего на этот счет не сказал.

— Ну, Владимирович — пробормотал Наместник, прогуливаясь по двору сразу же после возвращения на виллу (он не без оснований боялся прослушки в доме и автомобиле) — если этот бесплатный цирк, который мы сегодня наблюдали в отеле, и есть самый серьезный мировой заговор, то тогда точно прорвемся. Они еще не знают, с кем связались.

Шамарин имел на этот счет похожее, но все же не столь категоричное мнение, поэтому предпочел в ответ лишь солидно кивнуть головой, в знак принципиального согласия, а про себя вспомнил эпизод из старого советского фильма. Гражданская война. Жители деревни чтобы не пропустить бронепоезд белых, всем скопом ложатся на рельсы. «Ну что, прорвемся?» — спрашивает колчаковский полковник машиниста. «Нет — отвечает тот — больно склизко будет»...

Он подумал, о том, сколько народу глазом не моргнув, бросят под поезд своих амбиций два неброских человека, которые час назад так мило беседовали, сидя за столом.

Дима завершил перевод последнего найденного в подземелье текста, и закрыл крышку ноутбука. Даже имея в распоряжении новейшие достижения вычислительной техники, и отличные программы для распознавания древних текстов и их перевода, он потратил на разбор рукописей, которые они нашли в саркофаге короля Бонифация почти две недели.

О жизни своего предка, начиная с детских лет и до приезда в Константинополь, он узнал по хроникам, которые написала его жена, а историю о том, как он стал морейским рыцарем, по его собственным воспоминаниям. Мемуары и дополняющие их обрывочные записки о разных событиях ушедшей эпохи, характеризовали того, средневекового Дмитрия, как человека неглупого, наблюдательного, и обладающего крайне своеобразным чувством юмора.

Странные хроники с легендой о тайне рода Лонгиниев, Дима склонен был счесть скорее мистификацией времен одиннадцатого века, когда архиепископы Милана предприняли попытку отобрать у Рима пальму первенства католической церкви и создать собственное апостолическое государство.

К сожалению, никаких упоминаний про Плащаницу ни в одной из трех рукописей не нашлось, и единственной зацепкой так и осталась та самая приписка о константинопольском командорстве.

— Твоему предку нужно было родиться в конце двадцатого века и разрабатывать сценарии для компьютерных квестов, — прокомментировал Димины выводы Франческо, — если он хотел, чтобы мы помотались по свету, как персонажи «Сломанного Меча», то похоже ему это удалось.

— А что в Стамбуле, шансы у нас есть? — спросил Сергей-Вован.

— Ну, Дмитрий прямо говорит о «неких предметах, которые вожделенны для многих», — ответил Дима — остается выяснить, насколько реально найти в Стамбуле место, где находилось командорство. Тут я немного поработал, и обнаружил два упоминания о присутствии тамплиеров в византийской столице.

Британский юрист, Чарльз Эдисон, который жил в девятнадцатом веке, ссылаясь на «Constantinopoli Cristiana», капитальный труд об истории города, составленный в семнадцатом столетии парижским энциклопедистом Шарлем Дюканжем, упоминает, что основная резиденция ордена Храма находилась рядом с часовней святых великомучеников Марина и Пантелеймона в квартале, который назывался Омония. Вот что пишет сам Дюканж:

«Омония, молитвенный дом по старому „Описанию города“ включает в себя две церкви — Ценополь и Омонию. Евагрий Схоластик повествует, что во времена правления Льва Великого, огонь уничтожил большую часть города, особенно те здания, в южной части, которые располагались между Гаванью Юлиана и Омонией^[3]».

Второе упоминание обнаружилось в переписке папы Иннокентия III, который постоянно выступал третейским судьей в тяжбах нобилей Латинской империи с военно-монашескими орденами. В марте 1208 года, папа писал казначею храма св. Софии Константинопольской, о судебном иске, который некий чиновник, возбудил против рыцарей, братьев ордена Храма в Константинополе из-за церкви святой Иоении, которую они заняли незаконно.

То есть тамплиеры в Константинополе между 1204 и 1261 годами, пока город был под властью франков, присутствовали, и имели там владения. Остается только выяснить, где они находились, и что от них осталось.

— В общем, — подытожил Франческо, внимательно выслушав Диму, — раз уж мы связались в поиски, то нужно их довести до конца. Поэтому, коль мы и так находимся на территории Турции, давайте перебираться в Стамбул.

По дороге Дима развлекал Сергей-Вована рассказами из средневековой истории. Как выяснилось, бывший миланский «менеджер по экспорту» имел о сем предмете познания на уровне модных передач и книг «профессора» Радзинского, а стало быть, знания у него были даже не нулевые, а отрицательные.

Франческо, пользуясь тем, что у него появилось свободное время, всерьез занялся изучением русского языка, и даже начал кое-то понимать. Он с интересом прислушивался к разговору.

— Ну, в натуре, Димон — бубнил Сергей-Вован, не отрывая глаз от дороги. За рулем он вел себя так, будто в дорожном джипе, а не в обшарпанном «бусе», чем постоянно вызывал возмущение со стороны остальных участников движения, — крестовые походы, это типа народ за веру шел воевать...

— За веру? — парировал Дима, — да ты знаешь, Серега, что почти все, что написано о крестовых походах, это полный бред. Ну, как если историю СССР 60–70х годов и умонастроения живших тогда людей оценивать по материалам съездов КПСС.

— Да ладно тебе, баланду травить, — не сдавался Сергей-Вован, — а какого они тогда все бросали и валили в этот Иерусалим? Нищие паломники там, трали-вали...

— Баланду? — возмутился Дима, — ну тогда слушай историю типа голливудский блокбастер, и учти, что в ней нет ни слова выдумки...

Короче, тринадцатый век. Зажиточный бургундский крестьянин. Ну, кулак-миroeд по-нашему. Он возвращается с субботней ярмарки, где продавал свинину. Торги были удачными, потому что он с самого утра сбыв свой товар всем скопом заезжему фуражиру.

Получив кучу денег, и имея свободное время, он приходит в отличное расположение духа, обедает в трактире вместе с соседом-мельником, и под завязку нагружается коварным виноградным сидром, который тогда был для простолюдинов достойной заменой дорогому шампанскому. Он возвращается домой не затемно, как обычно, а немногим после обеда, и застаёт свою благоверную Марту в объятиях недавно овдовевшего кузнеца.

Сидр и эффект неожиданности делают свое дело. Когда озверевший кулачина приходит в себя, то он видит в своей правой руке колун, который напоминает четырехгранный штык (он использует сие орудие для проверки жировой прослойки у подшефных хрюшек), а по противоположным углам комнаты два окровавленных трупа неудачливых прелюбодеёв.

Наш герой — это вовсе не забитый до полуживотного состояния виллан из средневековых сказок и трудов Карла Маркса, а человек весьма неглупый и практический. Он отдаёт себе отчет, что понятие «состояние аффекта» в отличие от современного уголовного кодекса, согласно салическому праву смягчающим обстоятельством не является. Немного порефлексировав над остывающим телом не так уж и невинно убиенной супруги, он долго думает, потом запрягает своего любимого мула, и кавалерийской походной рысью выдвигается в сторону ближайшего монастыря.

Село, оно, как говорится, и в Африке село, поэтому местный староста получает конфиденциальное сообщение о семейной драме в доме свиновода из трех независимых источников еще до того, как тела потерпевших успевают остыть. Свиновод лучший друг и собутыльник старосты, сдавать его тому не с руки, но ведь независимые источники есть не

только у него, старосты, но и у господина барона. Поразмышляв, староста принимает непростое решение. Он дает команду трем сыновьям отправиться на место происшествия, и никого в дом не пускать, а сам выезжает в сторону баронского замка. Правда, он при этом использует упряжку с парой медлительных волов, чтобы дать приятелю шанс убежать как можно дальше.

У барона в это самое время гостит сосед-рыцарь, который недавно целым и невредимым вернулся из Палестины. Крепостные крестьяне в этот день играют одновременно две свадьбы, так что освященное вековыми традициями феодальное право первой ночи, наугощавшиеся шампанским и бургундским барон и его загорелый гость, используют на всю катушку, и с вариациями.

В общем, пока господа гуляют, Фемида не у дел, и старосте, который прождал весь вечер под дверями вместе с родственниками со стороны невест, в отличие от последних, с завистью прислушиваясь к тому, что происходит в глубине господских покоев, приходится заночевать у здешней родни. Утром ворота замка раскрываются, женихи и родители получают обратно изрядно помятых новобрачных, чья невинность была удостоверена самым что ни на есть официальным путем, а староста наконец-то прибывает на доклад к сеньору.

Сеньор, хоть и с доброго похмелья, с ходу врубается, в чем дело, видит, что тут пахнет колесованием, и, желая продемонстрировать гостю еще один старинный красивый обычай — баронский суд в действии, отправляет на задержание убийцы пешего сержанта с двумя копейщиками.

Оперативная группа добирается в деревню только к обеду. Подойдя к дому свиновода, они обнаруживают там вопиющую картину. Волосы дыбом встают на их головах, приподнимая тяжелые шлемы, при одной лишь мысли о том, что об этом кому-то из них придется рассказывать барону.

У ворот дома стоит монах, который отвечает за сбор податей для соседнего монастыря и, размахивая огромной кружкой, отгоняет от калитки старшинских сыновей, разъяренную сестру покойного кузнеца, и ее мужа, в глазах которых явственно просматривается желание: «Дайте нам его хоть за горло подержать». В это же самое время монастырский келарь, стоя посреди двора, раздает команды и оплеухи двум послушникам, которые радостно выгоняют из свинарника на улицу добрую половину всего наличного поголовья.

Зайдя в дом, пораженный староста застаёт внутри еще двух монахов, на сей раз каноников, которые завершают отпевание покойных. Убиенный кузнец и при жизни был далеко не Орlando Блум, да и к свинарке вряд ли можно применить термин «прекрасная», так что их вид ни у кого из присутствующих ни малейшего сострадания не вызывает. Так вот, эти, с позволения сказать, Ромео и Джульетта, уже худо-бедно обряжены, и готовы к погребению. Монахи что-то бубнят напоследок, оглаживая спрятанные под рясами окорока, а виновник торжества, протрезвевший, и какой-то просветленный, занимается непривычным делом. Сопя от натуги, постоянно укальваясь, и поминая при этом шепотом имя Матери Божьей очень даже всуе, он пришивает крест на крест к своей рубахе две красных матерчатых полосы.

Увидев на пороге своего приятеля, он, пользуясь отличным предлогом, с радостью отбрасывает работу и объясняет тому, в чем дело. Расположенный по соседству монастырь — центр диоцеза, а стало быть, там резиденция епископа. В отличие от безответственного барона, его преподобие умеет совмещать отдых с исполнением своих обязанностей. Узнав, что к нему прибыл зажиточный крестьянин с внеплановым покаянием, он с сожалением оставляет в келье послушницу, и выходит навстречу жаждущему спасения.

Уяснив, в чем суть проблемы, епископ воодушевляется. Остаток времени он проводит в беседе с грешником, при этом цитируя ему выдержки из энциклик папы Урбана. К утру свиновод полностью осознает и проникается, так что на заутрене епископ принимает у него

крестоносный обет, и в сопровождении духовных защитников отправляет домой, готовится к паломничеству.

Теперь, после того, как половина свиней перекочет на монастырское подворье, он сам, его сократившаяся семья, равно как и прочее движимое и недвижимое имущество находятся под защитой церкви. Дело осталось за малым. Так, простая формальность — во исполнение обета ему нужно посетить Иерусалим.

Помрачневшие стражи правопорядка отправляются обратно в замок, навстречу служебным неприятностям, а староста берет на себя инициативу в улаживании конфликта с родственниками покойного кузнеца и организацией похорон. Из секретного места, известного во все века грабителям и вора, то есть из-под печки, извлекается не такой уж и тощий кошель с серебром. Вместе со старостой и монахами пьется горькая, четырнадцатилетнему балбесу-сыну, который оставлен на хозяйстве, отдаются последние наставления, асам свиновод, который с этого момента получает громкий титул паломника, все на том же муле отправляется в сторону горного перевала, который через савойские земли ведет к итальянскому городу Турину.

Поездка верхом не автобусный тур, но тоже ничего. Работать не нужно, знай себе, погоняй мула, любуйся на альпийские луга, да вдыхай ее отравленный автомобильными выхлопами чистый воздух. Крест на рубашке делает свое дело. Паломника не трогают ни сеньоры, по чьим дорогам он передвигается, ни королевские сборщики податей. По пути встречается множество монастырей, где ему охотно предоставляют кров. Правда, к величайшему сожалению, он, как имущий, должен в обмен на место в странноприимном доме и обед, делать пожертвования. Тем не менее, такое путешествие обходится ему в два раза дешевле, чем если бы он пользовался услугами постоялых дворов.

Через месяц с небольшим наш паломник без особых приключений добирается до Венеции. Республика Святого Марка — это торгово-мореходный конвейер. Здесь номера со скидками для паломников не проходят. Узнав, в какую сумму обойдется плавание в Акру, он, со стонами и причитаниями, за полцены продает мула, и покупает себе место на палубе нефа, который в ближайшее время отплывает на Восток. Рано утром, в святое воскресенье, он, и еще три сотни путешественников, убывают в неизвестность.

Вестибулярный аппарат у нашего паломника самый что ни на есть заурядный, так что трехнедельное путешествие сливается для него в кошмарный сон с постоянным висением лицом вниз через борт и глотанием свежего воздуха.

Но все хорошее рано или поздно кончается. Паломник приходит в себя на пристани в желтом городе Акре. Он понемногу восстанавливает навык передвижения по твердой почве, осматривает окружающую экзотику, и думает, куда идти дальше. Как выясняется у вездесущих евреев, к которым он заглядывает, чтобы обменять серебро на местную монету, от Акры до Иерусалима неделя пути. Каждое утро у ворот Святого Антония собираются группы таких же, как он паломников, которых берут под охрану здешние рыцари-монахи. Принцип тот же что и в альпийских монастырях — имущие жертвуют на нужды ордена, сколько не жалко. Только вот и глупцу понятно, что неимущий до Акры просто так не доберется, так что жертвуют все.

Иерусалим в руках сарацин, и христианам с оружием в руках туда ходу нет. Но на Востоке торговля прежде всего, и заплатив на границе за право проезда, путники ощупывая изрядно похудевшие кошельки, наконец-то, лицезреют купола и мечети Святого Города.

Наш паломник, как и любой турист, попадает в ситуацию, когда платить ему нужно за все, и платить, по сравнению с родной Бургундией, втридорога.

За три месяца он в «составе группы», посещает Гроб Господень, второй раз в жизни крестится в реке Иордан, и получает у живущего в Акре Иерусалимского Патриарха грамотку, которая служит подтверждением для епископа, что он и вправду совершил паломничество в

Святую Землю, а не отсиживался где-нибудь в Марселе.

Проклиная всех и вся, он снова грузится на корабль, на сей раз генуэзскую галеру, и, запасшись сувенирами, с плохо скрываемой радостью наблюдает за тем, как тает за кормой берег Святой Земли.

Возвратившись к родному очагу, он прибывает на доклад к епископу, получает от того грамоту-индულгенцию, и возвращается к подзабытому за полтора года занятию — наращиванию поголовья свиней. Барон, которого он в свое время лишил законной добычи и великолепного развлечения, к этому времени умер, по одним слухам спьяну захлебнувшись в собственной блевотине, а по другим, был заколот женихом очередной новобрачной, который отслужил в вольных копейщиках, и не смог снести законного оскорбления. В замке заправляет его племянник, который сам собирается отправиться к Гробу Господню и преследовать покаявшегося свиновода не намерен.

Свиновод женится вторично. Он снова живет припеваючи, долгими зимними вечерами рассказывая молодой жене, овдовевшей сестре кузнеца, с которой он иногда развлекается, а также своим сыновьям и заходящему на огонек старосте об удивительном путешествии в заморские страны.

Вот что такое Серега, крестоносный обет в тринадцатом веке. А история это подлинная, она из рукописей Дмитрия Соларева. И свиновод этот ему был знаком, он пишет, что встречал его в Боне, а потом в Акре, и звали его — Якоб Весельчак.

— Тринадцатый век, число хреновое, — задумавшись о чем-то своем под рассказ Димы, машинально проговорил Сергей-Вован. Затем лицо его вдруг осветилось — то был тринадцатый, но у нас на дворе двадцать первый, мля, типа очко!

И пока Дима и Франческо в полном смятении чувств переваривали продукт логических умозаключений своего распальцованного компаньона, машина, весело поскрипывая неновыми амортизаторами, въезжала в предместья Стамбула.

К тому времени, когда Дмитрий в сопровождении двух братьев покинул келью и пересек мощеный брусчаткой двор, у входа в церковь толпились приведенные к церемонии взволнованные неофиты, среди которых были ле Бон и Хакенсборн. В центре толпы журавлем возвышался непутевый Жак.

Время от времени, один из облаченных в белый плащ братьев-капелланов выходил наружу, и призывал неофитов по одному — два внутрь.

Дмитрий вошел в церковь, и прищурил глаза, чтобы побыстрее привыкнуть к сумраку. Перед алтарем стоял магистр Франции де Ла Рош. Рядом — брат-драпиарий со стопкой аккуратно сложенных белых плащей. Братья-рыцари капитула Боне, небольшой группой столпились в притворе.

— Желаешь ли ты отречься от мира? — начал церемонию магистр.

— Да, желаю — отвечал Дмитрий словами, которые по Уставу должен был произнести неофит.

— Желаешь ли ты исповедовать послушание по каноническим установлениям и по наставлениям папы?

— Я желаю.

— Желаешь ли ты принять жизнь наших братьев?

— Желаю.

— Да поможет нам Господь наш, и да благословит нас, — закончил первую часть катехизиса Магистр, и продолжил, — добрый благородный друг, давал ли ты или иной человек за тебя, о чем ты знаешь, либо обещал что-либо любому человеку, чтобы тот помог тебе вступить в наш орден, ибо это была бы симония, и ты не смог бы спасти себя?

— Нет.

— Рыцарь ли ты, либо сын рыцаря, или ты рыцарского происхождения по своему отцу, так, что ты должен и можешь стать рыцарем?

— Да.

— Рожден ли ты в законном браке?

— Да.

— Давал ли ты клятву либо обет, и носил ли накидку другого ордена?

— Нет.

— Есть ли у тебя женщина — жена либо невеста, либо помолвленная? говори правду, ибо, если ты солжешь, и тебя признают виновным, с тебя снимут накидку и подвергнут жестокому позору, а после тебя отошлют обратно к твоей жене.

— Нет.

— Есть ли у тебя долг, от которого Дом может пострадать? Ибо, если так, с тебя снимут накидку и подвергнут жестокому позору, и тебя отошлют к твоему кредитору.

— Нет.

— Есть ли у тебя какая-либо тайная болезнь?

— Нет.

— Священник ли ты, и имеешь ли духовный сан?

— Нет.

— Добрый брат, ты просишь о великом, ибо в нашем ордене ты видишь лишь внешнюю сторону. Ибо суть внешность то, что ты видишь у нас прекрасных коней и хорошее оружие, и хорошую пищу и питье, и красивые одежды, и кажется тебе, что легко тебе будет. Но ты не знаешь о суровых заповедях, что лежат в основе, ибо тяжело будет тебе, кто сейчас хозяин себе, стать слугой для других. Ибо вряд ли когда-нибудь еще ты будешь делать то, что хочешь: если захочешь ты пребывать в землях по эту сторону моря, пошлют тебя по другую; и если захочешь ты быть в Акре, пошлют тебя в земли Триполи или Антиохии, или Армении, либо пошлют тебя в Апулию, или на Сицилию, либо в Ломбардию или во Францию, либо в Бургундию или Англию, либо в другие земли, где есть наши Дома и владения; и если ты пожелаешь спать, тебя разбудят, а если ты пожелаешь бодрствовать, тебе прикажут лечь в постель?

— Да, я вытерплю их все ради Господа.

— Добрый брат, ты не должен просить общества Дома, чтобы иметь земли или богатства, ни чтобы иметь телесный отдых или честь. Но ты должен просить его по трем причинам: во-первых — отойти от грехов этого мира, во-вторых — служить Господу нашему, и, в-третьих, чтобы быть бедным и принимать наказания в этом мире, для спасения души. И с этой мыслью ты должен просить его. Желаешь ли ты быть отныне все дни своей жизни слугой и рабом Дома?

— Да, если это угодно Богу, сир.

— Желаешь ли ты отречься от своей воли на всю оставшуюся жизнь и делать то, что приказывает твой командор?

— Да, сир, если это угодно Богу.

— Сейчас выйди и помолись Господу нашему, чтобы Он наставил тебя — закончил вторую часть церемонии де Ла Рош.

Дмитрий отошел от алтаря в притвор. Навстречу ему шел Жак с перекошенным от волнения лицом.

Пока Дмитрий, в соответствии с ритуалом, «размышлял и колебался», магистр провел обряд с Жаком, и отправил его в притвор. Дмитрий снова возвратился к алтарю.

Де ла Рош задал присутствующим братьям вопрос: «Добрые господа, вы видите, что этот достойный человек имеет великое желание быть в обществе Дома, и говорит, что он желает быть все дни свои отныне, слугой и рабом Дома, и я сказал ранее, что если есть кто-то среди вас, кто знает о нем что-либо, из-за чего он не должен стать братом, он должен сказать об этом, ибо, после того как тот станет братом, ему не поверят».

Не дожидаясь от Капитула ответа, Магистр обратился к Дмитрию. Один из братьев поднес ему пергамент со словами клятвы, чернильницу и перо. Дмитрий поставил свою подпись — и не было там ни единого креста, который заменял подпись тем, кто не знал грамоты.

Затем из рядов братьев вышел брат-капеллан, и Дмитрий вслед за ним начал нараспев произносить слова клятвы: «Я, Дмитрий Солари, желаю и клянусь служить Уставу Рыцарей Христа и его рыцарству с Божьей помощью, во имя вечной жизни, и с этого дня мне не будет дозволено избавить жизнь свою от бремени Устава. И клятва моя о вступлении в Орден будет строго храниться. Я передаю этот документ в присутствии братьев, и своей рукой кладу его к подножию алтаря, что воздвигнут в честь всемогущего Господа и благословенной Девы Марии, и всех святых. Отныне я приношу обет послушания Господу и этому Дому, и обет жить без имущества и хранить целомудрие согласно наставлениям Папы, и строго придерживаться жизни братьев Дома Рыцарей Христа».

Затем он лег лицом вниз поперек алтаря и произнес:

— Прими меня, Господи, по слову твоему, и дай мне жизнь.

— И да не сокрушишь ты меня в моей надежде — продолжили хором братья.

— Господь есть свет мой, Господь есть защитник моей жизни. Господь, смилуйся над

нами.

— Христос, смилуйся над нами, Господь, смилуйся над нами.

— Отче наш... — Дмитрий начал читать главную молитву тамплиеров. Его голос гулко отдавался от сводов церкви.

— И не введи нас в искушение — брат капеллан, завершил слова молитвы.

Брат драпиарий развернул перед Дмитрием белый плащ, а двое рыцарей помогли ему облачиться.

В это же самое время к клятве был приведен возвращенный из притвора Жак, и Дмитрий услышал его дрожащий юношеский голос: «Я, Жак де Молэ, желаю и клянусь...»

— Дмитрий, — из темноты дальнего предела вдруг раздался знакомый голос, — Дмитрий вздрогнул и сделал несколько шагов во мрак.

Голос Жака де Моле, читающего «Отче наш...» с каждым шагом становился все тише, а перед ним все четче вырисовывалась фигура в белом плаще. Это был де Фо. Дмитрий вздрогнул — морейского приора не должно было быть в Бургундии. Как и когда он появился в Боне?

Де Фо, властным движением руки подозвал Дмитрия к себе.

— Не ожидал меня здесь увидеть? — спросил он, — церемония посвящения еще не завершена. — Он поднял руку, в которой держал деревянное распятие — что ты видишь в этом образе?

— Господа нашего, Иисуса Христа — пожав плечами, ответил Дмитрий.

— Неправда, — ответил приор, и голос его приобрел металлические нотки, — не обманывай себя и меня. Ты же прекрасно знаешь, что Господь у нас в душе, а не в куске дерева. Если ты несешь Господа в себе — плюнь на этот фетиш для нищих духом.

— Это испытание, мессир? — с некоторой долей изумления спросил Дмитрий.

— Да, брат Дмитрий, это испытание для избранных, — ответил де Фо, — и если хочешь войти в круг посвященных, а не оставаться до конца своих дней простым воином-наемником, ты должен его пройти.

Перед внутренним взором Дмитрия промелькнула череда образов и картин: он причащается в Успенской церкви Печерской лавры, перед ним разворачивается история легионера — Лонгиниуса, он в церкви селения Вази с отцом Дионисосом, копье, летящее в лицо де Ту, Анна, лежащая в гробу, а рядом с ней маленький батистовый сверток, злобный взгляд морейского князя.

В глазах Дмитрия сверкнул недобрый огонь. Окинув приора долгим оценивающим взглядом, он произнес одними губами: «Анна» — а затем коротко и жестко плюнул на распятие. При этом де Фо просиял, словно до конца не верил, что Дмитрий это сделает. Взгляды их разошлись.

Пока Дмитрий покидал церковь, ту же самую процедуру де Фо попытался проделать и с Жаком де Моле. Юноша окончательно ошалел от происходящего, вконец разволновался и потерял способность рассуждать. Он толком не понял, что хочет от него приор, и очень испугался.

Де Фо не стал настаивать на осквернении распятия, и успокаивал его ласковым голосом: «Не волнуйся, брат мой, не волнуйся, ты выдержал последнее испытание. Вера твоя тверда, ступай и служи Господу нашему и Святой Земле».

Дмитрий вернулся в келью, прочитал там предписанные молитвы, и заснул. Сегодня, по правилам ордена ему полагался отдых до самой заутрени.

Разглядывая из окна такси тесные улочки центральной части города, Дима постоянно про себя твердил: «Иstanbul, Istanbul, Istanbul». Для него, как историка, нынешнее название города было хуже клички. Слово Стамбул, или точнее, по-турецки — Истанбул происходит от греческого «истан поли» — что означает просто «в городе». Дело в том, что византийцы свою столицу обычно в разговоре по имени не величали, называли просто Городом, а турки это слово принимали за название, и завоевав Второй Рим оставили за ним привычное их мусульманскому уху имя.

Насколько Дима помнил из университетского курса, следы человеческих поселений на этом месте относятся еще к позднему неолиту. Но датой возникновения города у современных историков принято считать VII век до н. э., когда греческий отряд под предводительством некоего Бизанта основал поселение на европейской стороне Босфора. Новый город был назван в честь предводителя поселенцев. Бизантиум (Византиум) благодаря выгодному географическому положению быстро рос и развивался. В 196 г. н. э. город вошел в состав Римской Империи, а в 330 году от Рождества Христова римский император Константин объявил его второй столицей, и переименовал в честь себя в Константинополь.

В городе развернулось грандиозное строительство. В короткий срок были возведены стены и укрепления, так что вскоре новая столица империи, по архитектуре ничем не уступала Риму, а по фортификации его значительно превосходила. С 395 г. Константинополь становится столицей Восточной римской империи, которую также называют Византией, памятуя о старом названии города. Ей суждено было надолго пережить своего западного соседа. Рим пал под ударами завоевателей в 476 г., и Византия осталась единственным оплотом античной культуры и цивилизации в окружении варварских королевств. Наивысшей точкой расцвета Византийской империи считается период правления императора Юстиниана, правившего в середине шестого века...

После того, как пророк ислама Магомет поднял в аравийских песках зеленое знамя джихада, арабские армии пытались захватить этот город восемь раз, но удалось это сделать лишь в 1204 году армии крестоносцев, во главе которой стоял маркграф Бонифаций де Монферрат.

В 1261 году город снова отвоевали греческие императоры — Палеологи, а в 1453 году он окончательно попал под власть османской империи, и последний басилевс погиб защищая городскую стену вместе с простыми воинами.

Мухаммед Второй, захвативший город, переименовал Константинополь в Стамбул и сделал его третьей по счету (после Бурсы и Эдирне) столицей Османской империи. Город стал главным центром исламского мира. В Стамбуле возводятся многочисленные дворцы и мечети. Некоторый сдвиг в сторону европейской архитектурной традиции здесь начался только с XIX века. Именно по той части города, архитектура которой в меньшей степени повторяла тюркский стиль, а напоминала все колониальное Средиземноморье, и пробиралась машина в поисках нужного места.

Кафе, в котором была назначена встреча, Дима с водителем отыскивали довольно быстро. Небольшая площадка, закрытая зеленым матерчатым тентом, расположенная на склоне холма, с которого открывался роскошный вид на Золотой Рог, выглядела именно так, как ее представлял

себе Дима из рассказов Сельви.

Воздух под тентом и все, что находилось внутри, насквозь пропиталось смешанными запахами отлично прожаренных шашлыков, и крепчайшего кофе. Внутри, было почти пусто. Ближе к мангалу расположилась какая-то европейская парочка, а в углу чинно терзали чайные стаканчики трое пожилых турок, которые рисковали к концу чаепития заработать косоглазие, потому что прямо напротив входа, вытянув через проход длинные загорелые ноги, восседала в гордом одиночестве Сельви. Короткие шорты и привычный по Таиланду топ, не скрывали от пытливых взглядов окружающих ни единого изгиба ее тела. Дима ностальгически вздохнул, плюхнулся на соседний стул и чмокнул ее в щечку.

При этом злопамятная Турка, продолжая жевать резинку, даже не соизволила подобрать ноги, или хотя бы снять темные очки.

— И чем я обязана такому вниманию? — ехидно поинтересовалась она, — исчезаешь прямо из постели, два месяца ни слова, ни мейла, ни СМС, а потом звонок в Анкару, приезжай, дорогая, жить без тебя не могу?

— Можно подумать, что мы с тобой муж и жена — заказав официанту двойной кофе ответил Дима.

— Ну, не знаю — пожала плечами Турка, — я, вообще-то, на тебя тогда очень обиделась. Я думала, что нам вместе хорошо.

Дима, хоть и привязался к Турке на Таиланде, положив руку на сердце, большого значения их флирту не придавал. Нет, она ему конечно нравилась, но вот если бы она к примеру также, как он, по-английски исчезла, он бы зла на нее не держал.

— Дело не в этом, Сельви, — произнес он при этом вслух, — отношения выяснить мы еще успеем. У меня тут в... Стамбуле появилось интересное дело, на котором можно неплохо заработать. А кроме тебя я в Турции больше никого не знаю. Так что решил вот поинтересоваться, не желаешь ли присоединиться?

— Дело-то хоть законное, или как все у русских, контрабанда или наркотики? — снова съехидничала Турка.

— Ну, как тебе сказать, — Дима сделал вид, что слегка замялся, — ни то, ни другое. Скорее, несанкционированная археология.

— Что, еще одну Трою решили откопать? — Турка все еще воспринимала его в штыки.

— Да нет. Тут одни люди случайно обнаружили координаты средневековой библиотеки, которая спрятана в одном из подвалов.

— И что? — голос Турки по-прежнему был насмешливым, но Дима, который неплохо успел ее в свое время изучить, уловил в нем нотки неподдельного любопытства.

— А то, что мы с друзьями втроем скинулись, и решили попробовать ее найти. Но без местных связей это сложно. Мне поручено спросить, не желаешь ли принять участие? Условия такие — либо полный пансион на время поисков, и доля от выручки, либо оговоренная сумма сразу после находки.

— А о чем конкретно идет речь? — теперь не на шутку заинтересовалась Турка.

— Средневековые латинские хроники — ответил, немного поколебавшись, Дима — может быть доспехи и оружие. Короче, тамплиеры.

Последний довод произвел свое обычное действие. При упоминании о рыцарях Храма, любой мало-мальски интересующийся историей человек понимал, что речь может идти исключительно о загадках и тайнах.

— Тамплиеры? — переспросила Турка, — а сколько я могу получить, если не хочу участвовать в доле? И что от меня конкретно нужно?

— Знаешь что, — ответил Дима, — давай-ка пообедаем, да съездим на море искупаемся.

Меня эти шашлычные запахи скоро доконают. А вечером встретимся вчетвером, и обсудим подробности.

— Если ты думаешь, что я прикатила из Анкары для того, чтобы с тобой на пляж сходить, — мрачно заявила Турка, и было непонятно, шутит она либо говорит всерьез, — то ты сильно ошибаешься, Дима. Сейчас быстро поедим, и поедим в гостиницу. Ты, кстати, где остановился?

Дима обреченно, и одновременно с этим обрадовано вздохнул, и чуть скосил глаза на неразличимый среди листьев дикого винограда объектив камеры, которую он прилепил на один из столбов, когда заходил в кафе.

— И где он такую лошадь откопал? — задал риторический вопрос Сергей-Вован, разглядывая Сельви на экране портативного телевизора.

— Да уж, — принимая у него из рук прибор, ответил Франческо, — для турчанки высоковата, и в кости, пожалуй, широка. Ну да выбора у нас особого нет. Нам работать нужно.

— Шашлыки заказали, гады, — сглатывая слюну, прокомментировал происходящее в кафе Сергей-Вован, — Димон, мля, точно век не кормленный, вон как накинудся, студент. Ну, время у нас еще имеется. Поехали и мы, брателла, червячка заморим.

Взятый на прокат «Шевроле» натужно завелся, и медленно двинулся вдоль улицы.

* * *

Под вечер, они встретились на азиатском берегу Босфора. Дима имел вид усталовзъерошенный, Турка напротив, отдохнувший и удовлетворенный, а Сергей-Вован и Франческо, которые на протяжении нескольких часов болтались по городу без дела, и при этом, чтобы убить время, заморили не одного червячка, были напротив, расслаблены и сонливы.

На сей раз для встречи, собаку съевшим в свое время на стамбульских стрелках Сергей-Вованом, была выбрана небольшая деревенская харчевня в городском предместье, которая лежала как раз на «дороге крестоносцев».

Сельви оказалась владелицей открытого «Сааба-9000», что вызвало огромное удивление у Димы еще днем, когда они после обеда садились в машину. Сергей-Вован при их появлении, увидев «неплохую тачку» удовлетворенно крикнул, и, похоже, несколько изменил свое отношение к турчанке, а пьемонтец Франческо на это отреагировал и вовсе безо всяких эмоций. После взаимных представлений они, заказав для начала одну лишь воду, приступили к переговорам.

Дима еще раз в присутствии друзей изложил Турке упрощенный вариант их истории, ничего при этом не рассказывая про МЭО и Бильдельбергский клуб, а только лишь упомянув, что они стали обладателями ценных документов, но, зная отношение здешних властей к раскопкам, не хотят ни с кем делиться, а желают сами проникнуть в подземелье и завладеть его содержимым. Сельви была далека от «ложного патриотизма». Ее волновали только деньги, и степень возможного риска.

Обсуждением размеров гонорара и условий сотрудничества, а проще говоря, торговлей, занимался в основном Франческо, как главный концессионер. Определив сумму и придя к взаимному согласию, они приступили к планированию дальнейших действий.

— Ну, в общем, если ты не против, — сказал Франческо, — то для начала нам бы нужно потихому и без регистрации снять жилье где-нибудь поближе к центру, и оформить на тебя машину.

— Без проблем — ответила Сельви — к завтрашнему утру все устроим.

— Как только обустроимся, — добавил Дима, — мне понадобятся старые планы города и твои консультации в турецком.

— Тоже не вопрос, — ответила Сельви и ему, — только вот, мне интуиция подсказывает, что дело не такое уж и безопасное, как вы тут изображаете. Что, думаете, я дура, и не замечаю, что ваши мобильники выключены, и следов вы оставлять не хотите? Так сильно даже черные археологи не конспирируются. Так что раз уж связались со мной, то выкладывайте все как есть. Не прогадаете.

Франческо рассмеялся своим пьемонтским смехом, а Сергей-Вован выдал трехэтажную тираду, которая у него означала высшую степень восхищения.

— Что это они? — спросила Турка у Димы.

— Это они оценили твою интуицию — ответил тот.

— А ты уверена, что хочешь знать все? — спросил Каранзано.

— И кроме как помочь хату снять и типа там, трали-вали, какую от тебя еще пользу можно для дела поиметь? — добавил Сергей-Вован.

— А такую пользу, камрады, — ответила Турка всем троим, приподнимая свои темные очки, которые она, похоже, никогда не снимала — что мой папа — заместитель министра промышленности и транспорта, а что это означает в нашей стране, не мне вам объяснять.

— Да это в любой стране много чего означает, — протянул до крайности удивленный Дима, а про себя подумал: «Теперь понятно, откуда Оксфорд и „Сааб“».

— А Димон, мля, базарил, что ты в натуре на Пхукете водолазом подрабатывала — пробубнил не менее огорошенный Сергей-Вован.

— А что, по твоему, если папа большой человек, то я должна дома сидеть под паранджой, или юбку ниже колен носить, и протирать ее в каком-то офисе? — немедленно контратаковала Сельви, — может, я опыту набиралась, чтобы свой дайвинг-центр в Анталии открыть?

— Тогда я не понимаю, — протянул Франческо, — зачем девушке из такой семьи нужны наши проблемы? Или папа денег не дает?

— Папа дает столько, сколько прошу, стоит лишь намекнуть, — огрызнулась и на него Турка, — но разве в этом дело? Я чувую, что ваша затея пахнет настоящим приключением. Я может быть, этого всю свою жизнь ждала!

— Ааа... — протянул в ответ Франческо, — так ты фильмов про Лору Крофт насмотрелась? — мне тоже нравится, особенно третья часть. Только вот, два сеньора, которые сидят рядом с нами, не дадут соврать, поиск древностей — это не цирковые номера и романтические похождения, а рутинная работа в архивах, ковыряние в грязи, и сопровождающие их постоянные тупики и разочарования.

— Вы нашли хоть что-то, только честно? — задала очередной вопрос Турка.

— Ну, так, кое-что, — слегка замаявшись от ее напора, ответил Франческо.

— Ну и как ощущения?

— Честно говоря, ради этого стоит жить — признался пьемонтец, которого прямые вопросы приперли к стенке настолько, что он не рисковал пустить в ход свою убийственную иронию.

— Еще вопросы имеются? — обращаясь теперь ко всем троим, произнесла Турка, и, не дождавшись ответа, опустила очки со лба на переносицу.

Дима тяжело вздохнул, подозвал циркулирующего на безопасном расстоянии официанта, и сделал заказ. Перед тем как изложить все события последних недель, стоило основательно подкрепиться. Сергей-Вован и Франческо с нескрываемым ужасом глядели на приближающийся к столу поднос, уставленный тарелками и судками.

Свой рассказ, сопровождающийся комментариями концессионеров, Дима начал с того

момента, когда на Пхукете раздался первый звонок коммуникатора...

В последующие за посвящением недели в жизни Дмитрия почти ничего не изменилось. Он все обучал братьев-рыцарей, оруженосцев и сержантов рукопашному и конному бою на копьях и мечах, движению эскадрона на марше и в атаке, а также копейным ударами. Но перед отъездом в Париж магистр де ла Рош предупредил, что он переводится в Заморье, куда убудет вместе с принятыми и обученными братьями с очередным конвоем. И вот наступил день, когда они покинули прецепторию Боне и выступили в Марсель, чтобы морем отбыть в Святую Землю. Вместе с Дмитрием туда отправлялись его ученики, а также ле Бон, Тамош и Хакенсборн. Брат драпиарий успел нашептать де ла Рошу, чтобы тот распорядился оставить в Боне Ставроса, но тот отказался наотрез расставаться с господином.

Проведав о коварных происках своего орденского начальника, Ставрос развил бурную деятельность. На протяжении нескольких дней командорство от обширных подвалов до креста колокольни звенело от его писка, который умолкал лишь на часы молитв. Ставрос демонстративно отказался ездить на рынок за продуктами и руководить кухонными слугами, что немедленно сказалось на обильности порций и жесткости мяса. После этого «хитрый грек» заявил, что передаст все свои связи на рынке брату драпиарию только в том случае, если тот добьется от магистра отмены предыдущего распоряжения.

Брат драпиарий сопротивлялся как Саладин под Акрой, и капитулировал лишь после того, как сам прецептор пригласил его в кабинет и в задушевной братской беседе пригрозил собрать капитул, на котором будет рассматриваться его, брата драпиария, недостойное поведение. И что ежели послушник Ставрос останется здесь его молитвами, то ни в каком ином драпиарии командорство Боне более и не будет нуждаться, а его, брата драпиария, таланты и способности вполне будут оценены где-нибудь в крепости Газа или замке Шате Пелерин, в северной Сирии.

Сразу же после беседы, в Париж поскакал специальный гонец с личным и секретным посланием к магистру. Резолюция, которую начертал на возвращенном через неделю послании мудрый де ла Рош, восстановила в Боне мир и согласие.

Восседа на возу, доверху груженом скарбом, который он с боем выбил из остающихся в командорстве братьев, Ставрос горестно вздыхал, и то и дело прикладывал к глазам батистовый платок с вензелями Вази. Правда, Дмитрий был уверен, что слезы толстячка предназначены не прецептории Боне, и не брату драпиарию, а молодой прачке, которая пользовалась особым благоволением бессовестного пройдохи.

К изумлению Дмитрия, по дороге в Марсель Жак де Моле проявил себя с самой лучшей стороны. В отличие от остальных братьев, которые, подобно всем молодым людям их возраста, невзирая на обеты, вырвавшись из казармы, только и думали о том, как бы сбежать от наставников и найти себе хоть какие-то пусть и невинные светские забавы, он строго соблюдал все предписания и ограничения ордена. Глядя на это, де Фо, который возглавлял отряд, назначил его старшим среди молодых братьев.

Не проявивший особых талантов в ратном деле Де Моле оказался прирожденным командиром, и руководя своими бывшими товарищами, закрутил гайки так, что поддержание дисциплины в рядах молодежи более не требовало постороннего вмешательства.

После посвящения в орден, дружеские отношения Дмитрия с де Фо, которые возникли когда-то, во время сидения в подземелье, заметно охладились. Внешне это никак не

проявлялось. Все были уверены, что их брат Дмитрий находится под покровительством всемогущего приора, но сам он чувствовал, что трещина, которая появилась после плевка на распятие, все растет и растет.

Марсель встретил их шумом и гамом большого портового города. Морские ворота Франции, большой рейд с десятком маяков, защищенный укрепленными островами. Как объяснил ему де Фо, город был основан за шесть сотен лет до Рождества Христова фокейцами, и до того как вошел в состав Рима, а затем государства франков, был аристократической республикой.

Вокруг города располагались многочисленные маслобойни, мыловарни и водяные мукомольные мельницы. В удобных гаванях всюду работали судоверфи и мастерские по пошиву парусов. Из Греции и Сирии сюда морем привозили шелк, сахар и пряности. Из Франции по Роне доставляли вино, кожи, и хлеб, а из далекой Англии — шерсть.

В отлично укрепленной гавани на рейде ждали места у причалов для выгрузки и разгрузки несколько десятков кораблей. На венецианском нефе, который доставил из Сицилии сарацинские ткани и зафрахтованном заранее братьями местного командорства им предстояло доплыть до Мессины, где собирался осенний караван паломников и крестоносцев, откуда он убывал через Кипр в Акру.

Вездесущий Ставрос, нашел здесь многочисленную колонию пейсатых соотечественников своей матери, и к концу первого дня пребывания в портовом городе возвратился с мулом на поводу, подгибающим ноги от огромных тюков с мылом, которое, по словам бывшего управляющего Вази, изготовлялось лишь здесь, в Марселе, и стоило, по сравнению с тем, сколько за него приходилось платить в других местах, сущую безделицу.

Робкий вопрос Тамоша, откуда у помощника драпиария взялось столько денег, вызвал у толстяка бурю негодования. Он долго разбрызгивал по келье слюну, и разорался по поводу «некоторых простолюдинов без роду, без племени, которые родились в никому не известном венгерском королевстве, хотя всем рассказывают, что они потомки ужасных гуннов, а на самом деле не имеют никого, кто бы им и полдень на три дня ссудил», из чего Дмитрий сделал вывод, что Ставрос разжился кредитом у своей «родни».

Неф, выйдя из Марсельской гавани, миновал укрепленные острова Помег и Ратонно и следовал мимо главной островной крепости, охраняющей подступы к городу — замка Иф. Дмитрий и де Фо, осмотрев размещенных в трюме коней, поднялись на кормовую башню. Здесь их окружили молодые братья, впервые совершающие путешествие по морю.

— А почему мы путешествуем не на галере ордена, мессир? — спросил один из неофитов по имени Ансельм, по мнению Дмитрия, самый способный из его учеников, — ведь Франция полна слухами об огромном флоте храмовников?

— Никогда не верь слухам, юноша, — терпеливо отвечал приор, — люди склонны к преувеличению, и любят рассуждать о вещах, которые им неизвестны. Мы плывем на нанятом корабле потому, что портовая гильдия Марселя разрешает ордену отправлять не более двух кораблей в году. Кроме того, весь наш морской флот ныне составляет двенадцать больших галер и четыре нефа. А это в несколько раз меньше того, чем располагает та же Пизанская коммуна, не говоря о Генуе и венецианской республике Святого Марка. Наш флот крейсирует между Аккрой и Лимассолом, что на Кипре, а еще ходит в Константинополь и сицилийскую Мессину. Связь с Англией мы поддерживаем через новый порт Ла-Рошель что в Бискайском заливе. При последних словах по лицу Дмитрия пробежала тень. Он задумался о своем, и отошел в сторону, делая вид, что наблюдает за чем-то интересным на берегу.

— Так корабли ордена не ходят в Англию мимо Геркулесовых столбов? — не унимался любознательный юноша, — я слышал в Боне рассуждение одного купца, что гораздо дешевле

доставлять все грузы по морю, чем по суше?

— Твой купец совершенно прав, — продолжил объяснения де Фо, — один средний неф может увезти товаров столько, сколько не увезет и сотня повозок. А сто повозок — это двести возниц, двести волов, да еще пятьдесят человек охраны. А нефу требуется только полсотни человек — команда и гребцы, а прочее делает за нас попутный ветер и течения. Только двух вещей не учел твой купец. Во-первых, море у Геркулесовых столбов кишит сарацинскими пиратами, и для того чтобы без опасений его пересечь, необходимо, чтобы нефы сопровождал сильный военный флот. Во-вторых, за проливом корабли ожидает океан, который простирается до края земли. По сравнению с его волнами и ветрами, самые страшные бури Средиземного моря выглядят невинным майским ветерком. Есть, конечно, смельчаки, которые отваживаются на такие путешествия, но их немного, и среди них нет капитанов ордена Храма.

Вы все прекрасно знаете, что единственной нашей целью является защита от неверных Святой Земли, и все принадлежащие ордену морские и сухопутные военные силы находятся именно там.

— Но еще ходят слухи, мессир, что корабли ордена подобно викингам, совершали плаванья через открытые воды далеко на Запад и нашли там земли, заселенные людьми.

— Только не вздумай произносить эти слова в присутствии брата адмирала, когда мы прибудем в Акру, — усмехнулся де Фо, — у него и так каждая галера на счету. Если кто-то придет к нему с нелепым предложением оторвать несколько кораблей от охраны конвоев между Кипром и Палестиной, и от блокирования африканского побережья, и ни с того ни с сего, отправить их в океан, на верную гибель, то сей смельчак рискует испытать на себе его гнев. И я бы не пожелал оказаться на его месте.

При последних словах де Фо со стороны молодых братьев раздался веселый смех. Приор оставил на растерзание любопытным одного из братьев-каппеланов, который побывал в Заморье, и, стараясь сохранять равновесие на качающейся палубе, подошел к Дмитрию.

— В суматохе сборов и переездов мы так и не успели поговорить — опершись руками о борт рядом с ним, сказал де Фо — в Марселе меня ожидало послание из Акры. В нем братья моего дома с прискорбием сообщают, что в Палестине погиб один рыцарь, который занимал особый пост. Похоже, что именно тебе, Дмитрий, придется его заменить.

Подготовительный этап поисков константинопольского командорства прошел успешно. Сельви оказалась девушкой не только раскрепощенной и продвинутой, но также практичной и оборотистой. Благодаря ее усилиям, они во мгновение ока стали арендаторами отличного дома с закрытым двором неподалеку от базара, и получили в распоряжение неброский, но просторный «Нисан-Патрол». В последующие дни Дима получил отличные планы центральной части города с указанием на них всех коммуникаций, и с помощью Турки, которая привлекалась к делу в качестве переводчицы, начал как он выразился «локализовывать район поисков». Продвинутый Каранзано занялся оцифровкой, масштабированием и наложением, а Сергей-Вован взял на себя по его выражению «фураж и пойло», то есть доставку в дом продуктов и прочих необходимых вещей.

После того как Дима перелопатил всю информацию, которую смог откопать в архивах и на просторах интернета, а Франческо завершил привязку данных на плане, выяснилось, что им предстояло обследовать участок, на котором в настоящее время располагалось всего шесть зданий.

Но перед самым началом «полевых работ», в монолитной до сей поры группе компаньонов, назрел серьезный раскол. И внес его никто иной, как Сельви.

Как-то, прекрасным осенним утром, которое не предвещало ничего тревожного, Сергей-Вован вышел к завтраку, и с ухмылкой заявил: «Ну, в общем так, братва. У меня это. Типа день рождения сегодня. Так что на хрен все ваши заморочки, сутки гуляем. А вечером готовьтесь, я буду проставляться»...

Диме, Франческо и Сельви рутинная работа порядком поднадоела, поэтому они с радостью согласились на выходной, и весь день посвятили подготовке стола и выбору подарков.

Торжественная часть была назначена на вечер, и друзья отлично успели подготовиться. Стол ломился от яств, которые были заказаны в любимившемся им придорожном ресторане, при этом в угоду специфическим наклонностям виновника торжества, его середину украшала трехлитровая бутылка «Смирновки» и две чуть не ведерных вазы, доверху заполненных красной и черной икрой, из которых залихватски торчали расписанные под хохлому деревянные ложки.

До того как компания расселась за столом, состоялось вручение подарков. Каранзано торжественно презентовал расплывшемуся от удовольствия Сергей-Вовану турецкий ятаган восемнадцатого века, шутливо заверяя, что честно приобрел его в антикварной лавке, а не похитил в музее. Дима преподнес большую коробку, в которой обнаружился портативный DVD-плеер с плазменным экраном последнего поколения, и коллекция из тридцати лучших, по мнению Димы исторических фильмов. А Сельви подарила новому знакомому настоящий корень женьшень, который был упакован в ярко красную, обитую изнутри бархатом коробку, сплошь покрытую тисненными золотом иероглифами.

Застолье удалось на славу. Дима и Сергей-Вован не «расслаблялись» с того самого дня, когда в Милане обнаружили злосчастную надпись, Франческо оказался большим любителем джина, а Сельви, попав в компанию «кладоискателей», старалась соответствовать, и, не отставая от них, налегала на вино.

Когда на черную икру невозможно было смотреть без содрогания, а трехлитровая бутылка была опустошена на две трети, или, как оптимистически выразился Франческо: «Еще на треть

полна», Дима начал терять контроль над ситуацией. Они долго о чем-то спорили с Франческо, потом он пытался усадить всех за просмотр фильма «Плоть плюс кровь», но безуспешно. Последняя рюмка, выпитая вообще непонятно с кем, его окончательно подкосила. Дима, стараясь держаться стены, нашел ванную комнату, и подставил голову под струю ледяной воды. Через некоторое время к нему вернулась некоторая трезвость мыслей. Для того, чтобы окончательно прийти в себя, он решил немного подышать свежим воздухом.

Стоя на крыльце и втягивая в себя прохладный ночной воздух, он вдруг обнаружил, что с «Саабом», который стоял в дальнем конце двора, происходит что-то неладное. «Воры» — подумал Дима. Хмель из головы частично выветрился, и он ринулся вперед, чтобы застать злоумышленников с поличным.

Но, как выяснилось при ближайшем рассмотрении, это были свои. Волосатая спина, которая горой возвышалась над открытым салоном «Сааба», могла принадлежать только одному человеку. Торчащие из-под нее длинные загорелые мускулистые ноги также не оставляли сомнений по поводу того, кто является их хозяйкой. Спина ритмично вздымалась и опускалась, при этом чудо шведского автомобилестроения покорно поскрипывало кожей сидений в такт амортизаторам.

«Сволочи! — подумал Дима, во мгновение ока протрезвев — Сельви стерва, да и Вован тоже хорош!» От обиды он чуть было не запустил в них чем-нибудь тяжелым, но сдержался, и ограничился лишь тем, что входя в дом, как можно сильнее хлопнул за собой дверью.

Над салоном «Сааба» поднялась взъерошенная голова Сергей-Вована. Он оглядел двор отсутствующим взглядом, и, после нетерпеливого тычка Турки кулаком под ребра, вернулся к прерванному занятию.

Сельви к нему вернулась только утром. Она хотела сделать вид, что ничего не произошло, но так и не отошедший за ночь Дима сразу же пресек эту ее попытку.

— Ну и — спросил он свою, теперь бывшую подругу — ты мне ничего не хочешь сказать?

— А что такое? — спросила предательница, глядя на него ясным и не замутненным даже тенью раскаяния взором.

— Да нет, ничего, — ответил Дима, и в его тоне яростно зазвенела унижительная обида мужа-рогоносца, — это у вас тут так принято, под каждого ложиться?

— Ты мне еще про шариат напомни — огрызнулась в ответ Сельви. Более не говоря ни слова, она собрала по комнате пожитки и, стараясь не глядеть в его сторону, вышла, закрыв за собой дверь.

До обеда все просидели по комнатам, стараясь не показываться друг другу на глаза. В конце концов, Дима проголодался, и вылез в холл, где застал своего соотечественника, который явно ждал его для объяснения.

— Ладно, земля, — примирительно-извиняющимся тоном прогудел Сергей-Вован, — будь проще, и к тебе потянутся люди...

— Та пошел ты... — огрызнулся в ответ Дима и отвернулся в сторону.

— Да ладно, чего по пьяни не бывает... — продолжал тот, не меняя тона, — все вмазали, девка молодая, день рождения, тое-мое, слово за слово, свежий воздух, перекур, машина... Что, будем грызться из-за бабы?

— Твоя баба? — поинтересовался Дима.

— Ну, брателла, если на то пошло, то и не твоя тоже, — с готовностью парировал Сергей-Вован, — она сама сказала что у нее два френда на Пхукете, и плюс к тому жених в Анкаре...

По большому счету, крыть было нечем. Но и проглатывать унижение Диме не хотелось.

— Если бы мы были в тринадцатом веке, — желая оставить за собой поле боя и получить от концессионера полную моральную сатисфакцию, тоном, более патетическим, чем того

требовала ситуация, произнес он, — то я вызвал бы тебя на поединок!

— А, так ты помахаться хочешь? — вместо того, чтобы продолжить извиняться, неожиданно обрадовался Сергей-Вован, — так это завсегда пожалуйста!

— Бандит ты по жизни, Серега, бандитом и помрешь, — опомнился Дима, который не видел никакого смысла подставлять свою голову под чугунные кулаки бывшего мастера спорта ради изменницы, — ты учти, что поединок подразумевает равные для противников условия, так что будем драться или на ятаганах или на вазах с икрой...

Компаньоны начали громко хохотать. Из кухни и спальни появились любопытные головы Сельви и Франческо, которые с тревогой ожидали, чем закончатся «разборки».

Слышь, Димон, — прохрипел Сергей-Вован, — анекдот хочешь? Короче эксперимент ставят ученые. Три необитаемых острова. На первом оставили двух англичан и англичанку, на втором двух французов и француженку, на третьем Василия Ивановича, Петьку и Анку. Через год возвращаются. Англичане все живут на разных концах острова и не разговаривают, потому что не были знакомы, и их некому было представить. Французы в первый же день убили друг друга на дуэли, и француженка в трауре носит им цветы на могилы. А наши — живут в одной хижине припеваючи. Василия Ивановича главный профессор и спрашивает: «И как же вам удалось добиться такой полной социальной совместимости?». «Очень просто — отвечает Василий Иванович — понедельник, среда, пятница — с Анкой сплю я, вторник, четверг, суббота — Петька, а в воскресенье оба ее бьем, за то, что гуляет».

— Это я что ли тебе Петька? — ехидно поинтересовался Дима.

— Да не, земля, ты у нас скорее Фурманов — ответил в тон Сергей-Вован.

— Ну, тогда Франческо, точно Котовский.

После этого дом потряс такой смех, что Франческо, который из всей беседы разобрал лишь свое имя, стал опасаться, что они привлекут к себе внимание соседей. Мало-помалу, все успокоились.

Заготовленных продуктов хватало на несколько дней, поэтому о приготовлении еды или покупке обеда можно было не беспокоиться. Когда влекомые голодом все четверо собрались за столом, Каранзано открыл совещание.

— Значит так, — сказал Франческо, — фильм про Бонни и Клайда надеюсь, все смотрели? Нет? Ну, посмотрите, когда время будет. Не в этом дело. Боюсь показаться занудным, но вынужден вам сообщить, что сейчас наша главная задача — уцелеть в этой переделке, найти то, что ищем, и получить наши деньги. И только потом все остальное. Поэтому давайте договоримся, что между участниками команды не будет с этого момента никаких амуров. Хорошо, что вчера все надрались как сапожники, и головы друг другу не проломили. Поэтому, все, что приводит к раздорам, и может нас погубить нужно исключить на сто процентов. Хоть на узел завязывайте. И если мы сейчас же, не вставая из-за стола, не договоримся, то как хотите, а я выхожу из игры.

— То есть как это, выходишь, — взвился Сергей-Вован, — после того как мы почти вычислили этот подвал, ты свалить хочешь по-тихому?

Франческо прищурил глаза и раскрыл рот, чтобы дать достойную отповедь зажавшемуся русскому мафиози, который всех вокруг оценивает своими собственными понятиями о чести и достоинстве...

— Немедленно прекратите, — почуяв недоброе, перебила его Сельви, — Франческо прав. И я тоже хороша. Так что, парни, если для вас так важно, с кем и чем я занимаюсь, то отложим это до лучших времен.

— Да, дорогая, вежливо произнес Франческо — не могла бы ты впредь воздержаться от своих, как бы это выразиться помягче, провоцирующих действий?

— Вот так всю жизнь, — проворчала Сельви, — только оказалась в компании трех настоящих мужчин после наших тряпок, так сразу же и ввели монастырские правила.

При последних ее словах, настоящие мужчины приосанились, и прониклись друг к другу уважением.

Выполняя взятые на себя обязательства, они расселились по разным комнатам, и на следующий день с утра пораньше выдвинулись в бывший константинопольский квартал Омония на рекогносцировку. В том, что от командорства тамплиеров, которое исчезло еще в середине тринадцатого века не осталось и следа, Дима не питал ни малейших сомнений.

* * *

За рулем, не уступая никому этого права, сидел Сергей-Вован. Рядом с ним на переднем сидении разместилась Турка, которая переводила с турецкого надписи и вывески. Дима и Франческо устроились сзади, подключили к ноутбуку GPS-приемник, и то и дело сталкиваясь головами, затаив дыхание, наблюдали за тем, как ползет по экрану красная точка, которая обозначала их местоположение.

«Все, Серж, приехали!» — завопили они, почти одновременно, когда точка вползла в отмеченный на спутниковом изображении города квадрат.

— «Хамами», — прочитал табличку с названием улицы Дима, и хлопнул Сергей-Вована по плечу, — тормози!

— Ща, разбежался, — пробурчал в ответ Сергей-Вован, — тут припарковаться негде, дай хоть с улицы сверну.

Место, где они остановились, представляло собой пустырь, окруженный заборами. С одной стороны пустыря было построено вполне современное строение, а вот домишки, которые теснились напротив, определенно, стояли здесь еще при царе Горохе.

В соответствии с разработанным планом, Дима и Сельви выбрались из джипа, и подчеркнуто озираясь по сторонам, двинулись к интересующим их постройкам, изображая парочку, которая «ищет своих старых знакомых».

Пока Турка общалась на своем зубодробительном языке с вышедшей из домика вполне современной женщиной, Дима внимательно оглядывал здания, и прилегающую к ним часть пустыря. Первые этажи домов представляли собой лавочки и мастерские. Судя по выразительным вывескам, здесь располагались сапожник, мастер по изготовлению ключей, портной, и даже небольшая типография. Но ничего, даже отдаленно напоминающего византийскую часовню он не обнаружил. «Ладно — подумал он — Франческо снимает на видео, вернемся домой, еще раз переглядим».

Но ни просмотр отснятых материалов, ни повторные вылазки на место, никаких обнадеживающих результатов не принесли. Дима и Франческо, ворча и ругаясь, возились с картами, пытаясь выжать из них хоть что-то еще, как вдруг в работе наметился прорыв.

Когда они с Сельви в очередной раз челночили по кварталу, на «Саабе», Турка заприметила на противоположной стороне улицы лавку с благовониями и решила ее посетить. Дима сладкие восточные запахи на дух не переносил. Он остался в машине, и от нечего делать стал оглядывать тупичок, где они припарковались. Скучающий взгляд по привычке скользнул по фасадам, уперся в фундамент одного, явно аварийного здания, и Дима обомлел.

Желтый пиленый ракушечник, старые, осыпавшиеся от времени блоки, чуть возвышающаяся над землей арка неведомого свода, подсказали ему, что это строение, стояло тут еще до турецкого завоевания.

Он вернулся в машину, позабыв о «конспирации», вытащил ноутбук, чертыхаясь от задержек, и постоянных подтверждений прав доступа, которые требовала установленная предусмотрительным пьемонтцем защита, вошел в сеть, и открыл систему «Google Earth», дающую доступ к спутниковым фотографиям Земли. Дима определил свое местоположение с помощью GPS, и дал максимальное увеличение. Картинка, которую он увидел на экране, была очень подробной — можно было разглядеть идущих по улицам людей, но беспорядочные крыши домов, превращали ее в какую-то перепутанную головоломку.

Сгорая от нетерпения, Дима бесцеремонно выдернул Сельви из магазина, где она упоенно обнюхивала батарею мензурок с эфирными маслами, усадил в машину, и, через несколько секунд, «Сааб» рванул в сторону резиденции.

Как ни странно находка Димы, не вызвала особого энтузиазма у «спонсоров».

— Ты, Димон, в натуре мля, думаешь, что мы с брателлой можем на свои кровные половину Стамбула перекопать — в два мощных глотка опустошив банку пива, проворчал Сергей-Вован — нам точно нужно знать, в каком месте работать.

— Серж абсолютно прав — присоединился к нему и Франческо — мало ли старинных фундаментов в этих кварталах. Нужно еще раз сверить с набросками, достать спутниковое фото, наложить на план...

Они увеличили изображение окружающих домов, и следующие сутки, почти без продыху «играли» с планом города, спутниковой фотографией и приблизительным контуром командорства в «Фотошопе», пытаясь их совместить.

Франческо и Сельви растащили файлы по своим компьютерам, а Дима, осатанев от бесконечной ряби стамбульских крыш, уступил свое место исполненному энтузиазма Сергей-Вовану, и, присев на диван, незаметно задремал.

Его разбудил часа в три ночи медвежий рев соотечественника, который перемежался отборной руганью, в которую, благодаря общению с Каранзано, с каждым днем все чаще вплетались итальянские экспрессии.

«Димон мля, — завопил он, после того как увидел что Дима проснулся — опять этот, типа файрволл в натуре пишет: „разрешить активность приложения?“, и кучу каких-то ДЛЛ выдает... Франек сказал, чтобы я того чего не знаю — не нажимал, а оно дальше не пускает».

Дима встал, размялся, и подошел к столу, чтобы помочь «малограмотному» компаньону. Он перегнулся через экран, чтобы «кликнуть» на нужной кнопке, бросил взгляд на экран, и остолбенел.

— Ты чего, брателла, змею увидел там, в натуре? — задал вопрос Сергей-Вован, одновременно с этим пытаясь запихнуть в рот внушительных размеров гамбургер.

— Тебе часто приходилось видеть тень у себя над головой? — спросил его Дима. Ясен хрен, что мы ничего понять не можем!

С этими словами он опустил экран ноутбука в горизонтальное положение, и развернул его «вверх ногами». Рот Сергей-Вована зафиксировался в положении «открыто», а гамбургер, зажатый в его лапище, завис над столом. Кусок мяса со следами мощных зубов в полной тишине медленно выполз из круглой булки, и, разбрызгивая во все стороны кетчуп, смачно шлепнулся на клавиатуру.

Картинка, после поворота ее на сто восемьдесят градусов, в глазах наблюдателя кардинально изменилась. До этого тени на ней отбрасывались снизу вверх, и не давали ощущения объема, а теперь глаза расставили все на свои места. Через хаос застройки современного Стамбула на снимке отлично просматривались очертания древнего Константинополя. Не было сомнений — вот контуры бывшего командорства, вот «развалины часовни», а здесь, если план, нарисованный родственником, правильно привязан к местности,

тот самый дом, в подвал которого выходит поземный ход.

Разбуженные компаньоны немедленно собрались в гостиной, и принялись за работу. Не прошло и получаса, как план командорства был привязан к местности.

Франческо немедленно мобилизовал Сельви на перевод, и вместе с ней засел за планы городских коммуникаций. Выходило, что в треугольнике, который образовывали вокруг командорства окружающие улицы, никакие земляные работы не велись испокон веку. Дело оставалось за малым — проникнуть в подвал интересующего их дома, и основательно там порыться.

Но как быть с хозяевами? Полдня все вчетвером дружно ломали головы, внося предложения, одно бессмысленнее другого, пока наконец, Франческо не нашел изящное решение. «Я, пожалуй, знаю способ, как можно добиться того, чтобы хозяева с радостью разрешили копать в своих подвалах — сказал он, с трудом сдерживая ухмылку — просто хозяевами должны стать мы».

Деятельность, которую после этого развернули Сельви, Сергей-Вован, и Франческо, была вполне достойна разбуженного декабристами Герцена. На следующий день они с удивлением выяснили, что вся недвижимость этого района принадлежит одному человеку — армянину по имени Гайк. Все лавочки и мастерские здесь тоже оказались армянскими.

Прознав, что какие-то люди присматривают недвижимость в этих местах, хозяин немедленно прибыл сам. Глядя, как грузный мужчина лет пятидесяти выбирается из спортивного автомобиля — крошки «БМВ», Сельви, из-за спин своих компаньонов осторожно захихикала, а Сергей-Вован удовлетворенно произнес: «Лопух! Такого возьмем без шума и пыли».

После того, как они перезнакомились, Гайк пригласил всех на обед. Принадлежащий ему армянский ресторан располагался в таком месте, что не зная дороги найти его было нереально, тем не менее, кухня здесь была самая лучшая, из всех, которые Дима встречал не только в Стамбуле, а, пожалуй, и вообще в своей жизни.

Не успели они расположиться за столиком, как перед ними появился шашлык из речной форели, который их гостеприимный хозяин называл хоровац. Разливая по рюмкам ароматный коньяк, Гайк посетовал, что на этой неделе форель обычная, речная, а не та, которую ему доставляют из озера Севан.

Под неспешный разговор о жизни, форель на столе сменила долма — блюдо, напоминающее голубцы в виноградных листьях, куда они, по совету хозяина, добавляли мацони с чесноком, которое было подано как соус, в отдельной миске.

Все пространство стола было заставлено тарелками и мисками со свежей зеленью и до кошмара горьким длинным стручковым перцем, хватив которого, Сергей-Вован долго фыркал, кривился и отпаивался коньяком. Был здесь и напоминающий брынзу армянский сыр, плоские листы еще горячего лаваша, помидоры, и разные соленья.

После обеда, когда они прикончили вторую бутылку коллекционного «Арарата», а третью смаковали под кофе, Гайк незаметно перевел беседу в нужное русло. Он с пониманием выслушал версию про желание молодых людей «приобрести недорогой домик в тихом месте», и уточнять детали не стал. Но глаза, которые внимательно оглядывали концессионеров из-под густых, брежневских бровей, словно говорили: «Вижу, голубчики, что тут дело нечисто». Как выяснилось, хитрый армянин сумел правильно оценить обстановку.

То, что Сергей-Вован ошибся, приняв армянина за «лопуха», стало ясно сразу же после того, как они перешли к обсуждению финансовой стороны вопроса. Гайк, с такой же добродушной улыбкой подуставшего от жизни пожилого сатира, негромким голосом озвучил цифру, услышав которую Сергей-Вован чуть не перегрыз коньячную рюмку, а Франческо

разразился короткой экспрессивной тирадой, из которой Дима вынес устойчивое убеждение, что вопреки расхожему мнению, итальянский язык приспособлен для ругательств ничуть не хуже, чем русский...

Все попытки друзей поторговаться, соблюдая добрую восточную традицию, наткнулись на железобетонную стену добродушного непонимания. Гайк отлично видел, что получит свое, и мыслей не имел, чтобы пойти хоть на малейший компромисс.

После того как они расстались, главные спонсоры проекта, Сергей-Вован и Франческо, еще долго ругались на русско-итальянском брутальном сленге, а затем, позвонив бессовестному домовладельцу, подтвердили свое согласие на покупку, и отправились на базу, чтобы через интернет вытянуть деньги со своих секретных счетов.

Чтобы не привлекать внимания, покупку решили оформить на Сельви. При этом Ликаренко и Каранзано оговорили, что если их поиски завершатся неудачей, то дом станет их собственностью.

Через несколько дней, дочь «турецко-подданного» заместителя министра с гордостью продемонстрировала друзьям контракт, который начинался словами: «Я, Гайк Григорян, с одной стороны и Сельви...» Таким образом, они вступили во владение недвижимостью, весьма и весьма сомнительной, с точки зрения оформлявшего сделку нотариуса, ценности. Жившая в доме семья, получила отступные в обмен на свой договор долгосрочной аренды, и чрезвычайно обрадованная тем, что нашлись идиоты, которые позарились на эту развалюху, праздновала новоселье в панельном доме современного городского предместья.

С трудом удерживая себя в рамках правил безопасности, которые установил Каранзано, концессионеры закупили и привезли в дом все необходимое оборудование, и лишь после этого, дрожа от нетерпения, приступили к осмотру подвала.

Выбросив наружу под видом подготовки к ремонту все барахло, которое здесь копилось десятилетиями, они разобрали каменную стену, и обнаружили за ней древнюю кладку. Следующие два дня они снимали землю слой за слоем, пока, наконец, не наткнулись на небольшой арочный свод. После того как он был полностью очищен, перед ними оказался узкий лаз, который напоминал подземный ход мосинопольского командорства. Несмотря на Димины протесты, на сей раз, первым полез в неизвестность его распальцованный соотечественник.

«Да уж — отплевываясь и стаскивая с себя комбинезон, прохрипел, вернувшись обратно, Сергей-Вован — хотел бы я, чтобы те ребята, которые это все строили, и моим домом занимались».

Хоть бы камешек со свода, мля, за столько лет отвалился. Короче, Димон, там, в конце хода дверь, чуть живая. Я ее валить не стал, думаю, что нужно втроем идти. Мало ли что. Так что собирайтесь, и через часок двинем». Нужно ли говорить, что «часок», отведенный на подготовку, был для Димы невыносим.

Деревянная дверь, которую обнаружил Сергей-Вован, и в самом деле легко подалась. Они проникли внутрь, протянули через подземный ход электрический шнур, затем приволокли софиты, и организовали, как выразился Сергей-Вован: «Достойное освещение».

Вспыхнул яркий студийный свет, превратив загадочное подземелье в голливудскую декорацию. После беглого осмотра выяснилось, что оно сильно отличается от того, которое они обнаружили неподалеку от Энези. Судя по всему, это помещение не предназначалось для долгого пребывания людей, так как не имело никакой «системы жизнеобеспечения», а было построено для того, чтобы укрывать орденские ценности. Большое сводчатое подземелье было уставлено сундуками, а его стены были сплошь в углублениях, в которых находились, многочисленные рукописи.

Каранзано установил под стойками софитов штатив с видеокамерой, и приступил к

методической съемке, Дима ринулся в сторону «книжных полок», а Сергей-Вован немедленно рванул к сундукам, и начал их открывать один за другим, издавая при этом звуки, которые у него обозначали высшую степень восторга. «Ни хрена себе — произнес он, поднимая над головой отлично сохранившийся меч — да тут доспехов на целый взвод!»

Беглый осмотр того, что они обнаружили в «запасниках» командорства, показал, что даже если здесь и не отыщется пресловутая Плащаница, то в любом случае, они стали обладателями богатства, даже приблизительная оценка стоимости которого, вызвала бы у практичного Гайка Григоряна (если бы он узнал о том, что скрывалось в подвалах так удачно проданного им дома), немедленный выброс в кровь всего содержимого желчного пузыря.

Кроме доспехов, здесь обнаружился небольшой сундук, доверху набитый шелковыми мешочками с золотой и серебряной монетой.

Библиотека, которая располагалась на стеллажах, после того, как Дима пробежал глазами названия книг, привела историка в предынфарктное состояние.

— Братцы, — сказал он, чуть переведя дух, — а вы знаете, что пресловутая «либерия» Ивана Грозного, которую до сих пор ищут в Москве, судя по всему, находится перед нами. В общем, по сравнению с тем, что мы нашли, пожалуй, и Шлиман со своей Троей отдыхает.

— Какой еще на... Шлиман? — спросил, тяжело дыша, и отдуваясь Сергей-Вован, который, как раз пытался натянуть на себя длинную кольчугу.

— Да был такой черный археолог всех времен и народов, — не стал вдаваться в подробности Дима, — Трою тут недалеко раскопал, которую до этого считали выдумкой Гомера.

После того как улетучилась первоначальная эйфория, концессионеры, вспомнив, зачем они, собственно, сюда пришли, по настоянию Димы усадили Турку за инвентаризацию, а сами приступили к методичным поискам.

Дима, как бывший археолог, сперва добросовестно пытался побольше отснять, и сделать все возможные замеры при помощи лазерной рулетки, пока раздраженный неоправданной тратой времени Сергей-Вован не порекомендовал ему в обычной манере, куда именно «Шурик» должен засунуть свой «сантиметр». К нему присоединился Франческо, правда, в более обтекаемых формулировках, и дело пошло быстрее...

Несколько суток кропотливого копания в сундуках, работы с металлодетектором, и обстукивания стен, так и не принесли желаемого результата. Поиски завершились после того, как Франческо наткнулся на небольшой ларец с рукописями, оставленными, как и в Энези, Дмитрием Соларевым.

Плащаницы в ларце не оказалось, но вместо нее обнаружился предмет, который ясно давал понять, что их поиски ведутся в правильном направлении. «Вот, смотрите!» — завопил Дима, достав из ларца и поднимая над головой сверкающий в искусственном свете золотой кругляшок. После того как он извлек из-под рубашки фамильный оберег стало видно, что на его кулоне и медальоне тринадцатого века изображен один и тот же рисунок свастики, а у Дмитрия, кроме этого присутствует тамплиерский крест, в точности повторяя изображение из Сидонской Капеллы.

В ларце, кроме объемистой рукописи, упакованной в просмоленную холстину, находился непонятный каменный брусок, сплошь покрытый иероглифами.

Выбравшись с бесценной находкой на поверхность, Дима, оставив друзей удовлетворять любопытство, приступил к ее изучению. Вечером в гостиной он поделился результатами своих исследований.

— В целом, — сказал он, — снова отсылка в другое место. Вот очередная шарада, которую нам оставил Дмитрий, перевожу со старославянского:

«Ключ, который вы найдете, а с ним и знак, откроют, тому, кто сможет проникнуть в сердце Египта, путь к сокровищам Аль-Кусора. Прочее ищите в доме Храма, что расположен в Тродосе. Отправляясь в Морею, чтобы помолиться на могиле Анны, я извлеку истинную реликвию из могилы Бонифация, дабы не стала она достоянием тех, кто хочет внести смуту в наш мир, который и так неизвестно чьей волей до сих пор не обрушился».

Франческо внимательно выслушав перевод, разразился длинной, и очень эмоциональной тирадой, из которой любому, даже самому неспособному к иностранным языкам человеку, становилось ясно, что пьемонтец больше никогда в жизни не будет играть в компьютерные квесты и желает всяческих несчастий их разработчикам.

— Значится так, — вклинился в обсуждение Сергей-Вован, — у нас, я так понял, мля, две наточки. Первая — горы Тродоса, вторая — этот, мля, Аль-Кусор. Ну с Тродосом понятно — это Кипр, горы там такие в которых монастырей до хрена. Плавали, знаем. А что за второе место?

— Аль-Кусор — это нынешний Луксор, — ответил Дима, — в тринадцатом веке Египет был совсем не таким как сейчас.

— Предлагаю начать с Кипра, — сказал Франческо, — во-первых, он всем хорошо известен, а во-вторых, если там были владения ордена, то вероятность найти Плащаницу гораздо выше, чем в Египте. Осталось решить, что нам делать — продолжать поиски, или ограничится тем, что мы обнаружили здесь?

— Второе правило преферанса, — согласился Дима, — сначала посмотри в карты соседа, в свои всегда успеешь. Законсервируем подземелье и отправимся на Кипр. По дороге я поищу, где там были тамплиерские командорства. Ничего не найдем — двинем в Египет.

За продолжение поисков проголосовали все концессионеры.

Под утро, несмотря на разгар лета, пещера вымерзла настолько, что путников спасали лишь теплые шерстяные плащи. Здесь, на окраине Большой сирийской пустыни, где она упирается в холмы, которые, в свою очередь, купают каменистые отроги в Мертвом море, дневной зной переходил в ночную стужу, почти сразу же после того, как солнце скрывалось за каменной грядой.

— Понимаю библейских пророков, — пробурчал только что вернувшийся в пещеру брат Ансельм, которого первым выгнала на еще не прогретый воздух утренняя нужда, — поживи здесь, в скалах, один хоть недельку, еще и не такие видения в голове сами собой возникнут.

Брат Дмитрий, маршал Дома, который ввиду особой важности и значимости, лично возглавлял эту экспедицию, не счел нужным отвечать молодому человеку, хотя речи его были откровенно еретическими. Прочитав утреннюю молитву, он вышел наружу, и подставил лицо утренним лучам.

О том, чтобы брать с собой в скалы лошадей, нечего было и думать, тамплиеры, оставили своих скакунов с небольшой охраной в развалинах замка Керак, расположенных неподалеку от большого караванного пути, соединявшего Сирию и Египет. Отряд под руководством Дмитрия, много дней, довольствуясь лишь малым, пробирался через нагорье, от скалы к скале, отыскивая вместе с проводником-сирийцем тот самый подземный храм, где он видел изображения, чрезвычайно интересовавшие Ронселена де Фо.

После молитвы и непродолжительного завтрака, они продолжили путь.

Пока солнце не вступило окончательно в свои права, отряд быстро собрался в дорогу и под бдительным надзором Дмитрия вытянулся в цепочку по спускающейся вниз тропе.

Как обычно, возглавляли группу самые опытные — Тамош и Хакенсборн. Держа наготове мечи, они зорко оглядывали окружающие скалы в поисках засады. Вслед за ними двигались Ансельм и еще двое братьев, которые владели непростым искусством точной стрельбы из лука. Далее, шли пятеро носильщиков, несущие на плечах найденные в горах амфоры, и остальную поклажу. Замыкал отряд сам Дмитрий со своим новым оруженосцем, Конрадом, который нес за ним легкий пехотный щит, и был готов в любой миг передать его своему господину.

Привычные к пешим переходам тамплиеры берегли силы, и в пути почти не разговаривали, обходясь лишь необходимыми жестами. Миновав скалистый участок, и спустившись в долину, где местность просматривалась на расстояние полета стрелы, Дмитрий, не подавая внешне вида, чтобы не расслаблять своих солдат, сам чуть успокоился, и, чтобы скрасить монотонность движения, стал вспоминать события, произошедшие семнадцать лет назад, когда он только прибыл в Заморье.

Тогда по пути из Марсея они попали в шторм. Непогоду пришлось переждать на рейде генуэзской гавани, поэтому они прибыли в Мессину слишком поздно для того, чтобы отправиться на Кипр вместе с осенним конвоем.

Кораблей у тамплиеров было немного, и все они были задействованы для перевозки братьев, а также необходимых товаров из Европы в Святую Землю, так что добираться до места назначения морем, на перекладных, опытным братьям было не впервой.

Шумная Мессина — главный перевалочный пункт между южной Италией, Европой, северной Африкой, и Востоком, поразила их, прежде, всего огромным количеством мусульман.

Де Фо, хорошо знавший историю этого края, рассказал, что правившая здесь семьдесят лет назад норманнская династия процветала в основном потому, что сохранила в Сицилии старую мусульманскую систему управления, и не притесняла ни живущих здесь издавна арабов, ни расплодившихся во множестве иудеев. Пришедшие им на смену Гогенштауфены также не ломали местных традиций, а вот воцарившийся в прошлом году брат французского короля Людовика Святого, Карл Анжуйский, сразу же начал раздавать лены и доходные места франкам, изгоняя местных управителей, и во мгновение ока разорил некогда богатую страну.

С момента отплытия конвоя прошло три дня, а стало быть, даже зафрахтовав быстроходную галеру, они не смогли бы его догнать. Прибывшие братья разместились в местном командорстве и стали дожидаться оказии.

Ставрос и Тамош, которые всю дорогу бранились по любому поводу, и не могли поделить даже сена между конем доблестного оруженосца, и мулами «первого помощника брата драпиария», по прибытию на Сицилию неожиданно быстро нашли общий язык, и вдвоем отправились на арабский рынок, где очень удачно продали приобретенное в Марселе мыло.

Прижимистый «тамплиер» — Ставрос, который, одновременно с этим, был очень осторожным и практичным, не пожалел, что взял в долю прямого и бесхитростного венгра. На следующий день, тот, не заметив, что Дмитрий умывается за развешенными для просушки простынями, рассказывал Хакенсборну, о том, что их там чуть было не прирезали местные разбойники, и если бы не он, Тамош, то не было бы у них сегодня ни Ставроса, ни мыла, ни мула.

Десятую долю выручки, «негоцианты», как собратья ордена, не дававшие обет бедности, передали местному казначею, Ставрос вернул ссуду местной еврейской общине, а на оставшиеся деньги, они как члены крестоносного братства, предложили приобрести оружие и припасы для путешествия.

Дмитрий, согласно уставу, испросив разрешения у де Фо, и получив его, отправился с Тамошем и Хакенсборном в арагонский оружейный квартал, где приобрел две отличных кольчуги, и кинжал-мизерикордию толедской работы. Не остался обойденным и Ставрос, который получил новую упряжь для своих любимцев.

Нужный корабль нашелся только через две недели. Им оказалась небольшая торговая галера, принадлежавшая одному из греческих семейств, которое владело судами, похоже, еще со времен древнего Рима. Им предстояло месячное плавание мимо Пелопонесса, минуя греческий архипелаг, и остров Крит, до Лимассола, откуда до нынешней резиденции иерусалимских королей, города Акры, было рукой подать.

До венецианского порта Модоне, лежащего на полпути между Мессиной и Лимассолом, они добрались без происшествий, не считая того, что Ставрос опять вусмерть, поссорился с Тамошем и Хакенсборном, отказываясь выдавать им для умывания остатки злосчастного марсельского мыла. В тяжбу и разбирательства были втянуты чуть ли не все пассажиры галеры а также и ее команда.

Мирил противоборствующие стороны неизменно рассудительный Жак де Моле. Перемирие длилось ровно столько, на сколько оруженосцам хватало выданного им Ставросом обмылка. Поэтому через каждые пару дней представление начиналось снова и снова, пока доблестные вояки чуть было, всерьез не решили выбросить скандального толстяка за борт. Но тут вмешался Дмитрий, после чего все трое ни разу больше не обменялись ни одним оскорблением, а слово «мыло» боялись произносить вслух.

В путешествии Дмитрий, который раньше никогда не поднимался на борт большого корабля, с интересом наблюдал за моряками. При попутном ветре капитан, давая гребцам отдых, приказывал поднять парус. Если же ветер был боковой или встречный, то парус

опускался, и гребцы налегали на весла. Но стоило лишь подняться волнению, как осторожный грек немедленно начинал искать укрытие, чтобы стать на якорь, и дожидаться когда море успокоится.

Один раз, когда ветер поднялся неожиданно, и рядом не оказалось подходящего залива, их чуть не вынесло на прибрежные скалы.

Тамплиеры, сгрудившись под мачтой, с тревогой наблюдали, как свежий ветер прижимает галеру к берегу, гребцы работают вовсю, но не справляются с неповоротливым судном, а рулевые налегают на кормовые весла, и всеми силами стараются отвернуть борт галеры от торчащих из воды камней.

Тогда команда справилась с ветром, прилагая невероятные усилия, да и то, как объяснил попозже капитан, благодаря тому, что на галере были вольнонаемные гребцы. Пленные или рабы в таких случаях не предпринимали особых усилий для спасения, потому что крушение было их шансом обрести свободу.

После того, как они миновали Крит, галеру атаковали пираты. Услышав, вопли впередсмотрящего, которые тот издавал из гнезда на верхушке мачты, Дмитрий, занимавшийся уходом за своими доспехами, поднялся на ноги, и увидел, как из-за выдающейся в море скалы выдвигается галера, по размерам немногим больше их, но быстроходная, и оснащенная боевым тараном. Подставив косой латинский парус попутному ветру, и чуть не ломая весла, пираты ринулись наперерез.

Не подозревая, что на борту помимо команды, умевшей худо-бедно держать в руках оружие, находятся еще и несколько франкских рыцарей, каждый из которых даже в пешем бою стоил десятка обычных солдат, нападавшие вели себя бесцеремонно, и столпившись баке размахивали оружием, выкрикивая угрозы.

Капитан служил в свое время в военном флоте. Он попытался выполнить маневр уклонения, но галера не была приспособлена для боевых действий, и не успели они подставить под удар корму, как в них врезался с хрустом нос пиратского корабля. Нападавшие, не дожидаясь, пока их товарищи принайтуют борт к борту, с дикими воплями перевалили через фальшборт, и, считая первый ряд защитников, хлынули на палубу.

Увидев, что из-за наполовину опущенного паруса выдвигается ошестинившаяся мечами шеренга закованных в сталь рыцарей в белых плащах, нападавшие на миг оторопели, но, не потеряв самообладания, продолжили атаку.

Бой на палубе, продолжался недолго. Тяжелые мечи, со свистом рассекавшие воздух, в руках подготовленных Дмитрием молодых братьев, не встречали особых преград — ни в виде сабель и палашей пиратов, ни в виде их легких кожаных наплечников. Вскоре вся палуба была завалена убитыми и ранеными, а из тамплиеров никто не пострадал.

Очистив палубу от нападавших, тамплиеры во главе с ревущим, как берксерк Тамошем, ринулись на пиратский корабль. Там их ожидали опытные бойцы. Судя по оружию и доспехам, это были венецианцы.

Дмитрий, убедившись, что его личное участие в рубке более не обязательно, вышел из боя, чтобы оценить ситуацию, и при необходимости прийти кому-нибудь на помощь. Глядя на братьев, которые окружили полукольцом оставшихся в живых пиратов, и шаг за шагом теснили их к корме, он вдруг понял, что маневры на раскачивающейся палубе в доспехах смертельно опасны — тот, кто не удержится и выпадет за борт, сразу же пойдет ко дну, как топор.

Собственно, так оно и вышло. Неповоротливый де Моле опоздал к схватке, и теперь несясь во весь дух, чтобы присоединиться к товарищам. Прыгая через фальшборт, он поскользнулся на куске мыла из запасов Ставра, которое во время схватки рассыпалось по палубе, зацепился ногой за крюк, и нелепо размахивая руками, чуть было не рухнул в лазурную пучину.

Оказавшийся рядом Дмитрий, к счастью, успел перехватить его за ремень. Спасенный рыцарь от мощного рывка рухнул на палубу.

Пока он возился с Жаком, ситуация на соседней палубе изменилась. Один из молодых братьев был убит, а остальных начали теснить более опытные противники. Дмитрий, в одном лишь войлочном подшлемнике, перепрыгнул через пиллерс, и сразу же оказался в гуще схватки.

Оставшиеся в живых пираты дрались отчаянно, не на жизнь, а на смерть, и сдаваться в плен не собирались. Он выбрал самого, на его взгляд опасного противника, которым оказался один из вооруженных прямым морским палахом венецианец, привлек его внимание резким криком, вступил в поединок, отвел подальше от ревушей толпы, и начал теснить к корме.

Но отсутствие опыта сражений на палубе корабля сыграло и с ним злую шутку. Его постигла судьба де Моле — зацепившись за канат, Дмитрий рухнул на палубу. Защищаясь от рубящего удара, он успел перекатиться в сторону, но палаш противника на самом излете, успел зацепить лицо.

Взвыв от боли, не обращая внимания на кровь, которая начала заливать глаза, Дмитрий воспользовался неожиданным преимуществом — противник слегка развернулся к нему боком — и нанес ему сильный колющий удар снизу вверх. Пират рухнул на палубу, а Дмитрий увидел сквозь кровь, как того добивает кто-то из морейских бургундцев.

Более Дмитрий в схватке участвовать не мог, да это и не понадобилось, потому что после того, как Хакенсборн отсек руку главарю, уцелевшие пираты немедленно опустили оружие.

Обругав на чем свет стоит охающего и ахающего вокруг Ставра, Дмитрий стер поданным полотенцем кровь с лица, и, цепляясь за валяющиеся на обеих палубах тела, отправился в трюм, чтобы сделать перевязку, но по дороге упал, и потерял сознание.

Наутро моряки расцепили корабли, сбросили в воду убитых пиратов, и при помощи тамплиеров привели обе галеры в относительный порядок. После этого, де Фо устроил суд. Согласно древнему обычаю, любой пират объявляется «hostis humani generis» — врагом рода человеческого, и потому подлежит суду и наказанию в любой стране.

Оставшихся в живых нападавших — шестерых смуглых и черноволосых искателей удачи, явно арагонского происхождения, и троих венецианцев, со связанными руками выволокли из трюма на верхнюю палубу, где собрались все здоровые пассажиры, и свободные от вахты моряки.

Дмитрий с перевязанным, ноющим от боли лицом, наблюдал, как под тумачами оруженосцев пленники опускаются на колени, и де Фо занимает место на тюке с лионским сукном, заменившее ему судейское кресло, а Хакенсборн, взявший на себя неблагодарную работу палача, сжимает в руках купленный в Мессине меч.

Судилище продолжалось недолго. Шесть разбойников, которые и впрямь оказались каталонцами, были для возмещения ущерба переданы капитану галеры, и определены гребцами. Капитан, не желая рисковать, намеревался продать их на невольничьем рынке в одном из сирийских портов.

С венецианцами оказалось сложнее. Допрос показал, что они держали патент на промысел в водах одного из мелких критских сеньоров, и постоянно нападали на суда, идущие без эскорта. Можно было, конечно, усмотреть в их действиях «ошибку», но решение де Фо было однозначным. Сквозь пропитанную кровью повязку Дмитрий увидел, как два матроса наклоняют связанного человека через борт, Хакенсборн, держа меч обеими руками, замахивается, широко рубит сверху вниз, а из осиротевшей шеи в море бьет поток крови...

Вынырнув из воспоминаний, Дмитрий вздрогнул от неожиданности — эта картина вновь стояла у него перед глазами. Пока он был погружен в прошлое, отряд добрался до керакского оазиса, и один из тамплиеров, набрав в ведро воды из колодца, выливал ее в корыто широкой

струей, чтобы напоить лошадей.

Немного отдохнув, тамплиеры навьючили лошадей и выступили в сторону извилистого серпантина, спускающемуся к берегу Мертвого моря. Далее путь лежал по мусульманским землям, к морю, до Аскалона.

После казни капитан разделил команду для того, чтобы управлять трофейным кораблем. Де Фо сразу же перебрался на более быстроходную пиратскую галеру, а Дмитрий остался на торговом корабле. Рана его никак не заживала, и он надолго слег в лихорадке.

Он пришел в себя лишь к тому времени, когда они миновали анатолийское побережье, и на горизонте появились горные вершины Кипра. Он сбросил с головы ненавистные повязки, и, держась за канаты, медленно двигался по палубе. Поймав очередной взгляд норовившего быстро отвести глаза матроса, он понял, что с ним что-то не так.

— Ставрос — позвал он своего бывшего управляющего.

— Чего изволите? — вырос из-под земли притихший плут, которого на следующий день после сражения, изрядно поколотил чуть не утонувший из-за куска злосчастного мыла Жак де Моле.

— В Модоне грузили венецианские зеркала для кипрского Тампля, — озадаченно произнес Дмитрий — а ну-ка, принеси мне одно, поменьше.

— Да как же можно такую-то ценность распаковывать в дороге, — заверещал, всплеснув руками, толстячок, — вы, ваше святейшество, то есть, извиняюсь, брат шевалье де Вази, ну я хотел сказать, господин брат Дмитрий, уж не беспокойтесь, вот доберемся мы в Лимассол...

— Зеркало — прорычал Дмитрий, сразу же почуяв неладное в испуганно-умильных интонациях своего слуги.

Ставрос, не говоря более ни слова, пихнул под бок Тамоша с Хакенсборном, которые прибежали на его писк, и они втроем вытащили на палубу квадратный кусок посеребренного стекла в дорогой резной раме.

Дмитрий, взявшись за него обеими руками, взглянул на свое отражение, и потерял дар речи. Сабельный удар затянулся кое-как, и теперь шрам пересекал правую половину лица сверху донизу, переламывая все черты лица. Глядящее на него отражение годилось, скорее, для картины страшного суда, изображающей дьявола.

Долина реки Иордан была, в отличие от нагорья и берегов Мертвого моря, густо заселена. Не обращая внимания на встречных пастухов и земледельцев, которые, при виде его лица, в зависимости от своей религии, вспоминали кто Иисуса, кто Аллаха, а кто Яхве, Дмитрий вспомнил Тродос с Лимассом.

Казалось, что вечность прошла с тех пор, как они высадились с отрядом новобранцев в Лимассольской гавани.

Де Фо, который прибыл на Кипр на трофейном корабле на два дня раньше, в первый раз глядя на обезображенное лицо Дмитрия, единственный из всех не смутился. «Господь — сказал он — избрал тебя, и дал множество искусов. Молись, брат Дмитрий, и служи Храму, а прочее — суета сует». Вскоре Дмитрий и сам начал находить в своем нынешнем облике некоторые преимущества. Почти все окружающие, кроме Ставроса и старых его друзей, сторонились его и не набивались в приятели, а молодые рыцари и сержанты, пугаясь его вида, слушались беспрекословно.

На пятый день после прибытия, в Лимассол прискакал отряд, состоящий из десятка человек, который возглавлял брат-рыцарь. После молитвы и трапезы, де Фо позвал Дмитрия, и в месте с ним, под охраной прибывших тамплиеров, отправился в сторону гор. За полдня, что они были в пути, ни брат-рыцарь, ни сержанты, ни словом не обмолвились с Дмитрием, и почти не общались с де Фо, хотя он то и дело ловил на себе любопытные взгляды.

Одолев крутой склон по нескончаемой извилистой тропе, они перевалили через хребет, и по склону, сплошь заросшему исполинскими соснами, спустились в ущелье, в глубине которого серели каменные стены древнего монастыря. Стены эти содержались в образцовом порядке — опытным глазом Дмитрий сразу же разглядел места, которые ремонтировались совсем недавно. В надвратной башне посверкивали доспехи караула, а деревянные ворота, оббитые железными полосами, были плотно затворены.

— Здесь, — сказал де Фо, — находится Дом Скриптория. Мало кто из братьев знает о его существовании. Ты станешь братом этого дома.

— Я давал клятву служить ордену, так как мне будет приказано, — направляя коня поводьями в сторону ворот, отвечал Дмитрий, — но все же, не могли бы вы мессир Ронселен, разъяснить, в чем будут заключаться мои обязанности. Положа руку на сердце, я полагал, что мне под начало будет передан один из эскадронов в Триполи, Акре или Сидоне.

В ответ де Фо лишь усмехнулся и промолчал.

При их приближении, ворота отворились, и два сержанта в черных плащах пропустили их внутрь. В конце прохода под башней оказалась подъемная решетка, которая начала подниматься вверх лишь после того, как весь отряд оказался внутри, и ворота были снова заперты на засов, вытесанный из цельного дубового бревна.

Внутри Дом Скриптория ничем не отличался от любого командорства. Один из служителей принял у Дмитрия коня и, проводив в дортуар, показал выделенную ему келью.

После трапезы все тот же служитель проводил Дмитрия в главную резиденцию. Как оказалось, де Фо имел здесь собственный кабинет.

«Ты владеешь несколькими языками, посвящен в некоторые из главных тайн ордена, а кроме того, отличный солдат и командир — с места в карьер начал де Фо — ты пережил в своей жизни взлеты и падения. Ты не честолюбив, и тебя невозможно купить. Но главное — ты тянешься к новым знаниям.

Орден храма не ограничивает свою деятельность военной защитой Заморья, и поиском средств для содержания рыцарских отрядов. Еще со времен войны короля Ричарда Английского, мы занимаемся поиском древних рукописей, коими Святая Земля полна с древних времен также, как Греция полна античных статуй».

При упоминании о Греции и статуях Дмитрий сразу же вспомнил об Анне. Он вздрогнул, но взял себя в руки и продолжал слушать магистра. Тот продолжал.

«В рукописях, оставленных иудеями, арабами и римлянами содержатся бесценные сведения. Благодаря им, мы знаем теперь очень многое о событиях, предшествовавших пришествию Спасителя, о его распятии и деяниях его последователей. Сядь и внимательно прочитай эту рукопись. Это перевод с арамейского». Дмитрий взял в руки манускрипт и углубился в чтение.

Брат мой! Только обстоятельства непреодолимой силы — а именно, тяжелая болезнь на чужбине, которая, похоже, скоро предаст меня в руки Божьи, вынуждают меня доверить бумаге то, что ты должен узнать, во что бы то ни стало.

Прежде всего, хочу признать, что в нашем споре оказался прав именно ты. Не Февди из Иерусалима должен будет стать Помазанником, или по-гречески, Христом, а Иисус из Галилеи. Последнее из препятствий на пути к этому (а стало быть, последний из моих доводов «против»), совсем недавно устранено. Его жена, как известно еще до прибытия в Марцеллос разрешилась на корабле от бремени. Но ни ее, ни новорожденную дочь местная иудейская община не приняла — слух о том, что

казненный раввин был отступником, и отлучен от Храма, их опередил.

Мария с дочерью на руках, не получая никакой помощи от соплеменников, вынуждена была пойти в услужение к галльскому торговцу. Она стала его наложницей и прижила двух сыновей. Сыновья эти, по достижении совершеннолетия, отправились на север и по слухам, сейчас находятся в войске одного из вождей воинственного племени сикамбров.

А старшая дочь как-то на марсельском рынке приглянулась одному из богатых лигурийцев, который и увез ее с собой, чтобы сделать второй или третьей женой, по их варварскому обычаю.

Незадолго до смерти Марии (а прожила она в Марселе ровным счетом двадцать один год), там образовалась крохотная община из последователей учения ее мужа, так что ее могилу они сделали местом собраний и выстроили над ней небольшую каменную базилику.

Итак, один из семи, наконец-то определен. Что именно он проповедовал, в сущности, не так уж и важно — братья смогут потом истолковывать его речи так, как того потребуют окружающие обстоятельства. Важно, что умер он в муках, тело его пропало, а слух о чудесном оживлении гуляет по империи.

Так что цель близка. Пусть брат Лин, как и было предусмотрено, покинет убежище на холмах у Мертвого моря, прибудет в Рим, и после смерти Кифы по прозвищу Петр возглавит местную общину, которой по самому ее расположению предстоит стать влиятельным оплотом нового учения. Также не забудьте и про Урфу, где, как мне известно, местные правители давно чтят Иисуса, и даже сохраняют как святыню его погребальный саван, неведомо каким образом там оказавшийся.

Похоже, что это единственный просчет, который мы допустили, когда похищали тело из пещеры, чтобы передать его жрецам Черной Страны — оставленное там полотно может стать источником всяческих неожиданностей. Итак — Иерусалим, Марсель, Урфа, и Рим, вот города, в которых...

На этих словах рукопись обрывалась. Дмитрий продолжал смотреть на пергамент невидящим взглядом...

— Что это значит, мессир? — спросил он после того, как еще раз внимательно прочитал документ.

— Брат ордена по имени Анри обнаружил этот пергамент, когда, сто лет назад, по договору с Саладином разрушались стены Аскалона — ответил ему де Фо.

Младший сын графа Теобальда де Барр, дальний родственник одного из великих магистров, вначале Анри избрал духовную стезю, и стал послушником бенедиктинского монастыря. В его стенах он проявил склонность к древним языкам, и несколько лет провел за переписыванием арамейских и греческих текстов.

Но кровь рыцаря не могла спокойно стечь в тихой обители. Однажды Анри выразил неуважение к аббату монастыря, да так, что тот испустил дух, и во искупление грехов был отправлен за море. Он быстро стал братом-рыцарем, и блестяще проявил себя на войне.

В то время орден переживал трудные времена. Великий магистр Жерар де Ридфор вернулся из плена, но вскоре пал, пронзенный стрелой. Та же участь постигла и его напех избранного преемника, брата Вальтера. А по прибытию в Заморье короля Ричарда Английского, великим магистром стал адмирал его флота, англичанин Роберт де Саббелл или по-французски Роббер де Сабле.

С прибытием европейских армий Акра наконец-то сдалась, и войска под командой Ричарда направились на Яффу, чтобы затем идти на Иерусалим. Но Святой Город так и не был отвоеван. Ричард и Саладин заключили мир, по которому христианским паломникам позволялось беспрепятственно посещать святы места в обмен на разрушение стен Аскалона.

Анри де Барр командовал тогда эскадроном, который охранял каменотесов Храма. Они, по просьбе Ричарда, принимали участие в сносе городских укреплений. Как-то раз он проходил мимо мусульман, которые были наняты для тяжелых работ, и стал свидетелем того, как они, разбирая кладку одной из башен, вытащили из стеной ниши глиняный сосуд.

Обнаружив внутри иссохшийся пергамент, невежественные скотоводы пустили было его на растопку, но брат де Барр, по своим послушническим занятиям равнодушный к старинным письмам, отобрал у них то, что уцелело. Содержание послания его потрясло. Это был именно тот текст, который ты только что прочел.

Он немедленно отыскал великого магистра, и рассказал ему о находке. Недавний адмирал и добрый христианин, де Сабле был напуган и смущен не менее чем брат-рыцарь. Он распорядился, чтобы тот хранил молчание, и не зная как ему поступить, на всякий случай решил удалить Анри из Святой Земли.

Великий магистр сделал де Барра командором, подчиняющимся лично ему, и передал ему вот этот тродосский монастырь. Убедившись что находка находится вдали от посторонних глаз и под надежной охраной, он обменялся тайными письмами с его святейшеством. Папа Целестин III занял этот пост всего год назад в возрасте восьмидесяти шести лет. Узнав о том, что существует текст, который подрывает основы веры в чудесное воскресение Спасителя, он назвал это кознями Дьявола, и распорядился пергамент уничтожить, и также поступать впредь со всеми находками.

Но де Сабле был человеком очень дальновидным. Он смог в кратчайший срок проникнуться духом ордена, и тому времени более не зависел от короля Ричарда. Сей монарх, между тем, нажил себе в Европе, и в Заморье множество врагов, вынужден был втайне оставить Акру, и в плаще тамплиера, на корабле, принадлежащем ордену, возвращался в Англию.

До того, как на смену почившему в мире брату де Сабле году пришел магистр на Западе, Жильбер Эррай, был создан Дом Скриптория. Еще через пять лет скончался папа Целестин, который, судя по всему, ничего не рассказал о странной находке тамплиеров своему воспитаннику и преемнику, новому папе Иннокентию III. Тем временем, рыцари и сержанты Дома Скриптория, занимаясь поисками по всей Святой Земле, стали доставлять на Кипр все новые и новые находки.

Брат Анри де Барр скончался в 1215 году в возрасте пятидесяти одного года. Ему на смену пришел капеллан Акры, который получил звание магистра Скриптория, и стал членом Верховного Капитула. С тех пор этот Дом подчинен лишь великому магистру и имеет статус провинции. В обязанности братьев этого Дома входит поиск в Святой Земле древних рукописей, доставка их сюда, в главное хранилище, и перевод на латынь.

Дело это хранится в полном секрете и сопряжено со многими опасностями, ибо некоторые находки, как видишь, хранят большие тайны, крайне опасные для христианского мира. Это единственный Дом ордена, братья которого имеют право во время своих миссий снимать плащи без разрешения своего магистра.

Здесь по традиции всего девять братьев — столько, сколько было по преданию первых тамплиеров. Из них трое никогда не покидают этих стен, и занимаются расшифровкой найденных текстов. Шестеро — возглавляют отряды, которые заняты изысканиями. Один из них, брат Хьюго, недавно погиб в стычке с разбойниками неподалеку от Тира, и несколько месяцев его место вакантно. Тебе оказана большая честь, брат Дмитрий.

Дмитрий медленно приходил в себя.

— Кто написал это письмо, мессир? — спросил он де Фо, поднимая в руке манускрипт.

— Один из старшин иудейской секты ессеев. Теперь, после восьмидесяти лет деятельности Дома Скриптория, мы много знаем о них.

Ессеи просуществовали всего около двух столетий — до и после пришествия Христа. Они жили на северо-западе от Мертвого моря обособленными колониями, и избегали встречи с соплеменниками. Но Храм иерусалимский они посещали и имели представительство в Синоде. Селились они общинами, каждая в особом доме, и имели общий стол.

Жили они как монахи, безбрачно, но принимали и воспитывали чужих детей, а взрослых принимали в свое сообщество после трехлетнего испытания. При приеме, вступающий в орден должен был под страшной клятвой дать обет чтить Бога, быть справедливым ко всем, никому не вредить, быть врагом неправды, сохранять верность властям, достигнув власти не превозноситься, не отличать себя от других особой одеждой и украшениями, обличать ложь и любить истину, ничего не утаивать от других членов общины, и о них ничего посторонним не сообщать, воздерживаться от незаконной прибыли, догматов учения никому не передавать, не употреблять клятвы и верно хранить писания. Как видишь, это очень похоже на монашеский орден.

В отличие от хозяев храма Соломона, ессеи не приносили кровавых жертв, а усердно занимались земледелием, скотоводством, ремеслами, и врачеваньем. Они отвергали войну, признавали лишь общую собственность, отрицали рабство, помогали друг другу, учили, что все они братья между собою. Все потребное для себя они изготовляли сами, избегая сношений с торговцами.

Они много занимались толкованием святыx писаний. Моисея ставили непосредственно после Бога, и хулу на него наказывали смертью. Жили они, безбрачно, не потому, что отрицали брак, а потому что считали безбрачие выше брака. Община позволяла своим членам вступать в брак, но как только жена беременела, муж прекращал с нею общение, желая доказать, что взял ее не для удовольствия, а для произведения детей.

Презирая украшения, ессеи не мазались маслом, одежду носили одну и ту же до совершенной ее негодности, но на свои трапезы одевали всегда особого покроя белое платье. Их доходами распоряжались избранные попечители и священники. Ессеи вставали до восхода солнца и не говорили ни о чем житейском. Приветствовав солнце молитвой, они отпускались начальствующими, без ведома которых не позволялось ничего делать, кроме дел милосердия, и подачи пищи голодному, на работы. По окончании трудов купались в холодной воде и садились, надев чистую одежду, в особенном доме, в который вход посторонним запрещался, за трапезу, которая имела вид священнодействия.

Они помогали бедным. Славную смерть предпочитали постыдной жизни. Орден разделялся на четыре степени, по времени вступления, причем одна степень отделялась от другой так строго, что высшие через соприкосновение с низшими становились нечистыми.

Ессеям, особенно глубоко изучившим Святое Писание и приготовленным особыми аскетическими очищениями, приписывали дар предсказывать будущее. Ессеи учили, что душа состоит из тончайшего эфира и заключена в тело, как в темницу, из которой после смерти человека улетает на небо. Для праведной души место вечной жизни — в блаженных полях по ту сторону океана, а злые души вечно мучатся в холоде и мраке. Ессеи верили в предопределение. Мало того. Среди первых последователей Иисуса Христа было много ессеев. И еще они имели сношения с жрецами Египта, той самой Черной Страны из письма.

— Так значит все это правда, Иисус был обычным человеком и не воскресал? И мало того, даже имел ребенка? — тихо спроси Дмитрий.

— Для истинной веры, — очень серьезно ответил де Фо, — не требуется чудес. Доказательств того, что Господь существует и так более чем достаточно. Распятие и воскресение, это красивая легенда, которая стала былью потому, что в нее искренне верит весь христианский мир. Не это важно. Важно то, что ессеи отдавали египетским жрецам тела пророков, которых те мумифицировали и сохраняли. Мы нашли этому множество подтверждений. И среди прочих они хранят тело Иисуса Христа.

Сам понимаешь, что желающих воспользоваться этим знанием в мире более чем достаточно. Мусульманские властители, германские императоры, еретики-катары, стоит им прознать об этом, сделают его многострадальное тело знаменем новой кровавой войны за передел мира. Поэтому Дом Скриптория стоит на страже. Мы копим знания, и ищем то, что не должно быть достоянием толпы.

Во время походов в Египет короля Людовика Святого, после взятия Дамьетты, братья, которые сопровождали в походе французского короля, смогли связаться со жрецами, которые сохранились в долине Нила, несмотря на то, что их народ давно исчез с лица земли. Жрецы, как выяснилось, обладают тем, что нам нужно, но требуют особый знак, который дает доступ к тайне. Поиск этого знака — главная задача Дома Скриптория.

Дмитрий вынырнул из воспоминаний и вернулся к реалиям сегодняшнего дня. Перемирие, заключенное с мамелюками, давало возможность передвигаться коротким маршрутом, минуя восточный берег Мертвого моря, но христианским воинам с оружием в руках, даже тем, кто имел пропуск с печатью самого султана, запрещалось приближаться к Иерусалиму.

Отряд оставил в стороне Иерусалим, и двигался по дороге, ведущей в Яффу. До Аскалона, куда должна была прибыть орденская галера, оставалось три дня пути.

Взлетно-посадочная полоса начиналась у самой береговой черты, так что из бокового иллюминатора чудилось, что самолет садится прямо в море. Лишь в самый последний момент, когда казалось, будто сейчас они плюхнутся в воду, из-под крыла выскакивала спасительная земная твердь. Дима, не отрывая взгляд от иллюминатора, перевел дух, и в который раз ощупал во внутреннем кармане куртки новый болгарский паспорт. Несмотря на то, что он был заинструктирован своими более опытными товарищами — Сергей-Вованом и Франческо, почти что до потери пульса, он, впервые в жизни путешествуя по поддельным документам, ощутимо мандражировал.

Чтобы отвлечься от тревожных мыслей, он вспоминал последние напутствия, которые получил от Сергей-Вована перед самым отлетом.

«Ты, Димон, короче — говорил он — в отели со звездами не лезь. Возьми по дороге между Ларнакой и Лимассолом какой-нибудь частный „Зеос апартамент“, а когда будешь границу проходить, то в анкете пропиши пятизвездочный „Фор Сизон“. Киприоты, мля, своих постояльцев в мелких апартаментах на учет не ставят. Поэтому, даже если кто-то прознает, что ты на Кипр прилетел, и на хвост упадет, то хрен тебя найдет через тамошнюю полицию. Мы таким макаром там раньше после дел отсиживались».

«К этому всему — добавил Франческо — сразу же, как устроишься, купи местную связь: телефон и стартовый пакет. Номера в записной книжке телефона не храни, старайся запомнить, а если памяти не доверяешь, то только на компьютере в зашифрованном виде. До того, как все соберутся, в Тродос сам не суйся, и ничего не пытайся узнать. Короче, води себя, как обычный турист».

«И потерпишь без своих игрушек — завершила инструктаж до тошноты чопорная и деловитая Сельви, которую после заключения „сексуальной конвенции“, нельзя было узнать — отсканированные рукописи из константинопольского командорства я тебе потом привезу».

Оторвавшись от воспоминаний, Дима покинул самолет. Чтобы расслабиться перед пограничным контролем Дима, как учили, выпил еще в полете грамм двести джину. Методика оказалась действенной. Болгарский паспорт у чиновников никаких подозрений не вызвал, с визой все также было в порядке, и проверка по базе Интерпола результата не принесла. На вопрос о цели приезда Дима ответил важно: «Дайвинг» — после чего был запущен внутрь страны.

Таможенного досмотра на въезде здесь не было и в помине, так что, до стоянки такси он добрался беспрепятственно, обменяв по дороге пару сотен евро на местные фунты.

Фраза: «Лимассол роад, Зеос апартамент», — вызвала у местного таксиста самый настоящий столбняк. Он трижды связывался по радио с диспетчером, и что-то там выяснял. Наконец, видимо осмыслив маршрут, он, неодобрительно поглядывая на Диму, вцепился в руль, и надавил на газ.

Левостороннее движение поначалу пугало — Диме все время казалось, что они едут по встречной полосе. Но через несколько минут он привык, тем более что они выехали на отличное восьмиполосное шоссе, которое соединяло аэропорт Ларнаки с Лимассолом.

Максимальная разрешенная скорость здесь была сто километров в час, а водитель соблюдал правила движения с несгибаемостью московского пенсионера, так что после постоянных гонок

с Сергей-Вованом за рулем, Диме казалось, что они стоят на месте. Слева виднелись невысокие холмы, сквозь которые время от времени проблескивало море. Справа надвигался большой горный массив, судя по всему, тот самый Тродос, о котором ему предстояло на время забыть.

В новом паспорте он был прописан как Дмитрий Стоянов. Фамилия наводила на определенные мысли о том, как следует распорядиться на Кипре свободным временем. После того, что устроила Турка в Стамбуле, Диме, для обретения «внутреннего равновесия» очень хотелось завести ни к чему не обязывающую курортную интрижку. Но делать это из тех же соображений безопасности, следовало только «по месту проживания». «Кстати — подумал он, оглядывая окрестные селения — теперь, как раз и следует заняться поиском отеля».

Глаз его остановился на большой вывеске «Савас апартамент», которая висела над комплексом двухэтажных домиков, расположенных в два яруса на склоне живописного зеленого холма. К требованию изменить маршрут, водитель отнесся болезненно, но смирился, и, свернув на боковую дорогу, быстро доставил его по серпантину прямо под вывеску.

Вблизи апартаменты неведомого Саввы, выглядели еще привлекательнее. Между двухэтажными домиками, каждый из которых, судя по дверям, имел четыре квартиры, находился небольшой, очень уютный садик с пальмами, кактусами и цитрусовыми деревьями. За ним сверкал изумрудной водой бассейн, и стояли симпатичные, столики из ротанга. Народу вокруг не было ни души.

Дима попросил таксиста подождать, а сам прошел мимо столиков в глубину веранды. Рядом со стойкой бара, за которой скучал полусонный индус, виднелась надпись «Reception». Не успел Дима сделать несколько шагов, как перед ним появился приятный молодой киприот. Как выяснилось, звали его Пантелис, и он был менеджером этого комплекса. Свободные места у него были в наличии, их стоимость, по нынешним Диминым возможностям, оказалась вполне приемлемой, а из окна предложенного ему номера хорошо просматривалось как море, так и бассейн, в котором теперь плескались «топлес» неизвестно откуда взявшись, две изящные особы женского пола.

Последнее обстоятельство оказалось для Димы решающим. По команде Пантелиса, индус, во мгновение ока переквалифицировавшийся из бармена в портье, принес из машины вещи, и расплатился с водителем. Судя по возмущенным воплям таксиста, ему заплатили ровно столько, сколько было положено... Белая «Вольво» покрутилась по серпантину и скрылась за деревьями, а Дима, отказавшись от предложенного гостеприимным менеджером кофе и завтрака, остался в номере один.

Спать ему не хотелось. Дима разбросал по шкафам вещи, организовал рабочее место, включил ноутбук, и, готовясь приступить к работе, немного помечтал о том, как он будет первым из современников читать неизвестные труды Платона и Аристотеля, включил ноутбук, попробовал поработать, но понемногу впал в сладкую дрему, в которую после обеда, казалось, был погружен весь остров.

Отряд достиг приморской равнины и приближался к развалинам крепости Аскалон. «Сирийская невеста», «богатеиший и самый укрепленный город на юге Палестины» — так называли его летописцы.

За время существования государства крестоносцев город несколько раз переходил из рук в руки и подвергался страшным разорениям. Христиане удерживали его до разгрома в Хаттинском сражении, после чего его захватил султан Египта Салах ад-Дин — легендарный Саладин. Но доблестному египетскому султану недолго было суждено владеть городом, и через несколько лет участники Третьего крестового похода вернули его обратно.

Опасаясь того, что франки снова восстановят утраченное могущество, и будут удерживать много укрепленных городов, султан решился, хотя и с тяжелым сердцем, уничтожить эту крепость. Крепкие стены были подкопаны и разрушены, а внутренние постройки города сожжены.

Когда Ричард Львиное Сердце услышал об этом, он немедленно распорядился продолжать движение войск. Но он опоздал — Аскалон предстал перед ним в виде груды развалин. Несмотря на это, крестоносцы приступили к восстановлению города. Ричард Львиное Сердце лично принимал участие в постройке стен, таская камни. Вскоре крепость выросла вновь.

Через несколько лет, после неудачной попытки захватить Иерусалим, Ричард заключил мир с Саладином, по которому Аскалон должен был быть снова разрушен рабочими обеих сторон.

Дмитрий усмехнулся. Ведь именно здесь была найдена рукопись, положившая начало Дому Скриптория. И вот, по истечении многих лет, они возвращались к развалинам Аскалона с долгожданной добычей. Три амфоры, обнаруженные в ессейском храме, хранили в себе свитки, сшитые из кусков пергамента, и завернутые в льняную ткань. Пергаменты были исписаны столбцами текста на арамейском языке. Вместе с ними были найдены и папирусы, покрытые иероглифами, подобными тем, что встречались во время египетских походов на стенах древних храмов, и у подножия пирамид.

Но самой важной из находок была небольшая глиняная табличка, которая требовалась для того, чтобы связаться с египетскими жрецами. Поиск одного из наиглавнейших секретов древнего мира, затеянный орденом, подходил к концу.

Стены города были снесены, и почти все его население угнано в рабство, но удобный порт и небольшой гарнизон, оставленный султаном Бейбарсом, делали его важным перевалочным пунктом между Сирией и Египтом. Начальнику местного гарнизона тамплиеры платили ежемесячную мзду, и он закрывал глаза на их «неофициальное» присутствие.

Добравшись до расположенного на самом берегу неприметного укрепления, сложенного из камней, бывших некогда крепостными стенами, Дмитрий увидел, что на рейде стоит галера с красным восьмиконечным крестом на полуопущенном парусе. Это означало, что магистр Скриптория прибыл из Лимассола, и ожидает их возвращения.

Поприветствовав братским поцелуем местного командора — за малостью капитула не рыцаря, а сержанта, Дмитрий попросил его поднять на шток условный вымпел, свидетельствующий о его прибытии. Тот, стараясь не глядеть ему в лицо, чуть не бегом кинулся исполнять распоряжение Меченого Маршала — такое прозвище ему дали тамплиеры Заморья. Почти сразу же после этого, от галеры отделилась шлюпка и направилась к берегу.

Осведомленные о присутствии на рейде магистра, местные братья тщательно подготовились к его визиту. Небольшой отряд, к которому Дмитрий, по просьбе командора, присоединил и вновь прибывших, выстроился во дворе, и приветствовал высокое должностное лицо военным салютом.

Изрядно сдавший за прошедшие годы де Фо, совершенно измученный морской болтанкой, которую он не переносил, вынужденно принял приветствие, обнял командора, ткнувшись кончиком носа в бородатую щеку, и шагнул навстречу стоявшему в стороне от всех Дмитрию. Взяв его под руку, де Фо проследовал в чисто выметенную комнату, где они наконец-то остались вдвоем.

— Ты нашел это, брат Дмитрий? — голос магистра, всегда бесстрастный, теперь чуть не дрожал от волнения.

— Кажется да, мессир, — ответил Меченый Маршал, стоя у окна, — братья уже разбирают арамейские письма.

— Значит, «план ессеев», все-таки правда! Сразу же после того, как почтовый голубь прилетел в Акру, я отправил гонца в Каир. Он вернулся и принес ответ. Встреча с египтянами назначена на ближайшее новолуние в Газе.

— А как мы узнаем посланца?

— Не волнуйся, мы получили сообщение о том, что их человек сам нас отыщет.

В дверь чуть слышно постучали. В комнату зашел брат, владеющий арамейским наречием. С поклоном он положил на стол несколько листов, и безмолвно удалился. Как только дверь за тамплиером закрылась, де Фо немедленно схватил со стола листы, и впился в них глазами. Заглядывая через плечо магистра, стал читать перевод и Дмитрий.

«Иудеи дословно верят в древние пророчества, и искренне считают, что по многим толкованиям, предсказанный срок настал. Вся страна изо дня в день ожидает Мессию. Мы долго колебались, но все же решили заложить основы будущего учения, которое охватит весь мир. Для этого мы похищали тела казненных иудейских проповедников, и передавали их в Египет, заплатив жрецам Черной страны огромные деньги. Одному из семерых предстоит воплотить в себе образ Спасителя — Христа для будущих поколений.

Теперь, по прошествии ста пятидесяти лет после казни последнего из них, мы видим, что Христом станет пятый проповедник — Иисус из Вифлеема, чьи последователи распространяются ныне по всей империи.

Новое учение в основу свою положило легенду о том, что распятый Мессия воскрес, и был вознесен на небеса. Но тело его, словно мумия египетских царей, вместе с остальными сохраняется и доньше в скалах Западной Сахары. Именно оно станет краеугольным камнем, который позволит нам, слившись с христианами, и возглавив повсеместно их общины, удержать сие учение в необходимом русле.

Тело „воскресшего“, будучи явлено перед лицом верующих, даст власть над миром нашим потомкам. Да не употребят они эту власть для зла. Ключом, который раскроет уста египетских жрецов, является таблица с письменами, которую они передали нам при последней встрече».

— Наконец-то, в руках у ордена полный текст манускрипта, и пропуск в Египет! — де Фо сиял — получив тело Христа, мы достигнем высшей власти над миром, потому что ни Рим, ни Константинополь никогда не пойдут на то, чтобы признать воскресение Спасителя ложью.

Пользуясь этим, Орден получит достаточно средств, чтобы продолжать войну в Заморье.

— Десять лет назад, назначая меня братом Дома Скриптория, вы говорили совсем иное, мессир, — отозвался Дмитрий, — война в Заморье проиграна, и вам это хорошо известно. Я достаточно времени провел в этой стране, и не в графских замках и крепостях, а простых поселениях пастухов и крестьян. Ваши планы достижения тайной власти над миром я также не разделяю. Даже если мы и получим то, что вы желаете, то произойдет одно из двух. Либо, прознав о находке, курия навяжет ордену своего ставленника, в качестве великого магистра, как было не раз, либо наоборот, великий магистр ордена Храма сможет держать курию в узде и станет понтификом. И в том и в другом случае, тайна ессеев не будет обнародована, и церковь Христа сохранит свою власть над Западом. Ну а делу защиты Святой Земли ваш план вовсе никакой пользы не принесет.

— Ты не видишь дальше своего носа, Дмитрий, — горячо возразил де Фо, — мы и так стали чуть ли не отдельным государством. Силы ордена велики. Велики и его богатства. Все христианские монархи считаются с нами!

— Рассказывайте истории про тайны ордена легковверным монахам, что пишут хроники, мессир, — ровным тоном ответил Меченый Маршал, который давно не боялся ни бога, ни черта, ни магистра Скриптория, Ронселена де Фо, — европейские прецептории с трудом справляются с тем, чтобы содержать три сотни рыцарей в Акре и Тире. Если французская корона перестанет пользоваться парижским Тамплем для хранения государственной казны, то орден через год станет банкротом. Наши приоры полностью зависят от местных монархов, и без их разрешения чихнуть не могут. Даже здесь, в Палестине, где собрана вся наша военная мощь, мы не свободны от светских правителей.

Де Фо обиженно промолчал, собираясь с силами, чтобы разразиться ответной тирадой, но Дмитрий, не дав ему и рта раскрыть, завершил разговор:

— Настало время трапезы. Не будем обижать местного командора, потому что он приложил огромные усилия, чтобы достойно встретить вас, мессир. Я солдат, верный своей клятве, которую дал в Боне, вступая в орден. Как видите, я беспрекословно выполняю все приказы. А то, что я думаю, я высказываю только вам, и только с глазу на глаз.

Не оправившийся до конца от морского путешествия де Фо скривился, но следуя разумному совету, встал из-за стола и отправился в трапезную. Дмитрий последовал за ним.

Согласно традиции и предписаниям Устава, обеды предназначались нищим. Брат-кухарь, который раздавал собравшимся у стен командорства хлеб и баранину, вдруг заметил, как один из неимущих, закутанный в большую, закрывающую лицо чалму, подал условный знак. Брат, ожидавший этого много дней, чуть заметно кивнул головой, дал понять, что он заметил скрещенные особым образом пальцы, и скрылся за дверью.

Калеки и попрошайки отправились на ночлег в ближайшие развалины, а загадочный нищий обустроился в одной из темных ниш, и притворился спящим. После того, как тьма опустилась на разрушенный город, дверь командорства отворилась, и оттуда раздался приглушенный свист. Не издав ни звука, нищий проскользнул внутрь.

Дмитрий встретил гостя у порога и проводил его в свою келью. Тот отказался от предложенного ужина, сел на лавку, и, медленно подбирая латинские слова, произнес: «Посланец прибудет через три дня в Газу. Наш закон не разрешает жрецу покидать древние границы страны. Вы встретитесь с ним в караван-сараяе. Наймите там отдельный двор и ожидайте. Знак возьмите с собой» — после чего жестами попросил проводить его обратно к выходу, и растворился в темноте.

Мусульманская крепость Газа располагалась в полудне пути от Аскалона. Еще в 1150 году Иерусалимский король Балдуин III передал ее Храму. В сентябре 1187 года, по распоряжению плененного великого магистра, Жерара де Ридфора, он, в обмен на его свободу, была сдана Саладину. В 1260 году ее захватили монголы. После того, как воцарившиеся в Каире мамелюки изгнали из Палестины чингизидов, султан Бейбарс, которому нужен был на Синае хорошо укрепленный форпост, не стал ее уничтожать.

Второй день Дмитрий и де Фо, переодетые купцами, ожидали встречи в одном из многочисленных караван-сараев. Меченый Маршал, о воинской доблести которого был наслышан весь Латинский Восток, чтобы не быть узанным, носил не снимая, матерчатую маску с прорезями для глаз и рта. Так поступали многие сирийские караванщики, поэтому его вид ни у кого подозрений не вызывал.

К ним во двор прямо посреди бела дня въехал бедуин. Он властным жестом потребовал, чтобы за ним затворили ворота, не дожидаясь пока погонщик уложит верблюда, легко соскочил с горба, и пружинисто приземлился. Затем он, не спеша, размотал пыльную чалму, и сбросил грязный халат.

Перед ними стоял стройный светлокожий мужчина в ослепительно белом хлопковом хитоне, и греческих сандалиях. Череп его был свободен от волос, словно они никогда там не росли. При более близком рассмотрении создавалось впечатление, что тело этого странного гостя не имеет никакой растительности. По внешнему виду он не походил ни на европейца, ни на азиата, ни на африканца. Лоб его был высок, а череп имел необычную форму — затылок сильно выдавался назад. Имел он большие миндалевидные глаза темно-голубого цвета, ничем не напоминавшие раскосых монгол и китайцев, коих немало было здесь, в караван-сарае.

Его длинные пальцы с ухоженными ногтями не знали тяжкого труда пастуха и погонщика верблюдов, которым, в перерывах между набегами, промышляли настоящие бедуины.

Египетский жрец легкой походкой приблизился к ним, и замер в молчании.

Поприветствовав гостя вежливым полупоклоном, де Фо пригласил его занять место за столом, и разделить с ними трапезу. Гость легким кивком головы принял приглашение, но присев к столу ограничился лишь свежей водой и фруктами. По окончании непродолжительного обеда, он первым нарушил молчание.

— Знак при вас? — спросил он, обращаясь к де Фо, безошибочно определив в нем старшего.

— Вот он — де Фо подал египтянину глиняную табличку. Дмитрий видел, что магистр сильно взволнован.

— Тринадцать веков назад, — перейдя с режущего ухо наречия, которым пользовались для общения арабские и латинские купцы, на чистый греческий язык, произнес посетитель, — ессеи, заплатив жрецам Города Мертвых огромную сумму золотом, на протяжении восьми десятков лет передали здесь, в Газе, семь тел неких людей, для совершения обряда мумифицирования и для дальнейшего сохранения.

Возвратить эти тела надлежит тому, кто предъявит особый знак, сколько бы времени не прошло, и кем бы ни были посланцы. Знак предъявлен. Тела теперь принадлежат вам.

— Когда мы сможем получить свое? — спросил подрагивающим голосом магистр.

— За телами вы должны прибыть к нам, в Город Мертвых, который расположен на противоположном берегу Реки напротив стовратных Фив. Таков уговор, — жрец протянул магистру другую табличку, — это ваш пропуск в Город Мертвых. Покажите его любому

бедуину в Аль-Кусоре, и вас приведут ко мне.

Жрец легко и изящно поднялся, и, удостоив их поклоном, вернулся к своему верблюду. Погонщик помог ему облачиться в грязные тряпье, и приняв обличье бедуина, загадочный гость скрылся за воротами.

— Что ж, Дмитрий, — после долгого молчания произнес де Фо, — завершай все дела в Заморье, и отправляйся на Кипр. Там возьмешь все, что необходимо и отправишься в Каир, а оттуда в Аль-Кусор. Ты должен доставить в скрипторий тело Иисуса целым и невредимым. Это сейчас главное.

Так вот в чем смысл обряда плевка на распятие, — произнес Дмитрий, — Иисус не воскресал. Он — лишь идол.

— Нет, ты не прав — задумчиво ответил де Фо — Иисус Христос, это красивая легенда, и мудрое учение. Его брэнная оболочка должна теперь послужить святому делу освобождения мира от новой тирании Рима. Курия решила, что понтифик имеет на земле, права наместника Сына Божьего. В нужное время мы уничтожим этот миф, а пока что получим, в добавок к тому, что хранится в мосинопольском командорстве, еще несколько нерукотворных образов, которые изготовим, сняв с тела Спасителя его покров. Сначала в Европу попадет Плащаница, а вслед за ней и тело распятого.

Утро застало их на борту корабля, который держал курс на Кипр.

Проснувшись после обеда, Дима попросил Пантелиса вызвать ему такси, и отправился в Лимассол за покупками. Был этот «тамплиерский город», обычным средиземноморским местечком, и от Турции его отличала разве что чистота на улицах, да засилье греческих вывесок, которые, впрочем, почти везде были продублированы на английском. Разглядывая укрытые облаками горные вершины, в которых располагался вожденный монастырь, Дима припомнил все наставления, по поводу того, чтобы он не проявлял к Тродосу даже внутренний интерес, и тяжело вздохнул.

Водитель отвез его в самый большой супермаркет, который по местной традиции также как и большинство отелей, магазинов и ресторанов носил имя своего владельца — «Офеанидис». Это был огромный двухэтажный «сарай», в котором нашлось все необходимое — и нужная модель «Моторолы», и карточка подключения к оператору, который также давал по мобильной связи доступ в интернет.

Покончив с главным, Дима с полчаса побродил между рядами, купил несколько дисков с путеводителями по стране, пару футболок с изображением острова, и вернулся «на базу» к началу ужина.

Здесь, за столиками он наконец-то смог рассмотреть всех обитателей апартаментов. Его соседями оказались несколько пожилых супружеских пар из Европы, и две симпатичные англичанки лет тридцати. Внимательное наблюдение за ними показало, что эти дамы определенно отдают предпочтение однополый любви, и судя потому как они постоянно оглаживались под столом, ни в каких иных сексуальных партнерах не нуждаются.

Еда у Пантелиса была, не такой конечно, как в ресторане у Гайка, но разнообразной и очень вкусной. Дима с удовольствием поужинал, и наблюдая за заходом солнца, потихоньку потягивал апельсиновый фреш, как вдруг к нему за столик приземлилось непонятное создание.

Оно, старательно выговаривая английские слова, уточнило, по ходу дела, мол занято тут или нет, но дожидаться Диминого ответа не стало, и сразу плюхнулось напротив него на стул. После того, как оно покрутилось за столом, поверещало в сторону бара, и отдало несколько коротких команд вездесущему индусу, который теперь исполнял обязанности официанта, ошарашенный Дима, глядя на приличных размеров бюст, понял, что перед ним находится девушка.

Немка или австрийка, судя по акценту, она имела атлетическую фигуру, у которой, впрочем, не было пропорций культуристки. Впечатление дополняла короткая мужская прическа, и грубое прыщавое лицо с тусклыми голубоватыми глазами. «Вот влип — подумал Дима — определенно, сейчас придет ее подруга. Нетрадиционный какой-то отельчик. Да уж, тут придется, пожалуй, немного попоститься, товарищ Стоянов!».

Существо, получив свою тарелку, принялось уплетать за обе щеки, и при этом не прерываясь болтало с Димой. Через несколько минут односторонней беседы выяснилось, что зовут ее Инга, что она живет в Австрии, в маленьком городке неподалеку от Вены, что она студентка, учится в Сорбонне, а сюда приезжала отдыхать на каникулы одна, и послезавтра утром улетает домой. Выдавлив из Димы несколько лаконичных признаний о том, как его зовут, откуда он родом, и зачем прилетел, новая знакомая очень огорчилась, что они не смогут понырять вместе, так как она тоже увлекается дайвингом, и даже сделала целых два

погружения.

Словом, несмотря на далеко не модельную внешность, Инга оказалась вполне компанейской девчонкой. Она обещала показать Диме ночные клубы (от чего он, сославшись на усталость, категорически отказался) и окрестности (это предложение он принял с благодарностью).

Дима еще раз оглядел веранду, и с огромным сожалением резюмировал для себя, что Инга — единственное доступное существо женского пола, причем, судя по всему, легко доступное. Но при взгляде на ее доброе и очень некрасивое лицо, в его мозгу возникла классическая формула: «Я столько не выпью». Тяжело вздохнув, Дима оставил Ингу у бассейна, и поднялся в номер.

Пора было заняться связью. Дима активизировал новый мобильник, и вышел в интернет, чтобы проверить почту. В массе спама оказалось и послание от Сергей-Вована. Как выяснилось, он прилетал через несколько дней. Дима отправил в ответ свой новый номер телефона, и углубился в изучение отсканированных стамбульских документов. Поздно вечером, когда он устал от монотонной работы, и собрался ложиться спать, в прихожей раздался звонок. За дверью стояла Инга в шортах с расстегнутой верхней пуговицей, и черном топики, который не подразумевал и малейшего намека на лифчик.

«У тебя свет горит, значит, не спишь — сказала она просительно — а я вот вино с собой прихватила. Может, выпьем вместе?» Она выставила перед собой бутылку какой-то сладкой бормотухи, и решительно шагнула через порог. Дима сделал вынужденный шаг назад, и обреченно оглянулся, пытаясь вспомнить, есть ли у него в номере большие двухсотграммовые стаканы...

* * *

Автобус, собиравший туристов по нескольким отелям, увез Ингу в аэропорт. Дима, сидя за столиком на балкончике, облегченно вздохнул.

Как только погас свет, все оказалось вовсе не так ужасно. Просто девушка за неделю пребывания на острове настолько изголодалась, что для удовлетворения ее аппетитов понадобились все его силы. Даже ненасытная Сельви не обладала таким темпераментом, как эта нескладная австрийка. «Вот тебе и стереотипы о национальных характерах — думал обессиленный Дима — вот тебе и холодная тевтонская кровь».

Теперь, после ее отъезда, можно было вернуться к прерванной работе, а на следующее утро он планировал отправиться на дайвинг. Чтобы не травмировать внутренние ткани перепадами давления, от перелета до погружения, должно пройти, по меньшей мере, тридцать шесть часов.

Подводный компьютер, купленный в Стамбуле, вечером «дал добро», так что еще после обеда он выяснил у такого же приветливого Пантелиса, где здесь можно понырять. Тот что-то долго уточнял по телефону, а затем рассказал, что за Ларнакой находится английская военная база Декелия, которую он и рекомендует посетить. Пантелис с Диминого согласия, дозвонился в центр, и договорился, что рано утром за ним пришлют машину.

Персонал дайверского центра, разглядев на карточке-сертификате, которую Дима небрежно бросил на стойку офиса, звание мастера, отнесся к нему с уважением. Ему толково объяснили про все здешние места для погружения, честно признавшись, что интерес представляет только акватория английской военной базы, где еще сохранилась хоть какая-то морская фауна, подобрали лучшее снаряжение, и выделили в напарники одного из самых толковых инструкторов.

Инструктором оказался мрачноватый приземистый парень лет двадцати пяти, восточной наружности, с толстым носом, ежиком черных как смоль волос, и синеватой щетиной на подбородке. Представился он как Джордж.

Он сам уложил в кузов пикапа оборудование, кивком головы предложил Диме занять место слева от себя, и двинулся вслед за микроавтобусом, который вез к месту погружения остальных клиентов — немецкого бургера с сыном, двух молодых британцев, и шумную, полупьяную компанию из Череповца.

Погружение оказалось совсем неинтересным. Кроме специально затопленной старой танкетки, и небольшой стайки рыб, смотреть там, по сравнению с буйством коралловых рифов Индийского океана, было не на что. Пока Джордж с двумя помощниками возился с туристами, — а все, кроме англичан оказались новичками, что требовало огромного внимания и терпения, — Дима сменил баллон, взял в напарники «сертифицированного» бритта, и вместе с ним обнырял весь небольшой залив. Отдыхая под навесом, Дима обратил внимание, что Джордж свободно общается со своей клиентурой и по-английски, и по-немецки, и даже с русскими, хоть и с трудом находит общий язык, а со своими помощниками-киприотами довольно бойко объясняется по-гречески.

Парень этот Диму заинтересовал. Вместо того, чтобы отсиживаться в гостинице в ожидании прилета Сергей-Вована, он решил, чтобы ознакомиться поближе, пригласить его «попить пивка». Они вернулись в центр, где Джордж завершил все свои дневные дела, и отправились в ближайшее кафе. Джордж, как выяснилось на втором литре местного «Карлсберга», оказался ливанцем, да еще к тому же христианином, поэтому спиртное употреблял без ограничений. На просьбу Димы отвезти его в приличное место с национальной кухней, Джордж проинструктировал таксиста, который их доставил в большой и шумный ресторан на набережной.

Дима понемногу разговорил Джорджа, и выяснил, что тот все еще гражданин Ливана с рабочей визой, что после того как Израиль спровоцировал гражданскую войну между христианами и мусульманами, его отец — армейский генерал, вынужден был покинуть Бейрут, и умер в позапрошлом году в Сербии. А он, Джордж, успел послужить в армии, женился на киприотке, но неделю назад развелся, так что с пребыванием в стране у него проблемы.

Выяснилось также, что с завтрашнего дня он не работает в дайвинг-центре, так как вид на жительство у него просрочен. Еще поболтав о том, о сем, они прониклись друг к другу взаимной симпатией, и договорились назавтра взять напрокат снаряжение, и поехать понырять в сторону Пафоса. Дима здраво рассудил, что для поездки в Тродос им понадобится кто-то, хорошо знакомый с местными условиями и решил совместить приятное с полезным — поплавать под водой, и присмотреться к новому товарищу.

Из ресторана они перебрались к Джорджу на квартиру, которую он снимал на пару с другим ливанцем — продавцом из обувного магазина. Втроем они одолели литровую бутылку текилы, и, довольные друг другом, наконец, расстались.

Гавань тамплиеров, что располагалась у крепости Лимассол, на южном побережье Кипра, была пустынна — флот с оружием, припасами и новыми братьями, со дня на день ожидался из Европы.

Ставрос, драпиарий Дома Скриптория, собрат ордена Храма, остался на ночь в здешнем командорстве. В последнее время леса Тродоса кишели разбойниками, и передвигаться с наступлением темноты, даже в сопровождении сильного конвоя, было небезопасно. Пользуясь случаем, он решил показать своему новому помощнику запасы Дома, а заодно и пересчитать принадлежащие Скриптории бочки с вином, которые ждали своей очереди на отправку.

«Так вот, Мойша, тьфу, то есть, что я говорю, брат Николас, я имел в виду — важно произнес толстячок, после того, как при помощи молодого человека с характерным еврейским носом, но в буром послушническом плаще, украшенном тамплиерским крестом, он спустился в подвал, — здесь хранится сладкое вино, которое выдерживает перевозку по морю, но не превращается при этом в мутную бурду, а остается таким же крепким и ароматным. Я с маршалом на днях отправляюсь в Святую землю, там хочу партию фиников перекупить, они, говорят, в этом сезоне очень подешевели. А ты тут за этим портвейном присматривай, пока не вернусь. Его отправим в Мессину, а оттуда в Марсель, из Марселя в Ла-Рошель, и через Дувр, в самый Лондон. Сам король Эдвард Английский берет каждый раз по три бочки, а вслед за ним и его придворные. На этом имеем добрый куш. И в мое отсутствие чтобы было тут все в полном порядке! Иначе поедешь обратно, в свою Хайфу и плевать мне на то, что твой отец Иосиф, приходится мне троюродным братом по линии матери!»

Виноградники командорства были заложены Ставросом еще двадцать лет назад, когда он вместе с господином Дмитрием, тогда еще не получившим прозвище Меченый Маршал, стали братьями Дома Скриптория. Ставрос быстро занял возделенный пост командорского драпиария. Через несколько лет его господин стал маршалом, и возглавил отряды, которые постоянно находились в Заморье. Родня по греческой и еврейской линии дала стареющему плуту возможность выгодно продавать удивительный напиток в Европе, так что слава портвейна «Командария» гремела повсюду, и способствовала распространению слухов об огромном богатстве тамплиеров.

Наутро Ставрос велел оседлать самого спокойного мула — несмотря на почтенный возраст, он все еще путешествовал в седле, и отправился в горы, куда от побережья было полдня неспешного хода.

Возвратившись в Дом Скриптория, за последние годы и вовсе заросший плющом, и скрытый соснами, брат драпиарий перво-наперво решил поинтересоваться у брата маршала, который как раз находился на Кипре, когда они отправляются в Акру. Финики — товар сезонный, и тут нужно было не опоздать, иначе весь багдадский урожай, как в прошлом году, уведут пронырливые венецианцы. Он приоткрыл дверь кельи, и увидел, что господин Дмитрий беседует там с самим магистром, Ронселеном де Фо.

Магистр, которому перевалило за семьдесят, хоть и сохранял полную ясность сознания, но телом был очень немощен, и редко покидал Тродос. Перед убытием Меченого Маршала в Акру, они обсуждали вопрос отсылки очередного отряда к верховьям Нила, в аль-Кусор.

— Мессир, пять лет прошло с тех пор, как мы получили у египетских жрецов согласие на

выдачу есеейского клада, — говорил Дмитрий, меряя келью шагами, — мы посылали три отряда. Первый ушел через Синай, на Красное Море, погрузился на корабль, добрался до побережья Западной Сахары и сгинул в пустыне. Второй вышел из Каира в Нубию, под видом купеческого каравана, но был вырезан в трех днях пути от мамелюкской столицы, а третий утонул вместе с кораблем, который был отправлен вверх по Нилу.

Первый отряд возглавлял мой старый друг Тамош. Второй оставил нас без брата ле Бона. С корабля третьего отряда чудом спасся один лишь брат Хакенсборн. При этом вы ни разу не позволили мне возглавить экспедицию. Мы теряем лучших людей, но при этом ни на шаг не приближаемся к цели.

— Брат Дмитрий, тебе ли жалеть обо всем, что было? — спросил его сидящий за столом магистр, — как маршал самого привилегированного командорства, ты всегда имел и имеешь лучших людей, лучших коней и лучшие доспехи. Обещаю, что следующий отряд возглавишь именно ты. Но с этим, похоже, придется повременить. Начинается большая война. Султан Калаун захватил Триполи, и теперь готовится к осаде Акры. Сил у ордена сейчас мало, и братья-рыцари Дома Скриптория тоже должны принять участие в защите города.

По нашим расчетам, осада продлится несколько месяцев, пока бедуины не вернутся в пустыню, а у воинов султана не закончатся припасы. Ты ведь знаешь, что мусульмане не выдерживают длительных военных кампаний. Тогда Генрих, король Кипрский и Иерусалимский, заключит мир с Калауном, а мы получим возможность проникнуть вглубь Египта. Сразу же после того, как будет подписан мирный договор, ты сможешь отправиться в Каир, а оттуда вверх по Нилу, имея кроме пропуска жрецов, еще и охранную грамоту от султана.

— А что происходит в Европе, мессир? — спросил Дмитрий, — я давно не интересовался ничем, кроме наших поисков.

— Защита Святой Земли перестала волновать христианских монархов, — ответил де Фо, — король Генрих Кипрский назначил наместником в Иерусалимском королевстве своего брата Амори, и отправил Жана де Гралли, сенешаля Акры, в Рим, за помощью.

— Это тот самый де Гралли, вассал графа Савойского, который был сенешалем Гаскони, и обвинен Эдуардом Английским в большой растрате? — удивленно переспросил Дмитрий.

— Да, именно он, — де Фо протянул ему пергамент, — вот почта, которую доставила вчера из Мессины галера — де Гралли обратился от имени Генриха к папе. Результат превзошел все ожидания. Даже если бы Николай IV нарочно хотел навредить делу защиты Святой Земли, то вряд ли бы он смог причинить больше вреда. Венецианский флот согласился взять на борт отряды, которые набрал папа, потому что шел за грузом в Акру. Сами доблестные воины, направленные в помощь защитникам Святой земли оказались обычными крестьянами и горожанами из Тосканы и Ломбардии, на которых за мирские и церковные преступления была наложена епитимья в виде крестоносного обета! Могу себе только представить, как радовались итальяские нобили, после того, как им удалось сбавить из своих владений несколько тысяч отборного сброда. Для того чтобы довести «доброе дело» до конца, во главе этой армии папа поставил, не Отто де Грандисона — опытного воина, или, на худой конец, де Гралли, а преподобного Бернара, епископа Тира, который спит и видит себя патриархом иерусалимским.

И вот теперь итальяские «крестоносцы» рыскают по Палестине, как стая волков, и грабят мусульман и иудеев, благодаря чему неустойчивый мир постоянно находится под угрозой. А преподобный Бернар, гордый своей миссией, защищает их как наседка. Ведь паломники находятся под защитой папы, и судить их по местным законам нет никакой возможности.

Посланник пишет, что средства для прокорма этого «войска» были одолжены понтификом у Грандисона из тех денег, которые ему выдал английский король на военные нужды Акры.

Короче говоря, папа Николай не истратил на эту миссию ни одного солида, переправил в Акру неуправляемый сброд, от которого толку ни на денье, и при этом искренне считает, что оказал Заморью неоценимую услугу.

С этими словами Ронселен де Фо покинул маршала, и поднялся на вершину башни, где находились его апартаменты.

Из окна открывался великолепный вид на горные склоны, побережье и лимассольскую гавань, поэтому, наслаждаясь прекрасным видом, он раньше других разглядел появившиеся на горизонте многочисленные точки, выросшие постепенно в расплывчатые пятна, которые приняли очертания кораблей с красными тамплиерскими крестами на парусах. Это прибыл из Мессины долгожданный конвой.

Не прошло и часа, как из ворот командорства вышел отлично вооруженный отряд, который возглавлял брат Дмитрий Солари, шевалье де Вази, Меченый Маршал. От Лимассоладо Акры морем было три дня пути.

«Господин президент, кажется, нашли!» — голос оперативного дежурного чуть не звенел от восторга, но Дефо, прежде чем присоединиться к ликованию, предпочел выслушать доклад до конца.

— В один из дайвинг-центров на Кипре в пятницу была предъявлена карточка системы «ПАДИ» на имя Дмитрия Соларева. Ее код совпал с тем, который имеется в его досье. Он на Кипре, господин президент!

— Проверку въездных виз и паспортов провели? Есть информация о приобретении билетов? С сотрудниками центра побеседовали? — Дефо задавал вопросы так, словно забивал гвозди.

— Информация получена семь минут назад, — опомнился и перешел на нормальный деловой тон дежурный, — задача на проверку поставлена, мы связываемся с британской разведкой, чтобы провести расследование на Кипре от их имени. Но проверка паспортов вряд ли принесет результат, потому что там до сих пор учет туристов не автоматизирован. Анкеты приезжающих накапливаются на пунктах пограничного контроля, и два раза в неделю свозятся в полицейский архив Никосии. При этом никто особо не следит за их систематизацией, а зачастую они просто пропадают.

— Да, помню, — отозвался Дефо, — как-то раз, мы зря потратили трое суток, пытаясь отследить там одного «туриста». А что по консульствам?

— Только что получено сообщение по линии Интерпола, что за последние пятнадцать дней консульства Республики Кипр в России, Украине, Беларуси и еще в пятнадцати странах визу означенному лицу не выдавали.

— На всякий случай дайте запрос на второго — Ликаренко, хотя я думаю, что это тоже результата не принесет. Похоже, что они сменили паспорта, так что карточка Соларева могла всплыть на Кипре и для отвлечения внимания. В общем, как можно быстрее проведите проверку на месте, и действуйте по обстановке. В случае обнаружения, немедленно установить круглосуточное наблюдение, и без моей команды ничего не предпринимать.

Сразу после окончания разговора Дефо распорядился поднять по тревоге и отправить на Кипр группу захвата.

1290 год от Рождества Христова для Сирии был удачным. Таких урожаев, не помнили даже местные старожилы, и торговые суда на рейде Акры теснились, словно сельди в бочке. Кораблей в городе было так много, что о том, чтобы зайти в гавань и пришвартоваться у мола трем галерам ордена, не могло быть и речи. Мало того — Дмитрий, Хакенсборн, Ансельм, и Ставрос с трудом отыскивали место, для того чтобы выгрузиться из шлюпки.

Ставрос, едва выбрался на берег и пришел в себя, немедленно куда-то испарился, а Дмитрий, ожидая братьев, которые должны их встретить, стоял в окружении своих рыцарей и морщил нос, вдыхая запахи нечистот, которыми всегда славилась перенаселенная и тесная Акра.

Через четверть часа брат-драпиарий вернулся, и, довольно отдуваясь, пропищал на ухо Меченому Маршалу: «Как приказали, господин Дмитрий, местечко для выгрузки солдат и коней к обеду освободится, я тут с пизанцами договорился, у них портовый мастер — мой дальний родственник по линии матери. Я тут с вашего позволения насчет провианта побеспокоюсь, а вы уж, предупредите того, кто за разгрузку будет отвечать, чтобы моего мула не обидели, да не приведи господи, не завернули торговцев из Багдада, которые будут на нашу галеру финики грузить. Они для Дома Скриптория предназначены, мой помощник Мойш... то есть тьфу, брат Николас, в Лимассоле их разгрузит...»

Не дав Дмитрию вставить и полслова, неугомонный плут немедленно удалился, по дороге зацепив за рукав халата какого-то негоцианта в высоком тюрбане, и что-то ему втолковывая.

Тем временем, к ним пробился сквозь толпу тамплиер в сержантском плаще. Рассыпавшись в извинениях за то, что заставил высокочтимых братьев ждать, он взялся решать все портовые проблемы, а Дмитрия попросил немедленно проследовать в Тамплъ, где его ожидал великий магистр.

Гийом Де Боже состоял через двоюродную сестру в родстве с домом Капетингов, но несмотря на высокое покровительство, прошел всю служебную лестницу от простого брата-рыцаря, и дослужился до высшего в ордене поста.

Обменявшись братским поцелуем, мессир Гийом де Боже, давно привыкший к внешности маршала, принял у Дмитрия почту, и погрузился в чтение, которое прерывалось только вскрытием печатей очередного пакета. Ознакомившись с корреспонденцией, и не обнаружив ничего такого, что бы потребовало немедленных действий, мессир Гийом отпустил Дмитрия, который имел дела в городе, предупредив, что после обедни просит его принять участие в важном заседании городского совета.

Дмитрий вернулся в порт, понаблюдал за тем, как Ставрос, оглашая воплями рейд, ухитряется одновременно подгонять носильщиков, которые, затаскивают на галеру мешки, торговаться с давешним сарацинским купцом, и огрызаться в сторону двух венецианцев. Почтенные негоцианты республики Святого Марка, из-под носа у которых он увел партию фиников, не желали связываться с тамплиерами, и издали переругивались с братом драпиарием.

«Еще одной легендой про корысть и богатство ордена станет больше» — подумал Дмитрий, направляя коня в сторону ворот святого Антония, где, согласно городскому уложению, эту неделю нес службу подчиненный ему эскадрон.

С великим магистром они встретились по дороге и, как положено лицам их звания, въехали в ворота замка Марии Антиохийской, который служил резиденцией правителей

Иерусалимского королевства, верхом. Во дворе и на парадной лестнице прогуливались члены государственного совета, многих из которых Дмитрий знал лично.

Он поклоном поприветствовал великого магистра госпитальеров Жана де Виллье и его маршала, Метью де Клермона, и был удостоен благословения патриарха Иерусалима — почтенного Николая. Преподобный Бернар, епископ недавно потерянного Тира, прошествовал мимо, не удостоив его внимания.

Дождавшись приезда маршала ордена Храма, Пьера де Севри, де Боже кивком головы пригласил Дмитрия проследовать за ним в зал. Там ожидали магистр тевтонского ордена вместе с командором братства Меча, а также магистр ордена святого Лазаря, голова которого по причине проказы была скрыта шлемом.

В дальнем углу вполголоса беседовали синьор Тира, и представитель английского короля и по совместительству глава крестоносного братства святого Фомы Акрского, командир отряда англичан Отто де Грандисон. Чуть позже к ним присоединился представитель французского короля, сенешаль Жан де Гралли.

Последними прибыли венецианский бальи и пизанский консул в сопровождении адмирала республики св. Марка, сына дожа, Джакомо Тьеполо, и командир небольшой эскадры, которую прислал папа Николай IV, ломбардец Роже де Тодини.

Правителем города считался коннетабль Иерусалимского королевства Амори де Лузиньян, семнадцатилетний брат кипрского короля Генриха II, но занимавшие в городе целые кварталы венецианцы, пизанцы, рыцарские ордена и патриарх ему не подчинялись.

Войдя в зал последним, коннетабль пригласил присутствующих занять свои места за столом, где по традиции были приготовлены вина, напитки, фрукты и восточные сласти. После того, как стража плотно затворила двери большого зала заседаний, коннетабль открыл совет.

— Господа, — произнес Амори де Лузиньян, — всем вам известно, что несколько дней назад султан Калаун прислал нам письмо с требованием казнить виновных в давешних погромах. Бальи Акры, который вел следствие, доложит вам обстоятельства дела.

Поднявшийся с места бальи, отвечавший за порядок в многонациональном торговом городе, поднял к глазам пергамент и бесцветным голосом зачитал: «В прошлом году по высочайшему повелению его святейшества, в Акру прибыли принявшие крест уроженцы Ломбардии и окрестностей Рима, числом шестнадцать сотен. По словам их капитана, они ехали сражаться за Гроб Господень, а прибыв на Святую Землю увидели, что местные христиане предательски сожительствоуют здесь с неверными. Впрочем, — бальи поднял глаза над пергаментом и обвел взглядом присутствующих, — как известно, это обычная формулировка, которой пользуются в Заморье новоприбывшие, чтобы оправдать грабежи».

Бальи прокашлялся и продолжил: «В окрестностях города, якобы узнав о том, что некий мусульманский купец совратил христианку, ломбардские наемники неблагородного происхождения убили около тридцати крестьян и несколько сирийцев, христиан-мелькитов, а затем, вернувшись в город, набросились на караван-сарай, где успели спрятаться мусульманские купцы. Эти купцы входили в гильдию, которая находилась под покровительством братьев тамплиеров и братьев госпитальеров, которые отправили своих сержантов, чтобы остановить кровопролитие. Они арестовали мародеров и сопроводили их в темницу Королевского замка. Виновные в разбое ныне освобождены из-под ареста по распоряжению сира коннетабля».

— Все они, — едва дождавшись окончания доклада, вмешался епископ Бернар — как принявшие крест, находятся под защитой святой Римской церкви. Они покаются, и я лично отпустил им грехи, — епископ с торжествующим видом посмотрел в сторону тамплиеров.

Ги де Боже медленно поднялся и вышел из-за стола.

— По всей вероятности, — медленно прохаживаясь по залу, произнес он, —

присутствующие здесь не представляют себе, что сейчас происходит в Каире. Мои давние друзья, приближенные к султану, сообщают, что Калаун собрал большой совет имамов, и попросил дать ему толкование Корана, которое позволит, используя этот инцидент, нарушить перемирие. Одновременно с этим он объявил большой военный сбор по всем своим землям. Муллы в Сирии и Египте начали призыв к джихаду — священной войне, к которой мы, как известно всем присутствующим, не готовы. Теперь малейшая провокация может привести к преждевременному ее началу. Я требую, чтобы головы этих ломбардцев были отправлены султану в мешках. Иначе Калаун очень скоро придет сюда за нашими головами.

— Невозможно! — вскричал патриарх Николай. — Даже его Высочество коннетабль не может отдать такой приказ в отношении крестоносцев без согласия курии!

— Мессир! — сенешаль Франции Жак де Гралли очищал маленьким золотым кинжальцем второй апельсин, — у меня есть наидостовернейшие сведения, полученные прямо из Парижа, что ныне султан Калаун никак не заинтересован в войне с Иерусалимским королевством. Его главный враг — монголы, и именно против них он готовит свою армию.

— Именно так! — вставил реплику пизанский консул, — вся восточная торговля идет сейчас через Акру. Не будут же султан и его эмиры столь недальновидны, чтобы уничтожить основной источник своих доходов.

— Не забывайте о том, что недавно султан заключил торговый договор с Генуей, милейший — прокомментировал это замечание великий магистр госпитальеров.

Пизанец и венецианец болезненно поморщились.

— После падения Триполи у Генуи не осталось на востоке ни одного порта — с гордостью парировал пизанец.

— Вот это меня и пугает больше всего, — произнес вполголоса стоящий рядом с Дмитрием маршал Храма, Пьер де Севри, — если Генуя и Каир договорятся с Генрихом, чтобы использовать в качестве главного порта какую-нибудь гавань на Кипре, к примеру, Фамагусту, тогда Акра обречена.

— К сожалению, — по праву старшего подвел черту дискуссии юный Амори де Лузиньян, — я не имею право наказать виновных. Вы, мессир, — он повернулся в сторону все шагавшего вдоль окон де Боже, — конечно, можете воспользоваться своим огромным влиянием на курию, и добиться письменного разрешения на казнь, но к чему это приведет? Папе станет гораздо сложнее вербовать для нас солдат, которые и едут-то сюда, прежде всего, для того, чтобы пограбить. А на следующий же день после прибытия к нам очередного отряда, повторится в точности то же самое.

— Я имею еще одно предложение, сир, — глухо отозвался из дальнего угла де Боже, — оно вам может показаться безумным. Казните вместо этих «покаявшихся», — в интонацию, с которой было произнесено это слово, был вложен весь сарказм, накопившийся у мессира по отношению к Тирскому епископу, — те полтора десятка преступников и воров, которые находятся в городской темнице. Если устроить казнь на дальней башне, то вряд ли кто-то из свидетелей распознает подмену. Так мы получим хоть пару месяцев отсрочки.

— Какой отсрочки? — искренне удивился посланник английского короля, Отто де Грандисон, — я только что вернулся после инспекции крепостных укреплений. Если вы считаете, что несколько тысяч сброда, который пригонит сюда султан, смогут причинить Акре хоть малейший вред — вы ошибаетесь. Это вам не Триполи какой-то. Ров в пятнадцать локтей шириной наполнен до краев водой. За ним два ряда мощных тридцатифутовых стен с отлично укрепленными башнями. Флота у мамелюков нет — с моря они не прорвутся, и не смогут нас заблокировать. Поят с месяц у стен, и разбредутся, как обычно.

Видя, что его мысли не находят поддержки ни у кого, кроме братьев госпитальеров,

тевтонцев, и лазаритов, де Боже, не споря более, молча занял за столом свое место.

Коннетабль для порядка еще раз опросил всех членов совета, и принял окончательное решение — отправить султану послание с извинениями, и более никаких действий не предпринимать. На этом заседание совета завершилось.

На выезде из замка великий магистр госпитальеров, ведя своего коня стремя в стремя с конем де Боже, спросил:

— Мессир, а почему вы не рассказали о втором письме, где султан требует вместо наказания виновных выкуп — по золотой драхме за каждого жителя города? Я думаю, что даже если бы все прочие отказали принять участие в сборе средств, два наши ордена могли бы выплатить нужную сумму.

— Бесполезно, — ответил де Боже, — тут коннетабль совершенно прав, эдак мы после каждого вновь прибывшего отряда будем по двадцать-тридцать тысяч золотом на откуп собирать. Не на что станет братьев-рыцарей содержать. Так что, будем готовиться к войне. Я, конечно, отправлю еще одного гонца к султану, и буду умолять его о мире, но, думаю, это вряд ли поможет. Да спасет Господь Заморье!

По дороге в командорство Ги де Боже вспоминал прошедшие годы. Смерть грозного Бейбарса в 1277 году дала Иерусалимскому королевству небольшую передышку, которое оно не смогло обратить к собственной пользе.

Его родственник, король Неаполитанский Карл де Анжу, к счастью, в конце концов, получил все права на Иерусалимскую корону, и был готов при поддержке ордена воевать за свои новые владения. Зная Карла, как человека честолубивого, безжалостного и хладнокровного — он не остановился перед тем, чтобы вырезать под корень весь род Гогенштауфенов, с которым воевал за Сицилию, Великий Магистр ожидал что папа, Карл Анжуйский и его союзник, Эдуард Английский, смогут обеспечить защиту Иерусалимского королевства. Однако, в 1282 году в Палермо произошел бунт местных нобилей, известный как «Сицилийская вечерня», завершившийся тем, что все французы на острове были вырезаны, а Сицилия была потеряна Карлом, и перешла в руки Арагонской династии. Карл Анжуйский был изгнан из своих владений, потерял все — земли, доходы, армию, и через три года тихо скончался в Неаполе. После смерти Карла корона вернулась к Лузиньянам, и великий магистр, скрепя сердце признал Генриха Кипрского королем Иерусалимским.

Торговлю невозможно остановить, думал он, глядя на то, как тянутся от городских ворот в сторону гавани бесконечные повозки. Сарацинские купцы и торговые республики Италии испокон веку действуют по правилу: «Политика и религия — одно, а торговля совсем другое». Акра стала перевалочной факторией между Востоком и Западом, но число тех, кого это не устраивает, с каждым годом увеличивается. И теперь, когда Генуя и Кипр пытаются организовать собственные торговые пути, венецианцы и тамплиеры становятся для них главными врагами...

Через две недели гонец доставил в Тампль письмо, которое новый султан, сын внезапно умершего Калауна, нарочито пренебрегая и королем, и его коннетаблем, направил лично великому магистру. Его текст гласил:

«Султан султанов, царь царей, повелитель повелителей, Малек ал-Эссераф; могущественный, грозный, каратель мятежников, победитель франков, и татар, и армян, вырывающий крепости из рук неверных вам, благородному магистру ордена Храма, истинному и мудрому, привет и наша добрая воля. Поскольку вы — настоящий муж, мы посылаем вам послания о нашей воле и доводим до вас, что мы идем на ваши отряды, чтобы возместить нанесенный нам ущерб, отчего мы не желаем, чтобы власти

Акры посылали нам ни письма, ни подарки, ибо мы их больше не примем».

Ближе к обеду, как и было условлено, Дима подкатил к дому Джорджа на арендованном при помощи вездесущего Пантелиса, маленьком джипе «Сузуки-Самурай». Все утро он тренировался в вождении с правым рулем, и даже достиг некоторых успехов. Дверь ему открыл хмурый сосед. «Джордж в тюрьме — не здороваясь, буркнул он с порога — его, как безработного, сегодня утром иммиграционная служба задержала для высылки. Это родители его бывшей женушки постарались».

Такого оборота событий Дима никак не ожидал. Джордж ему очень понравился, и ему было откровенно жаль ливанца. Да и компании ему не хватало. После возвращения в апартаменты, он устроился за столиком с чашкой кофе, и снова разговорился с Пантелисом. Слово за слово он рассказал ему все о Джордже и об аресте.

— Да уж, — зацокал языком Пантелис, — но из тюрьмы ему легко выбраться, если есть адвокат.

— Я так понимаю, — сказал Дима, — что его взяли быстро, и адвоката вызвать не дали.

— У меня есть приятель, который может взяться за дело, — оживился Пантелис, — как вы думаете, у вашего товарища есть деньги, чтобы его нанять?

— Понятия не имею — ответил Дима.

— Тогда, конечно, сложнее, — искренне расстроился Пантелис, — адвокат на Кипре без оплаты даже в полицию не поедет, и вопрос не начнет изучать.

— Я мог бы оплатить его вызов, а там видно будет — сказал Дима, немного подумав.

— Пантелис одобрительно глянул на Диму, и начал терзать телефон. Адвокат оказался свободен и согласился приехать в Ларнаку хоть сейчас. За несколько минут они оговорили предварительные условия: стоимость одной поездки, то, что он может за эти деньги решить, а также время и место встречи.

Обрадованный Пантелис вызвался лично проводить Диму в Ларнаку, для чего тот предложил свою машину. С огромным облегчением он принял предложение Пантелиса сесть за руль, и они отправились в путь.

Адвокатом оказался молодой человек интеллигентной наружности, в строгом костюме, и золотых очках. Звали его Паниккос. Он поздоровался с Димой, расцеловался с Пантелисом, деловито принял гонорар, и сразу же выписал квитанцию, а затем оставил Диму с Пантелисом в кафе, которое прилепилось к зданию местной полиции, выстроенному из пиленого ракушечника, наверное, еще в девятнадцатом веке, и отправился внутрь.

Вернулся он примерно через час.

— Дело не сложное, — сказал он, присев на предложенный стул и заложив большие пальцы за лацканы пиджака, — арест ливанского гражданина, Джорджа Харба, у которого еще месяц действует вид на жительство, произвели по жалобе отца его бывшей жены. Если поручителей в ближайшие сутки не будет, то вышлют в Ливан.

— А что тут можно сделать? — поинтересовался Дима.

— Мои услуги плюс поручительство обойдутся, — Паниккос нарисовал в своем блокнотике золотым «Монбланом» цифру, — и сегодня же он выйдет на свободу. Но господин Харб говорит, что у него нет такой суммы.

Дима мысленно почесал в затылке. Сумма была половиной того, что компаньоны

предоставили в его распоряжение. Но и уйти не солоно хлебавши уже не мог. После некоторого размышления, он все-таки нашел внутренне оправдание своим действиям, и попросил Паниккоса, чтобы тот организовал ему с Джорджем встречу.

Джордж, который вошел в маленькую, скверно побеленную комнату для свиданий был устал, небрит, и выглядел мрачнее тучи. Удивление, которое появилось в его глазах при виде Димы, было воистину безмерным. Дима, не желая тратить время зря, наклонился к нему поближе, и вполголоса произнес: «Если не имеешь желания завтра же улететь домой, то я могу оплатить адвоката. А ты за это поможешь мне и моим друзьям сделать одно дело здесь, на острове. Ничего незаконного, просто мы ищем что-то вроде клада. Согласен?»

Харб внимательно посмотрел Диме в глаза. Он явно не собирался хвататься за соломинку, и оценивал последствия этого шага, чем еще больше укрепил Диму в своем мнении о том, что человек он серьезный, и крайне полезный для предстоящих поисков. Джордж еще немного помолчал, а затем, выражая свое согласие, медленно кивнул головой. Дальше все дела пошли как по нотам. Дима обналичил в ближайшем банкомате затребованную сумму. Паниккос опять выписал квитанцию, посоветовал им с Пантелисом не ждать под полицией, так как процедура может затянуться, и снова скрылся за дверьми участка.

Пантелис снова занял водительское сиденье, и они двинули обратно, в сторону Лимассола. Поздно вечером Паниккос перезвонил Пантелису, и передал, что только что отвез Джорджа домой. Они посидели с Пантелисом в баре, поговорили о том, о сем, и разошлись.

Утром Дима обнаружил Джорджа за столиком у бассейна. Выбритый, насколько это было в принципе возможно, Джордж крепко пожал ему руку.

— Понять бы еще сегодня до обеда — произнес Дима так, будто вчера ничего не случилось, а если и было, то не стоит упоминать об этом.

— Можно прокатиться к Камню Афродиты в Пафос, — предложил Джордж, — снаряжение арендуем по дороге.

— Тогда поехали — Дима загорелся и времени на сборы тратить не стал. Он усадил Джорджа за руль «Самурая» и они под одобрительные крики Пантелиса, который выскочил на балкон, отправились в путь.

— Дима! — произнес несколько извиняющимся тоном Джордж, когда они выкрутились по серпантину и выскочили на трассу.

— Что? — отозвался тот.

— Спасибо! Что я могу для тебя сделать?

— Покажи, для начала, где здесь можно нормально понять, и попробуй как следует разогнать машину, потому что мне ползать надоело — ответил тот.

Маленький ярко-синий внедорожник весело взревел, и скрылся за холмом. Пантелис, который наблюдал за ними с балкона, романтически вздохнул, вспоминая о комиссионных, которые перечислил ему Паниккос, и спустился в бар.

На самое почетное место в опустевшем за время осады порту пришвартовалась большая галера. К ней немедленно были приставлены широкие, покрытые персидским ковром сходни, по которым восемь мускулистых носильщиков вынесли королевский паланкин — король Кипра Генрих II был слаб здоровьем, и неуверенно себя чувствовал в седле. Поговаривали, что он болен падучей, но правда это или нет, не знали даже магистры Верховного капитула, настолько тщательно Лузиньяны скрывали свои семейные тайны.

Военачальники, которые находились в городе, прознав о подкреплении с Кипра, собрались в порту и приветствовали короля. После рапорта, который отдал коннетабль, они присоединились к свите, и проследовали в замок, в то время как из остальных галер стали выгружаться прибывшие вместе с Генрихом воины-киприоты. После того как благородные и владетельные господа покинули набережную, из толпы зевак, словно камень из катапульты, вылетел Ставрос, и визгливо ругаясь со спускающимися солдатами, ринулся вверх по сходням. Его молодой помощник, «брат Николас», ухитрился договориться с капитанами галер, чтобы они доставили из Лимассола дополнительный провиант для Храма, а кроме того, через адмирала флота передал пизанский вексель — выручку от продажи фиников.

По ходу дела брат драпиарий выяснил, что вместе с королем прибыло около семисот человек — двести всадников и пять сотен пехоты, о чем он по возвращении в Тампль донес господину Дмитрию. Меченый Маршал вернулся в резиденцию ордена почти одновременно с ним, потому что король с трудом перенес трехдневное плавание, чувствовал себя с дороги крайне скверно, и велел не устраивать в честь своего прибытия, как того требовал обычай, большой прием.

На следующий день, распределив свои отряды по участкам стен, Генрих устроил на вершине Королевской башни военный совет. По распоряжению де Боже на нем присутствовал и Дмитрий.

Одним из первых поднявшись на верхнюю площадку, которую от случайных стрел защищали щитами сержанты королевской гвардии, Дмитрий подошел к краю, и выглянул из бойницы. На расстоянии полутора полетов арбалетной стрелы, вся равнина вокруг города была сплошь покрыта шатрами, которые стояли кольшек к кольшку, оставляя свободными лишь неширокие проезды. На возвышенности, как раз там, где располагалась апельсиновая роща и виноградник, принадлежащий тамплиерам, был поставлен огромный алый шатер султана. Его вход был символически открыт в сторону Акры.

Чуть дальше, за палатками, виднелись три огромных камнемета, к которым постоянно подвозили телегами камни. Вплотную ко рву, окружающему стены города, выстроились в несколько рядов лучники. Прикрытые плетеными из лозы заграждениями, они пускали стрелы в ответ на каждое шевеление защитников на стенах, не давая солдатам ни минуты передышки. Правда и арбалетчики на стенах, пользуясь преимуществом своего оружия перед луками, не прощали осаждавшим ни одной ошибки.

Камнеметы поочередно запускали огромные глыбы, целясь в башню над главными городскими воротами. Камни попадали в цель нечасто, но с каждым точным выстрелом изрядный кусок стены с грохотом обрушивался в ров, поднимая столбы брызг.

Пока на площадку забирались участники совета, он вспоминал о последних событиях.

Городское ополчение, которое было собрано из оставшихся в Акре христиан, своего старшины не имело. Еще на прошлой неделе, единодушно избранный начальником гарнизона де Боже произвел смотр этому «войску». Глядя на кухонные ножи и жерди, которые заменяли их обладателям мечи и копья, он поцокал языком, а затем переподчинил их Дмитрию, который немедленно отправил не умеющую держать пеший строй толпу в распоряжение брата драпиария. Выбившийся таким образом в военачальники Ставрос чрезвычайно оживился, и не давал своим новым подчиненным головы поднять, гоняя их то на уборку помещений, то на ликвидацию последствий бомбардировки города, когда какой-нибудь шальной камень залетал в городские кварталы.

Дмитрий еще раз оглядел присутствующих и занял место за спиной де Боже.

— Что ж, Ваше величество, господа, братья, благодарю всех вас за доверие, которое вы мне оказали, избрав начальником гарнизона, — открыл совещание великий магистр, — положение наше, как вы видите, не так уж и безнадежно. Стены города крепки, блокада с моря нам не угрожает. Город неприступен, а три недели бомбардировки большого вреда не нанесли. Теперь, с прибытием подкрепления, мы вполне сможем продержаться столько, сколько необходимо для того, чтобы бедуины обчистили всех крестьян на сто лье в окрест, и вернулись в пустыню. Без главных своих сил султан Эссераф будет вынужден возвратиться в Каир не солоно хлебавши. Войско мамелюков конечно велико, но в июле нам не опасно. Единственную угрозу представляют большие мангонелы, но с ними, я думаю, мы справимся. В результате вылазки, которую возглавил брат Дмитрий — де Боже развернулся всем корпусом, и уважительно кивнул в сторону Меченого Маршала — один из них уничтожен.

— Ну что же, — слабым голосом отозвался Генрих, — продолжайте в том же духе, мессир. Вылазки, перестрелки, и море терпения.

— Вы совершенно правы, Ваше Величество, — поддержал короля сенешаль де Гралли, который с самого момента прибытия монарха ходил за Генрихом словно тень, — после того, как башням ничто не будет угрожать, мы, получая с Кипра все необходимое, сможем подождать, пока султан не будет вынужден снять осаду. Или у кого-то есть иное мнение?

Иное мнение было у де Боже и у Дмитрия, которые неоднократно предлагали вывезти на кораблях из города всю имеющуюся в их распоряжении рыцарскую кавалерию, и навязать султану, приведшему под стены осажденного города в основном пехоту, открытый бой. Отряд в семьсот всадников мог легко рассеять силы неприятеля, если бы смог развернуться в атаку на открытом поле с твердым грунтом. Но после того, как начался сезон весенних гроз и штормов, все, кроме тамплиеров, опасаясь кораблекрушений, наотрез оказались рисковать кораблями и лошадьми.

На этом военный совет и завершился. Генрих в своем заключительном слове вскользь упомянул, что послал к Эссерафу парламентариев, и хочет лично встретиться с молодым султаном, чтобы попробовать с ним договориться о мире. Услышав об этом Дмитрий лишь ухмыльнулся про себя — Эссераф над телом своего отца и в присутствии всех визирей, эмиров, и совета имамов поклялся, что он будет носить траур до тех пор, пока не исполнит последнюю волю Калауна, и не сравняет последний оплот христиан с землей.

По оценкам де Боже, обслуга камнеметов неплохо пристрелялась, и мангонелы со дня на день должны уничтожить одну из надвратных башен, после чего начнется главный штурм. Ночные вылазки успеха не приносили. После первого удачного рейда мамелюки стали дежурить всю ночь напролет, ярко освещая подходы к лагерю, так что диверсионные отряды за три недели осады так и не смогли уничтожить оставшиеся камнеметы.

— Что скажешь, Меченый Маршал? — спросил у Дмитрия де Боже, после того, как они спустились вниз, и поскакали в сторону тампля.

— Мне не нравится все это, мессир, — прямо ответил Дмитрий, — у меня сложилось впечатление, что Лузиньяны поставили крест на Иерусалимском королевстве. Не могли бы вы снести со своим человеком в ставке султана, чтобы узнать, не затевается ли какая измена?

— Мой старый друг, эмир Салах, после смерти султана Калауна отстранен от Каирского двора, и выведен из состава их государственного совета. И ему вряд ли что-нибудь известно, — задумчиво произнес де Боже, — но Генрих обмолвился, что направляет к Эссерафу парламентаров, якобы для того, чтобы попробовать уладить дело миром. Я постараюсь, чтобы вместе с ними в качестве переводчика был отправлен один из моих писцов, хотя бы тот же Жерар из Монреаля. Может ему удастся что-то вынюхать. Я этого паренька знал еще по Тиру, он там состоял при генуэзской фактории, и неплохо выучил арабский. В прошлом году я встретил его в толпе беженцев, оборванного и голодного, пожалел, и взял на службу.

— Пожалуй, у меня есть один человек, который сможет узнать обо всем раньше, чем парламентары вернутся в Акру — задумчиво произнес Дмитрий, и прищипорил коня.

Великий магистр, зная о замкнутом характере Меченого Маршала, не стал уточнять деталей. Через полчаса они находились в большом зале магистерской башни, где вместе с другими военачальниками склонились над планом города, на который за время их отсутствия братья нанесли все изменения, которые произошли на линии обороны и в стане врага за последние три часа.

* * *

С вершины башни тампля, самой близкой к городским стенам, Дмитрий наблюдал за тем, как вражеские солдаты, словно цепочка муравьев, таскают на спинах мешки с песком, и быстро заполняют ими ров напротив пробитого пролома. Их прикрывали укрытые за щитами лучники.

Вскоре ров был завален, и мусульмане, под грохот барабанов и дикие завывания больших медных труб, ринулись в пролом по образовавшейся насыпи. Но, тамплиеры, которые защищали этот участок городских укреплений, успели подогнать к пролому «кошку» — так называлась передвижная защитная башня из дерева, обтянутая в несколько слоев мокрыми шкурами — и смогли под ее прикрытием дать врагу достойный отпор. Наткнувшись на хорошо вооруженных и отлично подготовленных защитников, мамелюки не смогли прорваться за вторую стену, и стали растекаться по барбикену.

Неожиданно там, в пространстве между стенами, появился всадник, в котором Дмитрий без труда узнал Гийома де Боже.

Великий магистр, смертельно уставший от постоянных контратак, в которых он сам принимал участие, пару часов назад вернулся из ставки и прилег отдохнуть, попросив, чтобы его разбудили лишь в случае чего-то особо важного.

Похоже, что случилось и впрямь нечто совершенно неожиданное, потому что он, даже не надев кольчугу, в сопровождении нескольких всадников в белых тамплиерских плащах, скакал вдоль стены, громогласно взывая к укрывшимся на ней защитникам: «Все сюда! Враг захватил ворота Святого Антония! Все, кто может держать меч, немедленно на вылазку!»

Поняв, что мессир не знает о прорыве, и ему грозит смертельная опасность, Дмитрий ринулся вниз по винтовой лестнице. Пробегая вдоль окон-бойниц этаж за этажом, он отметил, что отряд арбалетчиков переместился в сторону прорыва, и число прорвавшихся в барбикен врагов, ощутимо редет.

Дмитрий вылетел стрелой из ворот командорства, опережая свой отряд на два корпуса, не жалея коня, промчался вдоль стены тампля, через ближайшую башню проскочил в барбикен, и

домчал до поворота. «Догнать мессира, и выяснить, что случилось. Господи, только бы не опоздать» — думал он, то и дело давая плетей своему дестриеру.

Но Всевышний не услышал его мольбу. Великий магистр, в окружении своей свиты, лежал на земле, а из его левого бока торчала длинная сарацинская стрела. Над мессиром хлопотал неизвестно как здесь оказавшийся секретарь, тот самый Жерар из Монреалья.

— Что произошло? — резко осадив коня, и, стараясь перекричать шум боя, спросил его Дмитрий.

— Мессир получил донесение о прорыве и, даже не успев надеть доспех, ринулся туда с одним лишь дротиком в руке, — начал сбивчиво объяснять Жерар, — опередив остальных, он первым подскочил к разрушенной башне, и поднял вверх левую руку, чтобы остановить тех, кто следовал за ним. В это время на внешнюю стену забрались вражеские лучники и начали обстрел. Одна из стрел попала в просвет между латами...

Дмитрий спешил и склонился над великим магистром. Убедившись, что тот еще дышит, он огляделся по сторонам, в поисках подмоги.

С противоположной стороны к ним подошел отряд пехотинцев — это были хорошо знакомые Дмитрию ломбардцы из Сполетто. Их мечи были окровавлены.

— Слава Всевышнему, мы отогнали врага от пролома, и сделали баррикаду — коверкая французские слова, произнес один из ломбардцев — вот, слышали крики и пришли узнать, что случилось.

— Ранен мессир де Боже, — сказал Меченый Маршал, — нужно срочно доставить его на галеру ордена.

— Он открыл глаза! — прервал его радостный возглас Жерара.

Все присутствующие затихли, ожидая, что скажет Де Боже.

— Господа, я не могу ничего более. Видите, что я смертельно ранен — слабым голосом произнес уложенный на правый бок Великий Магистр, и снова впал в забытие.

— Не уходите, мессир, ведь без вас город будет потерян! — произнес командир ломбардского отряда, по его испачканным сажей щекам катились слезы. Дмитрий узнал его. Это был один из «крестоносцев», арестованных за грабежи, который был едва не казнен по приказу де Боже.

— Крикните, братьям, — жестко сказал Дмитрий, пресекая все сантименты, чтобы со стены сбросили большой осадный щит. Вы, — произнес он, обращаясь к ломбардцам, — поможете отнести магистра внутрь, — а вы, — в сторону оруженосцев — узнаете, что происходит на стенах, и вернетесь в Тампль.

Дмитрий склонился над недвижимым телом, и стараясь не причинять мессиру дополнительных страданий, обломал стрелу возле самой раны.

Под прикрытием тамплиеров ломбардцы уложили де Боже на сброшенный со стены длинный прямоугольный щит, подняли его, стараясь поменьше трясти раненого на ходу, и двинулись вслед за Дмитрием к ближайшим воротам, ведущим в город.

После того, как они оказались внутри, Дмитрий отпустил ломбардцев, и, оставив на попечение оруженосцев лошадей, с помощью одних лишь братьев-рыцарей ордена опустился в подземный ход, соединявший командорство со стеной, выходящей в сторону моря, где их всегда ждала лодка. К сожалению, на сей раз их подстерегла неудача. На море было сильное волнение, и до галер, покинувших гавань перед штурмом, чтобы не быть захваченными врагом, добраться было невозможно.

Им ничего не осталось делать, как отнести умирающего обратно в тампль. К этому времени мамелюки, судя по всему, прорвались через стены, и жители города беспорядочно бежали в сторону порта.

По дороге мессир лишь раз открыл глаза, и, услышав шум бегущей толпы, спросил у идущего рядом Дмитрия: «Что это? Куда бегут люди?»

— Они сражаются — ответил Дмитрий, не желая расстраивать мессира.

— Хорошо, оставьте в покое... — де Боже снова впал в забытие. Это были его последние слова.

Дмитрий, передал великого магистра на попечение брата инfirmария^[4], покинул Тампль, и отправился в сторону гавани.

Здесь царило такое столпотворение, по сравнению с которым захват греками Константинополя, который он видел тридцать лет назад, показался бы спокойной и неторопливой эвакуацией. Горожане, уверенные в крепости стен и силе гарнизона, не покинули город, и сейчас собирались на набережной.

В гавани к этому времени не оставалось ни одного корабля. Адмиралы тамплиеров, венецианцев и итальянцев, боясь случайных попаданий осадных машин, держали флот на внешнем рейде.

Поняв, что здесь он ничем не сможет быть полезен, Дмитрий оставил коня на попечение увязавшегося за ним с самого тампля Ставроса, который всю дорогу донимал его своими писклявыми причитаниями: «Спасаться нужно, господин, перебьют нас тут, как баранов», и нырнул в одну из боковых улиц, которая соединяла большой рынок с воротами Святого Антония, откуда доносился шум боя.

Ставрос вернулся на набережную, отыскал там спрятанную под навесом шлюпку, и отправил на флагманскую галеру четверых своих ополченцев, с устным приказом «от имени Короля», немедленно вернуть весь флот к причалам и забрать ожидающих там людей.

Не успел Дмитрий пробежать и двух кварталов, как ему навстречу вылетела группа конников, которая плотно окружала самого Генриха Кипрского. На сей раз король, невзирая на свои непреходящие недомогания, променял привычный паланкин на коня, и судя по всему, стремился как можно скорее покинуть город.

Увидев прямо перед собой спокойно стоящего тамплиера в белом рыцарском плаще, и с обнаженным мечом в руке, Генрих поднял руку вверх, и остановил кавалькаду. Король прищурился, вглядываясь в лицо наглецу, но, разглядев за наносником шлема черты Меченого Маршала, которого невозможно было спутать ни с кем, лишь недовольно поморщился.

— Где великий магистр? — тяжело дыша, спросил он Дмитрия.

— Мессир тяжело ранен, он в Тампле, ждет своего часа, Ваше величество — ответил Меченый Маршал.

— Стена разрушена, враг в городе, — овладев собой и подпустив в голос надменности, сказал Генрих, — передайте мессиру, что я забираю своих рыцарей, и возвращаюсь на Кипр. Акру нам не удержать, а королевству нужно сберечь силы для следующей войны.

— Я передам ваши слова мессиру, — склонив голову, и исподлобья глядя на короля, медленно и четко произнес Дмитрий, — правда, не знаю, услышит ли он вас. В любом случае, я не думаю, что орден Храма покинет Акру.

— Как знаете, маршал, как знаете, — отвечал король, размышляя о чем-то своем, — орден мне не подчинен, иначе и вы бы получили приказ возвращаться в Лимассол, — Генрих махнул рукой, дав команду продолжать движение.

«Эта война проиграна!» — было последнее, что услышал Дмитрий, до того, как громыхающие по бульжной мостовой лошади не унесли своих седоков к заходящим в гавань спасительным кораблям.

Дмитрий двинулся дальше, и вышел к разрушенным воротам, где тамплиеры и госпитальеры, кое-где разбавленные тевтонцами, лазаритами и светскими рыцарями,

выстроились поперек улицы в три шеренги, и вели бой с врагом.

Как это было во все времена, дисциплина, хорошие доспехи, и воинская выучка делали маленькую армию, которую, как удалось разглядеть Дмитрию, возглавлял маршал госпитальеров Метью де Клермон, неуязвимой даже для многократно превосходящего противника.

Опытные воины, они вели себя словно на учении, или на пешем ристалище. Сменяя друг друга, и методично работая мечами, рыцари в железных доспехах, оттесняли воюющих, как шакалы, мамелюков к пролому. За медленно и неуклонно движущейся шеренгой оставался след из убитых и раненых врагов.

Дмитрий немедленно присоединился к сражающимся, почти сразу очутился в первом ряду и, забыв обо всем, превратился в военную машину, которая сокрушала все, что попадалось в поле зрения, и хоть отчасти напоминало силуэт воина-мамелюка.

Опомнился он лишь тогда, когда враги оказались полностью выметенными за пределы города, а солнце почти скрылось за ломаной линией построек у них за спиной. Выяснилось, что Великий Магистр госпитальеров Жан де Вилье был также тяжело ранен, а командование уцелевшими рыцарями принял на себя маршал Храма Пьер де Севри.

Теперь защитникам города нужно было в первую очередь оценить свои силы и обстановку в городе. Отправленные на разведку сержанты, по возвращении донесли, что участок стены, который защищали киприоты, полностью оголен. Посланные в гавань гонцы сообщили, что король Генрих, пользуясь тем, что братья организовали контратаку, и не пропустили врага, погрузил на галеры все подчиненные ему силы, а также местных нобилей, и уплыл на Кипр, не пробыв, таким образом, в осажденном городе и двух недель. Вслед за Генрихом покинули город венецианцы и пизанцы.

Во время вечернего намаза, все, кроме стражи на стенах, собрались в резиденции госпитальеров. Общая переключка показала, что в городе осталось не более восьмисот боеспособных братьев — рыцарей и сержантов.

Рыцари, прибывшие из Тампля, принесли грустную весть: Мессир де Боже умер, не приходя в сознание. Представители всех орденов единодушно избрали начальником гарнизона маршала Храма, Пьера де Севри. Военный совет, немедленно собранный маршалом, принял решение удерживать всеми силами стены еще один день, чтобы дать возможность погрузиться на корабли оставшимся в городе христианам, а затем под покровом ночи, морем уйти в Сидон, который еще оставался в руках тамплиеров.

Утром, с первыми лучами солнца, защитники были готовы к штурму. Распределив по внешним стенам около полутора сотен человек, де Севри сосредоточил основное войско в проломе, где за ночь все свободные от караулов, из обломков и строительного мусора успели построить высокую баррикаду.

Как только солнечный диск выглянул из-за горы, над полем, заполненным вражеской пехотой, взметнулись навстречу утренним лучам голоса множества муэдзинов. Не успели они умолкнуть, как до защитников донесся рокот больших барабанов, и низкое гудение медных труб.

Под ободрительные крики своих командиров, мамелюкское войско, сначала медленным шагом, затем все более ускоряясь, и переходя на бег, ринулось в пролом.

Вновь началась бесконечная рубка. Рыцари, чувствуя что от усталости рука не может держать меч, вываливались из боя, оттирали от крови лезвия, и немного отдохнув, вновь становились в строй, давая в свою очередь перевести дух уцелевшим.

Ставрос объявился и здесь. Мобилизовав слуг ордена, из тех, что оставались в тампле, он организовал эвакуацию раненых и подвоз воды. Благо, что три галеры, принадлежащие Храму,

все еще ожидали на рейде.

До конца дня вражеские стрелки несколько раз забирались на стены и открывали огонь, нанося большой урон защитникам крепости. Но их неизменно выбивали оттуда лазариты, ценой собственных потерь. К тому времени, когда солнце скрылось за горизонтом, ни одного рыцаря из прокаженных братьев ордена Святого Лазаря не осталось в живых. Впрочем, к вечеру ни для кого и тех, кто выжил, не было разницы, кто сражается рядом с ним — тамплиер, госпитальер, или тевтонец.

После того как наступила ночь, маршал отдал приказ всем оставшимся в живых оставить стены и отходить в таппль. Подозвав Дмитрия, он попросил его, взять с собой небольшой отряд, и проверить, что происходит в порту.

Дмитрий обнаружил, что из Дома Скриптория остались в живых только он и брат Ансельм. Он испросил согласия командора тевтонцев, и выбрал себе трех знакомых по службе в городе рыцарей, которые, в свою очередь набрали отряд в десятка полтора сержантов.

Во главе маленького отряда, он двигался по обезлюдевшей Акре. Многие христиане после возвращения флота, успели покинуть город, а мусульмане прятались в своих домах, с надеждой ожидая прихода единоверцев. Но, как выяснилось сразу же после того, как они выехали на набережную, желающие покинуть город еще оставались.

У причала была пришвартована орденская галера «Фалькон», вокруг которой собралась небольшая толпа, составленная, судя по нарядам, из достаточно состоятельных людей. Подойдя поближе, Дмитрий разглядел на сходнях в свете факелов ее капитана — брата Роджера де Блума, который, стоя на сходнях, с двумя солдатами за спиной, лично принимал у беженцев деньги, и только после этого допускал их на борт.

Дмитрий, оставаясь внешне невозмутимым, шепотом дал команду одному из тевтонцев, чтобы тот возглавил сержантов, и оцепил подступы к причалу, а сам, с Ансельмом, и еще двумя рыцарями, вынырнул из темноты, и предстал перед потерявшим дар речи предприимчивым капитаном.

— На колени — рывкнул Дмитрий. При этих словах толпа, оставшаяся на берегу охнула в один голос.

Де Блум, только что чванливо поглядывавший на мужчин, протягивающих ему мешочки с золотом, и раздевавший глазами поднимающихся по сходням благородных дам, увидев перед собой Меченого Маршала, сразу же потерял всю свою самоуверенность, и бухнулся перед Дмитрием на колени там, где стоял, чуть не свалившись при этом в воду.

— Ансельм, — Дмитрий сдерживал себя из последних сил, — с пятью сержантами на галеру. Подготовить веревку — две веревки, для капитана и помощника. После казни примешь командование. Посчитай, сколько осталось места на палубе и в трюме, поставь сильный караул на сходнях, и пропускай лишь женщин и детей. Как только все палубы будут заполнены, пойдете в Лимассол, а оттуда вернетесь так быстро, как сможете.

— Во имя Господа, брат — машинально ответил по уставу Ансельм, и в свою очередь, отдав ряд коротких команд сержантам, ринулся выполнять поручение.

Дмитрий, вытянул из ножен кинжал — мизерикордию, и разрезал фибулу на шее коленопреклоненного де Блума. Белый плащ с красным крестом медленно сполз с плеч, опустился в чернеющую воду, и скрылся в глубине.

— Братья гибнут у разбитых стен, чтобы дать возможность этим людям спастись, — сказал Дмитрий чуть не дрожа от ярости, — ты же торгуешь здесь тем, что тебе не принадлежит. Пользуясь своими правами, я изгоняю тебя из ордена, и, по законам военного времени, приговариваю к смерти за мародерство. Ты был хорошим моряком, бывший брат Роджер, умри достойно!

— Народу на набережной собралось слишком много, — прохрипел немного пришедший в себя мародер, — нужно же было как-то выбирать — вот я и размещал тех, кто в состоянии за себя заплатить, это справедливо.

Дмитрий, ничего не отвечая осужденному, повернулся и пошел в сторону оттесненной от сходней толпы. На мачте галеры со скрипом поднялась на блоках перекаладина, на конце которой болталась петля. Два сержанта, по команде тевтонского рыцаря, скрутили руки де Блума за спиной, и поволокли его вверх по сходням, где поднималось на веревке извивающееся тело его помощника.

— Уплывут все, кого сможем взять, — обратился к замершим от страха горожанам Дмитрий, — но сначала — женщины и дети. Мамелюки здесь появятся только утром, так что времени на погрузку вполне достаточно. Денег не нужно, кто спасется, пожертвует Храму на Кипре, сколько сочтет возможным. Кто из мужчин раньше времени попытается прорваться — будет убит на месте.

В это время на набережной появился гонец, посланный де Севри. «Брат Ансельм — крикнул Дмитрий, после того как выслушал сержанта-госпитальера — мы возвращаемся в тампль. Выполни свой обет и спаси этих людей!» С этими словами он, и оставшиеся на берегу тевтонцы, более не вступая ни в какие разговоры с перепуганными горожанами, сняли оцепление, и растворились в освещенных многочисленными пожарами улицах.

Тампль — резиденция ордена, был самым укрепленным в городе замком. Он имел собственный выход к морю, и был огражден стеной не менее широкой и прочной, чем городская, а ворота его защищала высокая и мощная башня. Внутреннее пространство цитадели разделялось на три части. В первой находился дворец великого магистра, церковь, и дортуар с кельями братьев-рыцарей. Вторая включала казармы братьев-сержантов, и называлась подобно, городским предместьям — Бург. Третья, где все последние дни распоряжался Ставрос, имела прозвище Скотный двор, и включала хозяйственные постройки, а также жилища для слуг и работников.

Дмитрий протиснулся в чуть приоткрытые въездные ворота, и в первую очередь отправился в церковь, откуда доносились голоса братьев, исполнявших погребальную мессу. Он успел вовремя, потому что как раз в тот миг, когда он, осенив себя крестным знаменем, зашел в центральный предел, тело великого магистра Гийома де Боже опускали в могилу, приготовленную прямо перед алтарем.

Под нестройный речитатив братьев-рыцарей, читавших «Отче наш», останки мессира засыпали каменистой землей, и водрузили сверху тяжелую каменную плиту. Более времени на отпевание у них не было. Близился рассвет, а вслед за солнцем, убедившись, что защитники покинули стены, в Акру должны были пожаловать мамелюки.

Разыскав на одной из башен маршала де Севри, Дмитрий рассказал о произошедшем в гавани, и отправился в Бург. Ему было приказано переформировывать подтягивающиеся в тампль отряды, и распределять их по стенам.

Заглянув на Скотный двор, он к своему глубокому изумлению, обнаружил там Ставроса, который важно обходил неровный строй горожан, которым ничего не оставалось делать, как укрываться от захватчиков в последнем оплоте христиан. Толстяк, который в буром тамплиерском плаще, из-под которого выглядывала короткая кольчуга, выглядел и вовсе как арбуз, что-то рассказывал, размахивая на ходу руками.

«Не иначе, как галеру на рейде для себя оставил брат драпиарий, уж слишком уверенно себя чувствует» — подумал Дмитрий. Но до рассвета оставалось не более часа, и времени перекинуться хотя бы парой слов с бывшим управляющим Вази, у Дмитрия не нашлось.

После вчерашней рубки в тампле собралось чуть более двухсот сержантов, и всего лишь

семнадцать рыцарей. После короткого совещания все присутствующие подтвердили, что будут беспрекословно подчиняться де Севри, и выполнять все его распоряжения. Защитникам нужно было продержаться пару дней до прихода галер.

Братья заняли свои места у бойниц. Рассвело. Но враги не спешили входить в город. Мамелюки боялись защитников. Лишь после того, как церковный колокол прозвонил к обедне, в прилегающих кварталах засверкали шлемы мамелюкских солдат, Султан убедился, что защитники оставили город, и вскоре тампль был плотно окружен врагами.

Атака, на которую враги сподвиглись только к концу дня, была легко отбита. Узкие улицы города не пропустили осадные машины, а без таранов и катапульт атакующие схлынули обратно так же, как и набежали — быстро и шумно, оставив на мостовой несколько десятков убитых.

Ночь прошла спокойно, а утром под стенами города появилась небольшая группа знатных всадников, размахивающих белым флагом. Очевидно, султан Эссераф хотел предложить защитникам капитуляцию.

На переговоры отправился де Севри, оставив старшим в крепости Дмитрия. Тот с надвратной башни наблюдал за тем, как договаривающиеся стороны съехались посреди площади, погарцевали друг перед другом, а затем разъехались.

— Нам предлагают от имени султана достойные условия сдачи, — по возвращению поведал рыцарям де Севри, — нам позволят завести галеру в порт, и с оружием в руках погрузиться на нее вместе со всеми, кто сейчас находится в тампле. В заложники султан передает троюродного брата. После того, как тот прибудет в крепость, мы должны будем поднять над тамплем знамя, которое он принесет, а затем открыть ворота, и проследовать в гавань. Султан позаботится о безопасности братьев и мирян, пока мы не покинем Акру. Он поражен нашей храбростью и не желает больше продолжать бессмысленное кровопролитие.

Условия капитуляции были и вправду достойными. К вечеру братья полностью подготовились к выходу. Заложник прибыл в тампль, и до условленного часа осталось совсем немного. Дмитрий, помолившись над могилой де Боже, вышел из церкви, и собирался вскочить на коня, когда, расталкивая насмерть перепуганных женщин, сбившихся в кучу перед воротами, к нему подкатился Ставрос.

— Воля ваша господин, — пропищал толстяк, с трудом переводя дух, — только уж я лучше в подземелье отсижусь. Ежели что, то лодочку подошлете ночью к стене, а нет, так нет. Стар я. Жизнь к концу подходит, но все равно, быть зарезанным на улице, как баран почему-то не хочу. Не доверяю я мамелюкам.

— Не могу тебе приказывать, брат драпиарий, — ответил Меченый Маршал, и хлопнул по плечу своего бывшего управляющего, от чего тот чуть не сел на землю, — лодка будет ждать тебя во время намаза, а если не сможешь до нее добраться, то сдавайся в плен. Жив буду — выкуплю. Сам чую, что наша сдача добром не закончится, но и оставлять братьев и горожан на верную смерть мы с маршалом не хотим.

С этими словами Дмитрий дал команду поднимать на башне сарацинский флаг, и открывать ворота, а Ставрос, что было сил, припустил в сторону Бурга.

* * *

Эмир Бильбек проклинал эту войну, которая свалилась ему на голову в самый неподходящий момент. Если бы он знал, что им под страхом смерти запретят грабить местных жителей, то ограничился бы тем, что отправил по распоряжению султана в войско несколько

воинов, а сам бы продолжал пощипывать пограничные деревни и городки, которые принадлежали монголам.

Мало того, его легким сирийским всадникам на быстрых лошадях, при осаде города не нашлось достойного применения. Стены штурмовали пехотинцы, а отбиваться от вылазок неверных приходилось египетской коннице султана, которая имела тяжелые доспехи.

Да и с фуражом становилось все хуже и хуже — собранные султаном пятнадцать тысяч воинов опустошили окрестные скотные дворы и амбары так, что там и крысам нечем оставалось поживиться. Вот и пришлось Бильбеку все эти бесконечные шесть недель, то нести караулы, патрулируя подходы к лагерю, то сопровождать посланников султана в Дамаск и обратно.

Но наконец-то Аллах смилостивился над ними, и направил камни огромных машин, в нужное место башни, которую прозвали «проклятой». Башня обрушилась, и открыла проход, достаточный для начала штурма. Правда, еще два дня после этого воины султана никак не могли овладеть городом. Эти ужасные рыцари-монахи, слава о которых испокон веку шла по всем странам ислама, смогли отбросить многократно превосходивших их по числу правоверных, и продержались еще целый день и ночь. Но теперь, слава Аллаху, они заперлись в своем монастыре, и путь в город был открыт.

Бильбека и его джигитов, озверевших от отсутствия поживы и скудости казенных рационов, ничто не могло сдержать от законного права наполнить свои карманы золотом жителей этого богатого города, и захватить красивых и дорогих рабынь. Правда, после взятия Триполи, в котором они тоже принимали участие, цены на живой товар очень упали. Христианская девочка, в возрасте пригодном к содержанию в гареме, стоила теперь в Каире всего один динар, против двух-трех, как это было несколько лет назад, а некастрированный раб и того меньше.

Как выяснилось, Аллах в этот раз был не на стороне Бильбека. К тому времени как его отряд ворвался в город, на улицах не оставалось добычи, кроме никому не нужных стариков и старух, а в кварталах неверных, из каждого дверного проема выглядывал ухмыляющийся соотечественник, показывая, что больше никому поживиться здесь не удастся. Грабить единоверцев было очень опасно. Узнав об этом молодой султан непременно выполнит свое обещание, и обезглавит любого, на кого ему пожалуются правоверные жители Акры, перенесшие бремя власти христиан и многодневную осаду.

Флаг, взметнувшийся над главной башней еще не сдавшейся цитадели, Бильбек заметил первым. Издав радостный крик, он указал на него саблей своим всадникам, и они, плотной группой ринулись в сторону сдавшейся крепости, надеясь, что хоть сейчас успеют к дележу добычи.

И вправду, ворота цитадели были широко распахнуты, и из них неплотной толпой вываливались христиане, среди которых было много девочек, девушек и молодых женщин. Несколько назарейских рыцарей, скачущих вслед за толпой, не смутили с ревом вылетевший из-за угла отряд разгоряченного эмира. В воздухе засвистели волосяные арканы, и тишину огласили женские крики.

Один из рыцарей в белом плаще с красным крестом, даже не обнажив свой меч, что-то возмущенно выкрикивая, подскакал к Бильбеку, который в это время упоенно приторачивал к седлу веревку, связав руки второй золотокудрой гурии, и попытался ему помешать. Не особо отвлекаясь от своего занятия, Бильбек, отмахнувшись в его сторону, снес дамасским клинком голову докучливого назарея, и как ни в чем не бывало, стал оглядываться по сторонам в поисках очередной жертвы.

При виде того, как обезглавленное тело их товарища валится на землю, остальные ринулись обратно в цитадель, и через несколько минут из каменной арки, ведущей от привратной площади в глубину крепости, с ревом вырвался отряд всадников в белых плащах, держащих

наготове длинные кавалерийские мечи. Ошалевшие от легкой добычи джигиты Бильбека, не успев до конца осознать происходящее, посыпались на землю как горох, а сам их предводитель, который не успел встретить свою девятнадцатую осень, был перерублен почти пополам тамплиером, половина лица которого была изуродована страшным шрамом.

Визирь, Хоссам Эддин Ладин, которому Эссераф аль-Халил поручил обеспечивать безопасность защитников Акры, был готов вырвать всю свою бороду без остатка. Его воины пропустили отряд Бильбека к христианам, думая, что это делается по приказу султана, а когда опомнились, было поздно.

Тамплиеры, изрубив в капусту нападавших, снова заперлись в своей крепости, обезглавили заложника, а знамя султана изорвали на куски и выбросили наружу. После этого они еще несколько часов удерживали ворота, отражая атаки, а затем отошли в глубину крепости, заперлись в своей дальней, самой мощной башне, которую выстроил еще блистательный Салах ад-Дин, и потребовали аудиенции с султаном.

Визирь отлично понимал, что на такую аудиенцию ему нужно идти сразу же запасшись прочным шелковым шнурком — ведь благодаря этому бестолковому мальчишке Бильбеку, перемирие было нарушено по их вине. Но, будучи человеком, весьма искушенным в дворцовых интригах, он решил использовать свой последний шанс.

Препроводив парламентаров к Светлейшему, он оставил предводителя тамплиеров с двумя сопровождающими его рыцарями у входа в шатер, а сам зашел внутрь, и, почтительно приблизившись к султану, произнес:

— Светлейший! Неверные просят прощения за своих братьев, которые опять нарушили условия мира. Они просят у Вас милости и прощения.

— Милости? — молодой человек был в ярости, — после того как они нарушили клятву, и лишили жизни любимого брата, с которым я рос? Единственная милость, которой они от меня могут теперь дождаться — это легкая смерть. Обезглавить сейчас же.

Ожидавшие у входа без оружия де Севри с двумя госпитальерами, кипевшие от возмущения, и готовые высказать султану все, что они думали по этому поводу, неожиданно по команде вернувшегося визиря были схвачены стоящими у них за спиной телохранителями. Всех троих, заломив руки, поставили на колени, прозвучала короткая команда и почти одновременно, круша шейные позвонки, врезались в плоть кривые, тяжелые мечи. На белый речной песок, которым была усыпана площадка перед шатром, брызнули фонтаны крови.

Через несколько минут, визирь, с явным облегчением демонстрировал своему юному повелителю три коротко стриженные, бородатые головы, строго взиравшие остекленевшими глазами с золотых блюд, которые держали в руках нубийские рабы.

* * *

С нижнего этажа доносился непрерывный стук и скрежет. Это мусульманские камнетесы, камень за камнем разбирали фундамент башни, в которой укрылись последние защитники Акры.

Гроза на море все не утихала, так что снующие между вернувшейся с Кипра галерой и берегом лодки успевали вывезти всего два-три десятка человек в день. С самого начала мамелюки попробовали разбить дверь, используя в качестве тарана большое оббитое железом бревно. Они достигли некоторого успеха и чуть не проникли внутрь. Но тамплиеры стояли насмерть, и потеряв около сотни человек, воины султана прекратили бесплодные лобовые атаки, позволив оборонявшимся плотно забаррикадировать двери.

Невзирая на приказ султана, который распорядился, чтобы никто из защитников башни не ушел живым, солдаты, которыми командовал визирь, ограничились постепенным разрушением башни, да обстрелом со стен шлюпок, которые увозили уцелевших горожан.

После гибели де Севри Дмитрий оказался старшим из братьев-рыцарей, и принял командование. Смертельно уставший за последние дни, он думал лишь о том, успеют ли все запертые в башне миряне спастись до того, как обрушатся стены.

Слава богу, башня стояла на самом берегу моря, и защищенный контрфорсом выход не простреливался со стен. Брат Ансельм выполнил приказ. Он, не обращая внимания на протесты Лимассольского командора загрузил галеру провиантом и вернулся к стенам павшего города. Разглядев единственную башню, над которой гордо развевался «Босеан» — черно-белое знамя Храма, он приплыл сюда на первой же шлюпке, и рассказал, что оставшиеся в Лимассоле братья, оспаривают друг у друга пост великого магистра и даже пытаются собрать для этого каждый свой капитул.

— Всех их назначал на посты в свое время мессир — выслушав рассказ, усмехнулся Дмитрий — те, что остались на Кипре — не воины, а фермеры и торговцы.

— Магистр Кипра со страхом ждет возвращения этой галеры, брат Дмитрий — ответил ему Ансельм — ведь тот из братьев высокого звания, кто вернется из Акры, непременно возглавит орден. Мессир, для Храма будет большой удачей, если великим магистром будете избраны вы.

— Нет, дорогой мой Ансельм, — отвечал Меченый Маршал, — три десятка лет назад в Константинополе я попросил у ордена убежище, и я его получил. Я поклялся отблагодарить орден, и отдал ему всю свою жизнь. Точнее почти всю — ведь я еще жив. И за это время Господь, милостью своей, не позволил мне увлечься внешней стороной титулов и радостью обычной человеческой любви. Я сделал для ордена столько, сколько мог. Я стал его частью. Но те, кто остался за стенами этой башни — это не орден Храма, и никогда им не станет, потому что Заморья у нас нет. Доставь мирян на Кипр, брат Ансельм, и оставайся таким же честным воином, каким был всегда. Брат де Фо очень стар, и я думаю, что Дому Скриптория вскоре понадобится новый магистр.

Более они не виделись. Через пару дней, когда внешняя стена начала пошатываться и понемногу с рывками и дрожью оседать, последний мирянин благополучно покинул башню. Удостоверившись, что шлюпка без помех достигла галеры, Дмитрий обратился к братьям, столпившимся в комнате и на лестнице.

— Мы все не успеем уйти, друзья — сказал он, взяв в руки шлем, и поправляя латы — еще час-другой, и башня обрушится, похоронив нас под обломками. Я не желаю погибнуть от камня, который расколется мою голову, как гнилой орех, и переломает кости. Тех, кто хочет отдать свою жизнь подороже, я жду у двери. Через полчаса начинаем вылазку.

Ни на кого не глядя, он перевернул большие песочные часы, спустился вниз по лестнице, и, вынув из ножен свой меч начал аккуратно править его бруском. Оглянувшись через некоторое время, он увидел, что рядом с ним готовятся к бою все уцелевшие рыцари. На лестнице и в проходе толпились сержанты.

Визирь, вызванный из покоев дворца во двор, наблюдал за башней, разрушение которой камнетесы предрекали с минуты на минуту. И в тот самый момент, когда воли, понуждаемые криками погонщиков, стали вытягивать из кладки очередной камень, произошло то, о чем потом долго вспоминали оставшиеся в живых свидетели, а имамы объявили, что воинам-монахам неверных помогает шайтан.

От сильного удара изнутри доски, которыми была заложена входная дверь, брызнули фонтаном наружу, и на насыпь, ведущую к башне, вынеслась сверкающая доспехами группа рыцарей-тамплиеров в развевающихся плащах, в несколько секунд заполнив все свободное

пространство.

Все, кто в это время находился на насыпи, были перебиты во мгновение ока. Над павшим городом взметнулся клич «Босеан!», и отряд гвардии султана, который был наготове, чтобы после разрушения башни пойти в атаку, стал таять на глазах.

Вовремя ретировавшийся под защиту стен визирь дал команду немедленно собрать всех, кто способен держать в руках оружие. Скоро защитников башни теснило по насыпи не менее тысячи человек. В этот момент стонущие от натуги волны наконец-то вытянули из фундамента огромный камень. Башня подалась, накренилась, стала оседать, и через мгновение, которое для находящихся вокруг показалось вечностью, ее стены обрушились вниз, вздымая тучи пыли, и хороня под собой всех — христиан и мусульман, правых и виноватых, победителей и побежденных.

* * *

Несмотря на свою оборотистость, Ставрос так и не смог покинуть тампль до того, как мамелюки накинудись на защитников цитадели, и обложили их в большой башне. Но подземное убежище, по орденской традиции, было отлично укрыто и имело все необходимое для того, чтобы прожить хоть месяц, хоть два. Просторное подземелье имело выход в канализационную сеть, свой собственный колодец, запас еды, а кроме того, здесь был проход, который вел в хитро замаскированный простенок, оборудованный смотровыми щелями. Так что кроме всего прочего, нестигаемый толстячок мог еще и видеть, что происходит в стенах тампля.

Наблюдая за тем, как мамелюки подрывают фундамент, Ставрос ежеминутно возносил молитвы сначала Христу и Деве Марии, потом Яхве, а затем, на всякий случай и Аллаху, чтобы хоть кто-нибудь из них сжалился, и спас «господина барона». Так, несмотря на запрет, он не переставал все эти годы называть Дмитрия, не подозревая, что напоминая о Вази и Анне, доставляет тому душевную боль.

Прошло десять дней, которые показались Ставросу годом, и вот, в конце концов, грохот и содрогание падающих стен известили его о том, что все кончено.

Ставрос, давно приготовивший все необходимое, облачился в наряд, в котором мог сойти за мелкого сирийского писца или за лавочника-еврея, покинул свое убежище, и, стараясь не привлекать внимания, отправился к месту последнего боя.

К тому времени, как, протолкавшись сквозь толпу зевак, и невероятным образом проскользнув через цепь стражников, Ставрос оказался на месте трагедии, пыль которую подняла рухнувшая башня, немного улеглась, и теперь рабы растаскивали камни, высвобождая из-под обломков безжизненные, изуродованные тела.

Господина он отыскал очень быстро — он находился в первых рядах защитников, и большие камни его почти не задели. Трудно было определить, как он погиб — все его тело было сплошь залито кровью. Перевернув бездыханное тело лицом вверх, Ставрос не пытаясь сдерживать слез, принялся непослушными пальцами расстегивать доспехи.

Он отстегнул нагрудник, обнаружил под ним глубокую колотую рану, и продолжая всхлипывать, извлек из поясного мешочка маленький фруктовый нож, чтобы разрезать камизу, как вдруг ему в затылок уперся острый наконечник копья и хрипловатый, чуть насмешливый голос произнес: «Слава Аллаху, всемилостивому и милосердному! Это, пожалуй, единственный еврей, которого я никак не ожидал встретить именно здесь и именно сейчас!».

Погружение у знаменитого камня, где согласно древнегреческому мифу Афродита вышла из морской пены, прошло отлично. Море здесь было побогаче, кое-где даже встречались довольно крупные осьминоги, которые, принимая аквалангистов за своих врагов — акул, то и дело меняли цвет, становясь то серее каменного дна, то угрожающе расцветая всеми цветами радуги.

Вокруг вертелось несколько туристических катерков со стеклянным дном. Их хозяева не преминули включить в экскурсионный показ и двух редких в этих местах аквалангистов. От нечего делать они с Джорджем в два приема обшарили все дно вокруг камня и — вот удача — Диме посчастливилось отыскать в щели старинную золотую монету с греческим текстом, средневековый византийский иперпир, который какой-то древний поклонник богини любви, по традиции бросил в воду.

Они позагорали на нежгучем сентябрьском солнце, закусили для развлечения осьминогами в ближайшей таверне, и выдвинулись в сторону Ларнаки, чтобы к прилету Сергей-Вована оказаться поближе к аэродрому.

Мало того, что Джордж оказался аквалангистом экстракласса и отличным водителем, к тому же, как выяснилось, он великолепно знал всю небольшую страну. Дима был в предвкушении завтрашней экспедиции в Тродос. От приятных размышлений его отвлек Джордж.

— Дима, мне кажется, что за нами следят — с озабоченным голосом произнес ливанец в очередной раз хмуро заглянув в зеркало заднего вида.

— Уверен? — спросил коротко Дима. Только этого им сейчас и не хватало.

— Теперь да, — ответил Джордж, — вон тот белый микроавтобус «Тойота». Если он один, значит, поставили радиомаяк, или зацепили спутником наблюдения. Что будем делать?

— Езжай, как едешь, — зажав в кулаке найденную монету спокойно сказал Дима, — это за тобой, как думаешь?

— Трудно сказать, — поразмышляв ответил Джордж, — я не такая важная персона, чтобы пускать за мной профессионалов, А как насчет тебя?

— Такая возможность не исключается, — вынужден был признать Дима, — оторваться, если что, сможем?

— Думаю, да, если конечно будет где залечь на дно.

— А на Кипре это возможно?

— Если есть деньги, Дима то возможно все.

В это время Димина «Моторола» наконец-то ожила. На связи был Сергей-Вован.

Дима дождался кодового приветствия, ругнув про себя Франческо с его штучками, припомнил какое сегодня число, и также ответил кодом, а затем, не теряя времени, описал в двух словах ситуацию.

— Оторваться от них есть шанс? — просил Сергей-Вован, после того, как разразился Длинной и цветистой тирадой.

— Попробуем — отозвался Дима.

— Короче, Димон, отрывайся и мотай в Никосию. Там буду тебя ждать на въезде в даунтаун, ровно через два часа. Будешь спокойно идти по главной улице, пока не зазвонит

телефон. После звонка свернешь немедленно в первый переулок направо. Все. — И отключился.

Дима, упустив фигуры речи, передал Джорджу содержание инструктажа. Джордж нахмурил лоб, но вскоре улыбнулся, и глядя ежесекундно в зеркало, как ни в чем не бывало, продолжал движение.

Британские «топтуны» устроились с комфортом в микроавтобусе и наслаждаясь прохладой кондиционированного воздуха, потягивали колу, наблюдая на экране дисплея, как по карте передвигается красный кружок. «На заправку заехали — смяв опустошенную банку, и точным броском отправляя ее в корзину для мусора, лениво произнес один из них — что-то долго заправляются, наверное, пошли в магазин».

А Дима и Джордж в это самое время оформляли страховой полис на спортивную «Хонду». Здесь же, в мото-магазине, расположенном вплотную к заправке, они приобрели закрытые шлемы, и байкерские кожаные куртки. «Хонда» с двумя седоками шустро вылетела с заднего двора, и запетляла между машинами, которые к концу дня запрудили шоссе, и тянулись в сторону города нескончаемым медленным потоком.

Оперативники почуяли неладное лишь через четверть часа, и поняв, что в «Сузуки» никто так и не вернулся, а магазин пуст, отбросили осторожность, и ринулись внутрь заправочного комплекса. Единственное, что им удалось узнать у продавца, который был по совместительству и менеджером службы проката мотоциклов, так это номер взятой у него машины, и координаты некоего Джорджа Харба на корешке страхового полиса.

Выяснив, что произошло, они немедленно, пустились в погоню, но через несколько километров остановились в пробке. Старший немного помялся, надеясь видимо на чудо, и начал набирать номер, для того чтобы сделать доклад и получить вполне заслуженный нагоняй. Оперативный дежурный немедленно запросил запись со спутника наблюдения, но изображение мотоцикла с двумя седоками выскакивающего с заправки, никакой дополнительной информации не принесло. Он, конечно, поставил «на сканирование» весь прилежащий район, но вероятность того, что компьютер сможет засечь беглецов, была слишком мала.

Джордж оказался не только высококлассным дайвером и водителем, но еще и судя по всему профессиональным мотогонщиком. По темпу движения и маневрам Дима чувствовал, что «Хонда» управляется опытной и уверенной рукой.

«Минимум четыре языка, все виды транспорта, акваланг — рассуждал он про себя, разглядывая над Никосией гигантское изображение турецкого флага, нарисованного на склоне горы по ту сторону границы и надпись „Кипр — турецкий“ — не удивлюсь, если он при этом еще и владеет приемами рукопашного боя и хорошо стреляет. Кто же он такой, черт возьми?»

Никосия оказалась тесным старинным городом с лабиринтом улиц одностороннего движения. Петляя по каким-то немислимым закоулкам, они выскочили к даунтауну — старому городу в бывшей венецианской крепости. Сейчас за ее желтыми стенами находился административный и туристический центр греческого Кипра, а дно внушительного рва было превращено в огромную автостоянку.

Они оставили арендованный мотоцикл на тротуаре, неподалеку от фирменного магазина «Харлей-Девидсон». При этом Джордж предусмотрительно вставил под гнездо для ключей визитную карточку с координатами владельца, а сами ключи положил под седло. На Кипре воровство транспорта не практиковалось, так как остров был невелик, и сбывать ворованное было некому.

Дима оставил Джорджа ждать в шумной кофейне недалеко от рынка, а сам перешел мост, перекинутый через ров, и не спеша, делая вид, что разглядывает витрины, стал медленно передвигаться по главной улице даунтауна. Он почти миновал ограду резиденции Архиепископа, когда, наконец, ожил телефон.

Дима глянул вправо, обнаружил узкий проход между кованой решеткой и стеной соседнего дома, и немедленно в него нырнул. Не успел он сделать и нескольких шагов, как из ниши в стене появилась знакомая волосатая рука, и потянула его к себе.

Сергей-Вован был одет в легкомысленные шорты и майку, а его переносицу украшали темные очки а-ля «Матрица», которые еще сильнее подчеркивали его бандитскую внешность. Не говоря ни слова, он протащил Диму в глубину двора, потом они заскочили в подъезд, поднялись по лестнице на второй этаж, проскочили по длинному коридору, и вышли на задворки мебельного магазина.

— Ну что, Димон? — спросил Сергей-Вован, прислоняясь к стене и доставая из смятой пачки сигарету — прокололся, мать твою?

— Да даже не знаю, Сергей, вроде не светился нигде. — Дима в двух словах пересказал ему события последних дней и про знакомство с Джорджем.

— Так, — поразмыслив немного, выдал Сергей-Вован, — засветился ты, судя по всему, на своей карточке аквалангиста, дайвер хренов. И как Франческо ее проглядел? Джордж этот вроде не при делах. Иначе мы бы уже полчаса в каком-нибудь здешнем подвале с тобой парились. Нужен он нам теперь, конечно, как собаке пятая нога, но и оставлять здесь нельзя — вычислят в момент, и выпотрошат. Короче, рассуждать будем потом. А сейчас быстро перебираемся на турецкий Кипр и чешем, куда глаза глядят. Сельви и Франческо по-любому, вечером прилетят, он из Стамбула, она из Анкары в турецкую столицу, Кирению. Границу переходим по очереди с интервалом в двадцать минут — сначала твой Джордж, потом ты, потом я. Вот тебе новый аппарат вместо засвеченного. Приятель пусть тоже купит по дороге. После прохода границы, протопааете пешочком в глубь ближайшего квартала, и будете ждать моего звонка. Если что не так, то встреча каждый день в семь вечера в чайхане морского порта Кирении. Все, удачи, братан.

С этими словами Сергей-Вован сделал последнюю затяжку, пошарил глазами по сторонам, и точным щелчком отправил окурок в ближайшую урну. Затем он хлопнул Диму по плечу и исчез в подворотне. «Накрылся Тродос медным тазом» — тоскливо подумал Дима, и отправился к своему новому напарнику.

Кафе, в котором он оставил Джорджа, Диме удалось обнаружить с огромным трудом. Он наткнулся на него совершенно случайно, после того как окончательно потерял ориентацию, бродя по лабиринту маленьких пешеходных улиц. Он ввел своего нового товарища в курс дела. «О'кей — выслушав его, сказал Джордж — мне на Кипре ловить нечего, а тебе со своими ливанскими связями еще пригожусь. Будем отсюда уходить вместе, а там разберемся».

Дима выдал «неплатежеспособному» ливанцу деньги на покупку телефона, и непредвиденные расходы, полчаса посидел в тихом ресторанчике за чашкой кофе, и отправился в сторону контрольно-пропускного пункта.

Найти место перехода на турецкую сторону было несложно — прямо через исторический центр города шла высоченная бетонная стена, украшенная сверху колючей проволокой. «Жалко — подумал Дима, что политкорректные ООНовцы не используют запрещенную международными конвенциями спираль Бруно, а то вид бы был еще более угрожающий». Из-за стены виднелся минарет действующей мечети — по его четырем сторонам были привязаны мощные колонки, и развевался флаг с турецким полумесяцем.

Вежливый финский офицер задал дежурный вопрос о цели визита, и предупредил, что во избежание осложнений, связанных с особым режимом «демаркационной линии», ему следует вернуться обратно не позднее семнадцати часов.

Создавалось впечатление, что пройдя несколько шагов, он снова вернулся в Турцию. Только Турция эта была какая-то военизированная — чуть ли не каждый пятый из проходящих

по улице мужчин был в военной форме. Кроме того, здесь было нормальное, левостороннее движение.

Ожидая в любой момент нападения, Дима бродил по незнакомым улицам, пока его не вызвонил Сергей-Вован. Он определил место для встречи, а через несколько минут перезвонил и Джордж.

Все они сошлись на небольшой площади почти одновременно. Джордж и Сергей-Вован, недоверчиво пожали друг другу руки, затем Сергей-Вован размашистым жестом подозвал ближайшее такси, плюхнулся на переднее сиденье старенького расхлюстанного «Мерседеса», и коротко бросил водителю: «Кирения».

Дмитрий медленно приходил в себя. Плечо, в которое попало копье, проскользнувшее сквозь доспехи, сильно пекло. Кроме того, страшно гудела голова, в которую угодил увесистый камень, сбивший с головы шлем.

Он застонал, и попытался пошевелиться, но встретил сопротивление чьих-то рук, которые не давали ему приподняться. «Где я, на том свете?» — подумал он.

— Не двигайтесь, господин барон, я еще не закончил перевязку — неожиданно услышал он над ухом пискляво-деловитый голос Ставроса, который невозможно было спутать ни с чьим другим. Судя по всему, с мыслями о загробной жизни следовало пока повременить.

— Быстрее заканчивай, еврей, носилки прибыли — раздался откуда-то сверху насмешливый и самоуверенный голос, который был тоже ему знаком — да, шевалье де Вази, если бы не твой управляющий, я бы тебя вряд ли узнал. С седыми волосами и шрамом на лице, ты совсем не похож на того Дмитрия, к которому я попал в плен в Морее. Слава Аллаху, он не допустил, чтобы твой побратим Тенгиз остался неблагодарным. Тем более, сейчас, когда он, Визирь Дивана покойного султана Калауна, стал Главным Советником своего двоюродного племянника, его Величества, светлейшего Эссерафа.

Примечания

Все турнирные фразы и обычаи взяты из «Книги турниров» XV в. Автором которой является Рене де Анжу.

Все цитаты и обряды Ордена Храма взяты из «Французского устава тамплиеров», в переводе Петра Румянцева (*прим. автора*).

Перевод с латыни и старогреческого — Дмитрий Лукин (*прим. автора*).

Инfirmарий — согласно Устава ордена тамплиеров, должностное лицо, отвечавшее за здоровье братьев дома. Лекарь.